

МАРИЯ ЛЕТОВА

МАРИЯ МАНИЧ

БУДЬ
МОИМ

Annotation

Он лучший друг моего брата. Моя безответная любовь. Он старше на пять лет, а я люблю его с пятнадцати. Он смотрит не на меня, а сквозь меня, не видит во мне девушку, а я хочу, чтобы он стал моим первым, а лучше всего — единственным.

Продолжение истории - "Будь моей" - пишется.

- [Будь моим](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
-

Будь моим

Глава 1

— Привет, не видел Андрея? — перекрикиваю грохочущую музыку.

— Не... — Подносит к губам горлышко пивной бутылки парень, которого я видела до этого вечера пару раз в жизни.

Рядом с ним ещё один, абсолютно незнакомый.

— У меня длиннее, чем у Андрея, — ухмыляется этот, второй.

Придурок.

Выбрасываю перед его лицом руку с оттопыренным средним пальцем и прохожу мимо, получив в ответ дружный гогот.

Быстро поднимаюсь на крыльцо дома и захожу в большой широкий коридор этой «дачи».

Деревянная отделка стен, на потолке дизайнерские лампочки без плафонов, прямо под работающим кондиционером фотография каких-то гор.

Я еще здесь не бывала. Я даже толком не знаю, чей это дом. Знаю только, что тут у хозяйки день рождения. В моей руке подарочный пакет с сертификатом от фитнес-центра. Это не намёк, просто я понятия не имела, что ей подарить, а там есть массажный кабинет и спа.

Еще довольно рано по тусовочным меркам, но здесь уже не протолкнуться. Народа под завязку. Музыка орет на полную, у соседей еще двадцать минут нет права вызывать полицию. Хорошо, что в этом поселке дома разбросаны за сто метров друг от друга.

Я вообще не собиралась сюда ехать, в этой тусовке я почти никого не знаю. Обещала подруге, что заскочу сегодня и поделюсь новостями, они у меня есть, но резко поменяла планы. В социальных сетях фотографии и видео отсюда забили всю ленту, и на них... на них был Влад...

Я просто хочу поздороваться... Мы давно не виделись. Я соскучилась по его голосу, улыбке и лучикам морщинок вокруг любимых серых глаз...

— Привет, не видели Андрея? — спрашиваю по дороге.

— Не-а, — отзывается знакомая худая брюнетка.

Бегаю взглядом по лицам парней, которые гурьбой вываливают во двор покурить.

— Привет, Андрея не видели?

— Беккера?

— Угу...

— На кухне глянь...

Протискиваюсь плечом вперед. Захожу на кухню и осматриваюсь. Среди этих людей нет того человека, ради которого я притащилась за город, зато нахожу глазами лицо Андрея, моего старшего брата.

— Приве-е-ет, — возникает передо мной его девушка, Стася. — Классное платье... — осматривает меня и кладет руки на мои голые плечи.

— Спасибо, — отвечаю на ее комплимент. — Ты тоже супер выглядишь.

Она невысокая и очень подтянутая. Работает фитнес-тренером, они с Андреем в зале и познакомились.

— Здесь у нас бар, если хочешь чего-нибудь, просто бери, не стесняйся. И подходи к нам, мы с девочками во дворе будем, там бассейн.

Перед тем как отправиться в бар и взять себе газировки, я с краснеющими щеками и ушами спрашиваю:

— А что, Влад вернулся?

— Да, — весело кивает она. — Ходит где-то здесь...

По моему животу рассыпаются искры. Сердце бухает, и кровь вспыхивает вместе с лицом.

Он здесь...

— Привет, Моцарт! — Андрей укладывает предплечья на барную стойку, вынырнув с веранды.

Я села за фортепиано в шесть лет стараниями нашей немецкой бабушки. У меня абсолютный слух, и я решила, что хочу идти дальше. В семнадцать поступила в консерваторию. Родители оплатили учебу. В девятнадцать я точно знаю, что не ошиблась дверью, иначе сбежала бы оттуда еще в первый год. Мне все нравится. Музыка часть меня. Мое призвание.

— Ты вроде не собиралась приезжать? — Андрей смотрит на меня в легком недоумении.

Ну да. Не собиралась. Это было до того, как я узнала, что его лучший друг внезапно вернулся в Москву после трехмесячного отсутствия.

— Передумала, — пожимаю плечом, продолжая украдкой осматриваться.

Мое сердце заполошно колотится: я в любую секунду могу найти того, кого ищу, и понятия не имею, что тогда стану делать!

Переведя глаза на Андрея, вижу, как он со скучающим видом проверяет свой телефон.

У нас с братом пять лет разницы, ему двадцать пять, а мне через две недели будет двадцать. Он очень даже красивый, и семьдесят процентов моих подруг пытались завести с ним отношения и залезть к нему в трусы, поэтому теперь подруг у меня не так уж много, они отваливались с разбитыми сердцами всю старшую школу.

Мой брат высокий шатен, еще и голубоглазый, плюс на животе у него кубики. У него от подружек отбоя не было, но уже полгода он со Стасей. Она милая — и это всё, что мне нужно о ней знать, я не очень лезу в их дела. Родителям представлять ее он не спешит, но нас познакомил почти сразу.

— А где Влад? — спрашиваю и тут же прячу глаза.

Боюсь того, что мой брат когда-нибудь узнает, как безнадежно я влюблена в его друга. Андрей не поймет. Он вообще в любви не особо разбирается, он потребитель. Я уже точно не помню, где берут начало мои чувства... просто они есть, и с каждым годом все сложнее их скрывать.

— Где-то здесь... — Андрей что-то строчит в своем телефоне.

— Давно он вернулся?

— Вчера, — говорит рассеянно, не обращая внимания на мой мини-допрос.

— Ясно. Надолго?

— Еще не обсуждали.

Потоптавшись на месте, говорю ему:

— Мне нужно в туалет.

— По коридору до упора, потом направо.

— Спасибо... — выскальзываю из кухни в коридор.

Напротив комната с панорамными, открытыми нараспашку окнами от потолка до пола. Народ играет в футбол на плейстейшене. Влада среди них нет.

Отворачиваюсь и на полном ходу врезаюсь носом в широкую твердую грудь с конопляным листом на футболке.

— Тпр-р-р... — удерживает меня за плечи Егор. — Ты куда, малышка?

Он и Андрей вместе учились в МГУ, но три года назад у Рязанцева таких мышц не было. Вокруг его каменного бицепса набита радиоволна, которая подмигивает мне из под рукава футболки.

Егор окидывает меня выразительным взглядом.

У меня декольте глубже, чем Марианская впадина. Длина моего черного сарафана тоже хромает, но я уже давно пеленки не ношу, просто Рязанцев об этом, видимо, забыл.

Они все считают меня ребенком.

Он смотрит вниз, на мою грудь, и от желания подтянуть сарафан меня спасает только бурлящий в крови адреналин.

Опустив руки, разглаживаю невидимые складки у себя на бедрах.

— Спасибо. — Поправляю волосы, глядя на Рязанцева. — Ты Градского не видел?

— Видел, — отвечает, с лентой изучая мое лицо.

На мне макияж, с которым я провозилась сорок минут. Мне хотелось быть особенно красивой. И чуточку более взрослой. На глазах нарисованы широкие черные стрелки, а на губах матовая красная помада.

— Где? — лепечу.

Егор думает пару секунд, после чего мотает головой в сторону коридора.

— Там...

Смотрю в указанном направлении, видя две двери, одна из которых должна быть туалетом.

— Спасибо... ты лучший! — Целую воздух у его щек.

Его руки на моих плечах напрягаются и соскальзывают вниз.

Отстраняюсь, поправляя волосы. Они светло-русые, но выгоревшие на солнце до полного блонда, и сегодня уложены волнами.

Обогнув Егора по дуге, направляюсь в коридор, но правая дверь распаивается раньше, чем успеваю обдумать ситуацию. Оттуда прямо

на меня вываливается какой-то плохо стоящий на ногах парень с дредами.

— Сорян... — невнятно шевелит губами и, пошатываясь, уходит.

Развернувшись на пятках, поворачиваю ручку двери напротив и заглядываю в комнату. В ней полумрак, и из-за грохота музыки ничего не слышно, но я мгновенно выхватываю из пространства картинку, которая выжигается на сетчатке моих глаз клеймом.

Распахиваю их шире под разгоняющийся пульс.

Я вижу голую мужскую спину. Жилистую, с напряженными узлами мышц и ровной впадиной позвоночника. Вижу голые мужские ягодицы над поясом приспущенных джинсов. Бедра резко двигаются между загорелых женских ног, и, когда мои уши отпускает временная глухота, слышу стоны их обладательницы даже через шум музыкальных битов.

Он трахает ее сзади. Одной рукой придерживает талию, а второй собирает и тянет на себя густые рыжие волосы.

Врезается так, что кровать стучит о стену.

Пошло, грязно, грубо...

Нужно незаметно уйти. Исчезнуть. Провалиться через пол и оказаться в подвале. Или лучше в аду. Лишь бы не видеть, как Градский занимается сексом с какой-то рыжей и как ему это нравится...

Мое тело немеет, а к горлу подкатывает ком тошноты. Не могу сдвинуться с места...

— Ты что... дверь не закрыл?! — визжит женский голос.

Меня парализует еще сильнее, когда темноволосая мужская голова поворачивается.

Я вижу знакомые черты. Прямые темные брови, прямой нос, немного тонкие, строгие губы, маленькую ямочку на подбородке и холодные серые глаза. Его лицо такое же жилистое, как и все его тело, и сейчас на его лице гримаса, которой я никогда в жизни у него не видела.

Удовольствие и напряжение. Возбуждение.

Он останавливает этот расфокусированный взгляд на мне, а потом я слышу злую команду, от которой шарахаюсь, больно ударяясь плечом о дверной косяк.

— Арина, выйди на хер отсюда!

Выскакиваю из комнаты как ошпаренная, с грохотом захлопывая дверь.

Глава 2

Влетаю в туалет напротив с ощущением, будто на полу за дверью от меня остался огненный след.

В отличие от Градского, я не забываю закрыть дверь.

Негнушмиися пальцами поворачиваю замок два раза и только после этого даю волю подкатившим к горлу слезам. Лопатками прижимаюсь к холодному дверному полотну и прикрываю глаза, не собираясь останавливать поток соленой влаги, бегущей по моим щекам.

— Добро пожаловать домой! — обращаюсь к Градскому, глядя на свои белые кеды.

Мне приходится мириться с тем, что мужчина, которого я люблю, трахает какую-то рыжую в трех метрах от меня.

Грязная картинка так и стоит перед глазами во всех деталях, от этого сердце сжимается и ноет. Меня раздирает ревностью. Это реальная боль, как боль в горле во время ангины. Это дискомфортное чувство не покидает меня последние три месяца, потому что, когда Влад уехал, я вдруг поняла: он может вообще никогда не быть моим, и мне придется до конца жизни питаться одними догадками о том, что такое его поцелуй или его взгляд, наполненный интересом в мою сторону.

Я не знаю, когда это началось, просто меня затягивало и затягивало, как в воронку, пока я не поняла, что мечтаю о Градском дни и ночи напролет, загораясь каждый раз, когда он рядом.

Горло опять сдавливает спазм.

Он никогда на меня не орал...

Открываю глаза и на слабых ногах подхожу к умывальнику.

Мой макияж поплыл. Исправляю это как могу: обновляю стрелки и маскирую припухшие нижние веки консилером. Выхожу из туалета, стараясь не смотреть на противоположную дверь, но мне достаточно знать, что он там, чтобы разрываться от концентрации эмоций в грудной клетке.

Его не было в Москве три месяца. Он жил за границей, расширял кругозор и набирался опыта. Это все, что я знаю, он не особо светится

в социальных сетях, а вытягивать такую информацию из Андрея — все равно что клеить на лоб бумажку с признанием в любви, потому что вру я, как правило, плохо.

Ноги сами приносят меня обратно на кухню. Мой брат мешает какой-то коктейль, стоя у открытого холодильника, и делает мне знак рукой.

Вяло улыбаюсь в ответ.

— Хочешь чего-нибудь? — спрашивает.

Умереть.

— Ничего, — бубню в ответ.

Падаю на стул и опускаю голову на руки. Нужно вызвать такси и ехать к Крис. Поплакаться ей в жилетку. Больше мне здесь торчать незачем.

— Салют... — слышу будоражаще знакомый голос сбоку.

По спине разбегаются мурашки, щеки заливают краской, волоски на коже встают дыбом — и так каждый гребаный раз!

Повернув голову, вижу, как Градский усаживается на барный стул напротив меня.

На его щеках орущие красные пятна, в темной шевелюре бардак, а на шее... красное пятно, в остальном ничего не говорит о том, что я увидела пятнадцать минут назад.

Его глаза останавливаются на моем лице, и они совершенно невозмутимые, а я готова провалиться сквозь землю, потому что от взгляда на него мое тело опять электризуется.

Потираю ушибленное плечо и задираю повыше нос.

— Как дела? — спрашивает он так, будто ничего не случилось.

На его лице ни тени радости от встречи со мной. Ничего, просто вежливое «как дела» и чуть более внимательный, чем обычно, взгляд. Хоть что-то новое.

Со мной много чего случилось за это время, но вываливать ему свои новости как ни в чем не бывало я не хочу.

— Лучше всех, а твои?

На нем черная футболка и клетчатая рубашка, которая натягивается на широких плечах. Мой рот наполняется слюной, когда смотрю на эти плечи, мечтая обвести пальцами твердые мышцы и почувствовать на себе его руки...

Я зла на него. Рассержена. Хотя он в принципе ни в чем передо мной не виноват.

— В порядке. Дать тебе номер моего психоаналитика? — интересуется как бы между делом. — На случай психологической травмы.

Закусив изнутри щеку, кошусь на брата.

Он роется в холодильнике в двух метрах от нас, и Градский прекрасно знает, что Андрей нас не слышит.

Это всегда манило меня в Градском. Его уверенность и нахальство, от которого у меня в животе бабочки, а сердце неуправляемо трепещет.

— А тебе дать номер хорошего венеролога? — говорю, понизив голос.

— Я использовал презерватив.

Мой рот открывается, а Градский трет ладонями лицо и бормочет:

— Ладно, забудь.

— Я знаю, что такое секс... — выдавливаю из себя подобие улыбки. — Мне не пять лет.

— А, ну да, — криво усмехается. — И что такое секс?

Влад ждет ответа, выписывая по моему лицу взглядом внимательные круги.

— Это когда двое людей занимаются любовью.

— Неправильно. Это когда двое людей трахаются, сбрасывая напряжение, любовь здесь не обязательна.

Жар ползет вверх по моему лицу.

Что с ним сегодня?

— Кажется, это называется цинизм. — Разглядываю свои ногти.

— Он самый. Текилы?

— Алкоголь противопоказан детям и беременным женщинам, — сообщает мой брат, возникая рядом и ставя перед мной банку с колой.

— Иди в задницу! — шиплю рассерженно.

Зато Влад громко смеется, чуть выгнув жилистую шею.

— Че случилось? — Андрей задерживает взгляд на моем лице.

— Ничего... — прячу от него заплаканные глаза.

Сама хватаю со стола бутылку текилы и две рюмки. Осматриваю их с тщательностью рентгена, чтобы не глотать алкоголь после кого-то.

Рюмки чистые, а на лице Градского ирония.

— Давай уже.

Он протягивает руку. Позволяет посыпать солью над большим пальцем. Себе я делаю так же, глядя на то, как его глаза блуждают по комнате.

Я не могу быть естественной рядом с ним. Вечно делаю то одну глупость, то другую, а потом проклинаю себя за это.

Мы чокаемся. Выпиваем одновременно и слизываем тоже одновременно.

Смотрю в его глаза, стараясь не закашляться.

Влад молча протягивает мне дольку лайма, и наши пальцы на секунду соприкасаются.

Тепло бежит по венам вместе с порцией сорокаградусного алкоголя, и я немного расслабляюсь.

— Еще, — прошу его, прикусывая лайм.

Влад приподнимает брови, а я быстро облизываю языком губы.

— Тебе хватит, — сообщает, забирая бутылку.

— Не тебе решать. — Перегибаюсь через стойку и тяну бутылку на себя. — Ты не мой старший брат.

— Тоже верно, — усмехается, разжимая ладонь.

Эта ухмылка делает его лицо красивым. Ямочка на подбородке становится глубже, скулы острее.

Бутылка остается в моей руке, по голым плечам, рукам и груди бегут мурашки. Соски под тонким сарафаном превращаются в чувствительные горошины, и взгляд Градского на секунду опускается вниз, но в следующую секунду он достает из кармана джинсов звонящий телефон и смотрит на дисплей.

Я вижу, как этому звонку адресуется все его внимание. Глядя на экран, он вдруг напрягает желваки, и выражение его лица становится нечитаемым.

— Да? — отвечает на звонок и встает, направляясь к окну.

Я тоже встаю, из-за этого текила ударяет по голове и смягчает колени.

— Я пойду. Меня Кристина ждет, — говорю брату.

— Ага, — отзывается Андрей. — Скинь сообщение, когда доберешься.

Ловлю на себе не особо сфокусированный взгляд Градского, стоящего у окна. Он поднимает руку в знак прощания и отворачивается, слушая собеседника.

Это девушка, и она плачет. Я услышала ее голос, когда меняли музыкальные треки. Услышала так отчетливо, что уши режет.

У Влада никогда не было постоянных отношений, и этот факт всегда спасал меня в часы отчаяния.

Протискиваюсь к выходу, бросив последний взгляд через плечо.

Глава 3

— Ты должна была приехать два часа назад, — без приветствия выговаривает Крис мне в трубку. — У нас после одиннадцати аврал, я тебе сто раз говорила.

Она имеет право обижаться, у нас негласный закон выполнения своих обещаний, а я ее даже не предупредила.

У меня есть два часа, чтобы успеть в кальянную, где она работает. Заведение закрывается в два часа ночи, потом подруга поедет домой, в общежитие, а после полуночи туда постороннему даже со взяткой не пройти.

Универ выделил ей комнату и стипендию, как сироте, но на эту крохи даже тот же кальян не покурить. Она живет в общежитии, а квартиру, которая досталась ей от родителей, сдает. В общем, Крис умеет выживать.

— Я видела Влада, — сообщаю, рассматривая темный потолок машины и ночные огни за окном.

Кристина громко цокает на том конце провода.

— Он что, вернулся?

— Вчера. — Разглаживаю юбку у себя на коленях.

С тех пор, как он уехал, я запретила себе говорить о нем. Теперь я так мало знаю о его жизни, что он почти превратился в мираж. Манящий и недостижимый. Ускользящий от меня куда-то за пределы досягаемости, в ту жизнь, которая скоро совсем перестанет пересекаться с моей, и меня терзает кошмарное чувство потери, с которой я все никак не могу смириться.

— Ладно, я тебя жду. — Кладет Крис трубку, прощая мне то, что я ее почти кинула.

Мы с Крис познакомились в восьмом классе, когда она пришла к нам учиться. Над ней оформил опеку директор нашей школы. Ее родители были в разводе, но умерли один за другим в течение одного года, больше родных найти не смогли. В тринадцать эта история потрясла меня до такой степени, что родители подумывали отправить меня к психологу. Я неделю не могла есть и спать, примеряя на себя ситуацию нашей новенькой, пока остальные ее троллили. Я

пожаловалась Андрею, и он дал в зубы одному придурку, который доставал Крис особенно сильно. Она и сама пару наших одноклассниц оттаскала за волосы, чем покорила мое воображение еще раз. Я предложила ей сесть со мной за одну парту, с тех пор мы неразлучны.

Я вижу ее худую фигуру у барной стойки, когда спускаюсь в подвальное помещение модной сети кальянных «Мята». У Крис черная униформа, темные волосы собраны в высокий хвост. Я, как и все остальные, считаю ее красивой и заметной. У нее слишком пухлые губы и слишком выразительные карие глаза, чтобы на нее можно было не обратить внимания. У нее в руке зажигалка, которой она постукивает по стойке, о чем-то переговариваясь с татуированным с ног до головы барменом.

Все диваны заняты, у стойки тоже толкотня, самый настоящий аврал. Суббота.

— Привет! — кричу ей в ухо, забираясь на единственный свободный стул, который Крис для меня придержала.

— Жди теперь, — пеняет мне. — У меня два заказа, — сказав это, она уходит в техническое помещение, хлопнув за собой дверь.

Заказываю себе кофе и прижимаю чашку к губам, листая ленту новостей в своих соцсетях. Лезу в сторис брата, как тупой сталкер.

Мне хочется взвыть.

Градского на его стримах нет. Только танцующая Стася светит подкачанным пупком. Куда Влад делся?! Уехал сразу после меня? Или опять с кем-нибудь кувыркается?

Кофе становится горьким от этой мысли. Я тусуюсь с братом не так часто, но в первый раз застала чей-то интим. Их вечеринки даже суперпьяными никогда не бывают, иначе Андрей никогда не взял бы меня туда с собой.

Но это же Градский! Ему все можно...

Мне было примерно двенадцать, когда я увидела его впервые. Где-то через год я познакомилась с Крис и просто до дыр стерла ей уши рассказами о нем.

Мой брат притащил к нам домой нового друга, с которым вместе учился на экономическом, и Влад покорила мое неокрепшее воображение с первого взгляда.

Высокий, красивый и непохожий на нас, на нашу семью или друзей. На нем была потертая косуха, рваные джинсы и потрепанные

жизнью кеды, как у настоящего шалопаю. Он был похож на бунтаря! В нашей семье так одеваться было не принято, отца бы хватил удар, если бы Андрей или я обрядились во что-то рваное. Только потом из разговора отца и брата я узнала, что Влад из очень обеспеченной семьи.

Да я язык проглотила, когда его увидела. Пялилась из-за угла, боялась высовываться. Он и не пытался заводить со мной разговоры, до пятнадцати я, кроме «привет», в его присутствии ничего сказать не могла. Краснела, шарахалась и запиралась в своей комнате.

— У меня перерыв пять минут. Пойдем покурим. — Крис кладет на стойку рядом со мной стопку меню.

Терпеть не могу ее привычку курить, а она терпеть не может, когда я ворочу нос.

На улице тепло, мимо снуют редкие прохожие и проезжает желтый «ламборгини». Синхронно провожаем его фары взглядом.

Кристина прислоняется спиной к стене и выпускает вверх облако едкого сигаретного дыма.

— Он тебя видел? — спрашивает у меня.

Закусив губу, рассматриваю матерные надписи на кирпичной стене.

— У него в глазах все плыло и двоилось, — говорю ей. — По моему, он был пьяный.

— От тебя самой пахнет, — морщит она нос.

— Мы пили текилу.

— И он разрешил слизать с себя соль? — хихикает. — А ты намочила трусы?

— Дура, — тоже хихикаю, толкая ее в плечо.

— Тебе нужно носить запасные, когда Градский в городе, — заявляет авторитетно.

Крис видела его вживую не так много раз, но о нем она знает больше, чем о любом своем парне.

Мы опять глупо хихикаем, но, чтобы перейти к самому интересному, мне нужно собраться с духом.

Кристина не девственница, в отличие от меня. Она вообще два раза не думает, перед тем как что-нибудь сделать. Мой брат считает ее проблемной, и это бесячий снобизм. Она такая, какая есть: смелая!

— Я видела, как он занимается сексом, — вываливаю ей. — С какой-то рыжей телкой. Он даже штаны не снял!

Она давится сигаретным дымом и сипит, откашлявшись:

— Боже мой! Тебе теперь психоаналитик понадобится...

Кривовато улыбаюсь, опуская тот момент, где Влад сказал то же самое.

— Ну и как?

— Что как?

— Какой у него член? Сантиметров тридцать?

— Боже, заткнись... — прячу лицо в ладонях. — Я не видела...

— Ты что, глаза закрыла? — издевается она. — Такой шанс...

— Я видела его голую задницу.

Надеюсь, что у нашего разговора нет свидетелей, поэтому кручу головой по сторонам.

— Ну хоть что-то... — цокает.

Она вообще не понимает моих чувств. Крис, как и мой брат, ни разу в жизни не была ни в кого по-настоящему влюблена. Андрей ни одну свою девушку не приводил домой. Никогда. И Стасю в том числе. Я бы могла открыть ей глаза, ведь все это я уже сто раз видела.

Кристина тушит об урну сигарету, говоря:

— По-моему, тебе пора переходить на следующий уровень, а то так и умрешь девственницей.

— Это на какой? Преследование? — Пинаю кедам лежащий на асфальте пластиковый стакан.

— Ну, к активным действиям. Он же не экстрасенс. Ты только смотришь на него, и все...

— А он даже не смотрит.

Это больной вопрос. Очень больной!

— Ну так сделай что-нибудь, чтобы посмотрел, — машет в мою сторону рукой. — Как на красивую и сексуальную девушку, — добавляет со вздохом.

— И что ты предлагаешь? В любви ему признаться?

Больше всего на свете я боюсь того, что он надо мной посмеется. Он это умеет. Я никогда не смогу с ним флиртовать. Я боюсь этого так же, как в пятнадцать.

— У меня от дыма мозги слиплись, я не в состоянии сейчас думать. Что у тебя с концертом в следующую пятницу? Мне

отпрашиваться?

— Да! — Порывисто обнимаю ее плечи. — Меня взяли!

Мы прощаемся, и я вызываю себе такси.

По дороге домой проверяю чат участников концерта, который закрывает учебный год в консерватории. Конкурс на мое место был пятнадцать человек. На концерте будет министр культуры и еще куча разного народа. У нас оркестр и...

Брынькает уведомление, и я опять проваливаюсь в соцсеть.

Зависаю на фотографии, на которой кто-то застал нас с Градским в тот момент, когда мы слизываем со своих рук соль. Сохраняю фото себе в галерею, а потом открываю и рассматриваю, увеличиваю...

Рассматриваю его лицо, обращенное ко мне. Ленивую усмешку на его строгих губах. И его прямой взгляд на моем лице.

Мои глаза закрыты, а его смотрят на меня.

Он пялился?

Сердце делает в груди рывок, в животе оседает холодок.

Следом прилетает еще одна фотография, где мы боремся за бутылку текилы.

Если бы я так отчаянно не прятала глаза, видела бы, что и тогда он на меня смотрел. Прямо, открыто и с прищуром.

Боже...

У меня что, галлюцинации?

Глава 4

Шум дождя в моих наушниках поставлен на полную громкость. Я вижу, как шевелятся губы моего художественного руководителя, но его слов не слышу, у меня «минута тишины».

Он в сотый раз вбивает в наши головы, какое важное это мероприятие и как серьезно мы должны к нему относиться. Это его методы психологической подготовки к концерту, и они явно морально устарели.

Вокруг меня напряженные и серьезные лица.

Я боюсь потерять концентрацию.

Отхожу в сторону, к стене, чтобы помедитировать.

Убиваю в голове все мысли. Ни одну туда не пускаю. Если потеряешь концентрацию, тебя «несёт», и ты уже себя не контролируешь. Творишь фигню, руки не слушаются и голова тоже. Полный аффект.

У меня такое было. Словить это состояние самое отстойное из того, что может случиться на сцене с пианистом.

Меряю шагами коридор рядом с выходом на сцену и разминаю пальцы, сжимая и разжимая кулаки.

Сегодня заключительный концерт фестиваля в честь юбилея консерватории. Он уже полтора часа длится. В зале моя семья и Кристина, и еще человек двести гостей, в том числе министр культуры и мэр Москвы.

Это накладывает ответственность!

Сейчас на сцене хор с партией фортепиано, но через мои наушники ни единого звука не пробивается. Сначала меня поставили к ним, но потом перебросили в другую партию.

Сердце начинает скакать, когда хористы высыпают из зала в коридор, а техники начинают менять инвентарь.

Тру вспотевшие ладони о бедра. На мне черное шелковое платье в пол с узкими рукавами. Полностью закрытое спереди и с вырезом до середины спины сзади. Мне в нем комфортно, даже несмотря на то, что на мне нет лифчика. Соски спрятаны под гладкими силиконовыми

накладками, поэтому мне не угрожает опозориться распущенностью. Мои волосы забраны назад и скручены в гладкую улитку.

Я знаю свою партию наизусть. Я готовила ее к экзамену, плюс за неделю репетиций вызубрила ее так, что смогу сыграть даже в следующей жизни.

По голой коже спины пробегает сквозняк. Окно открыто нараспашку.

Ребята с дирижерского раздают пластинки жвачки. Мне тоже предлагают.

Отрицательно качаю головой. В консерватории есть своя «богемная» тусовка, из которой я выбиваюсь.

Пальцы покалывает.

Эти минуты перед выходом самые ужасные и прекрасные в жизни музыканта. Прекрасные — потому что только на сцене получаешь внутреннее удовлетворение от момента, к которому столько готовился. Ты отдаешься музыке, доставляешь удовольствие аудитории. В этом суть моей сумасшедшей профессии.

— Беккер... — Дергает меня за локоть Наташа, наша главная скрипка. — Але, выходим...

Достав из ушей наушники, высыпаю их в ладонь хориста и вручаю ему свой телефон.

— Подержи... — прошу парня.

— Удачи, — желает он беспечно.

Лучше бы я была хористкой.

— Угу... — Просовываю руку под горло платья и достаю свой кулон.

Сжимаю его в ладони и подношу ее к губам.

Это серебряный скрипичный ключ на длинной цепочке.

Я ношу его с пятнадцати лет. Градский подарил мне его на день рождения.

Он, наверное, уже давно об этом забыл. Это же не кольцо с бриллиантом. Это самая настоящая безделушка. Даже не знак внимания. Он просто вручил мне коробочку мятного цвета на пятнадцатый день рождения и с легкой ухмылкой подергал за косу.

Я слышу свою фамилию среди других, когда ведущий объявляет наш выход.

Опять будоражит мандраж. Волоски на затылке шевелятся.

Черт. Черт. Черт...

Спокойно!

Все проходит, когда оказываюсь на сцене. Концентрируюсь на рояле в центре. Не смотрю в зал. Там слишком много людей.

Я начинаю первой, поправив микрофон. Пальцы делают свое дело на автомате. Музыка заполняет пространство и, когда мелодию подхватывают скрипки, я уже ни о чем не думаю. Просто играю, забывая даже о том, что должна держать спину прямо и не хмуриться, чему учила бабушка. Отдаю инструменту часть своей души. Любовь. Эмоции и энергию.

Нас шестеро. У нас отличная слаженность, я, кажется, ни разу не налажала, но я всегда собой недовольна. Всегда!

Я закрываю партию вместе с виолончелью двумя сильными выпадами. Последний раз ударив по клавишам, замираю и выдыхаю, прикрыв глаза.

Пару секунд вокруг нас тишина, а потом я слышу абсолютно неприемлемый свист. Он сольный, и я почти уверена, что это Андрей!

Дурак.

Мне хочется смеяться.

За свистом следуют аплодисменты.

От адреналина сердце скачет еще быстрее. Глаза на секунду попадают в зал. Разбегаются по лицам. Ни одного знакомого не вижу.

Отвешиваем синхронный поклон и уходим.

В коридоре хорист возвращает мне телефон и наушники.

— Кофе хочешь? Я Антон, — улыбается, заглядывая мне в лицо.

Пытаюсь остудить пылающие щеки, прикладывая к ним ладони.

— Меня родители ждут, — говорю ему. — Может, в другой раз...

— Может, — склоняет набок голову. — Ты Беккер, да?

— Да... ну пока. — Плетусь к окну, на котором лежит мой рюкзак.

— Я тебя найду, — говорит парень мне в спину.

Достаю из рюкзака маленькую бутылку воды и жадно пью. Пара капель течет по подбородку. Вытираю их ладонью.

Свидания не входят в мои планы на лето, я и правда умру девственницей, но моя эйфория не дает этому ужаснуться.

До конца мероприятия еще пятнадцать минут, в течение которых слушаем скупую похвалу худрука, а потом я со скрипящим сердцем

слушаю сольную игру приглашенного гостя. Бывшего выпускника, лауреата международных конкурсов. Лучшего из лучших.

«Мы внизу», — читаю сообщение от Крис и быстро запикиваю в рюкзак воду и телефон.

Мы все идем в ресторан прямо сейчас. Я голода не чувствую, меня все еще колбасит.

В общей толкотне пробираюсь к лестнице и спускаюсь в холл, стараясь не наступить на платье. В холле тоже толпа, но сверху я вижу русский затылок брата и Кристину, которая рассматривает потолок. Вижу седую голову отца и взбитый начес мамы. И высокого брюнета рядом с ними.

Мое сердце спотыкается, кубарем сваливаясь в живот.

На Градском костюме, как и на моем брате. Черный пиджак и брюки. Белая рубашка оттеняет загар, костюмная ткань обтягивает спину, как влитая.

Он, твою мать, как с обложки.

Что он здесь делает?! Он был в зале?!

Влад поворачивает голову, смотрит вокруг, смотрит на лестницу. Три секунды, и он меня видит. И все эти три секунды я не дышу.

Глава 5

Может, и права была Крис. Может, мне стоит носить с собой запасные трусы, когда Влад в городе! В пятнадцать у меня с трусами забот не было, а в девятнадцать они стали проблемой.

Я смотрю на Градского и вижу мужчину во всех смыслах. Сильного, живого, даже слишком. Он всегда двигается немного резко, будто любое положение в пространстве ему быстро надоедает, но, несмотря на это, мне хочется к нему прижаться. Всем телом его почувствовать. От этого теплеет в животе, грудь тяжелеет, и я радуюсь тому, что сегодня на мне спасительные силиконовые накладки.

Градский пробегается по мне непроницаемыми серыми глазами. От прически до носков открытых туфель на шпильке. И возвращается к моему пылающему лицу. Он мне салютует, приложив ко лбу два пальца, потому что видит — я тоже на него смотрю.

Наше скромное семейное мероприятие вдруг меняет весь свой смысл! Просто потому, что присоединился еще один человек. Я боюсь выдать себя взглядами или еще чем-нибудь. Мне кажется, что, когда я на него смотрю, любой может прочесть мои мысли. Поэтому я прячу от него глаза. Почти всегда. Смотрю себе под ноги, пока спускаюсь по лестнице, держась за перила. Контролирую каждое движение. Каждый вздох.

В крови опять адреналин. Только две вещи на свете так выводят меня из равновесия — необходимость выйти на сцену и Градский, и обе они мучительно-восхитительные: сначала пугают, потом приходит чокнутая эйфория. Дофамин в крови зашкаливает.

Меня подколачивает внутренняя дрожь, когда легонько обнимаю папу в полуметре от Влада.

В руках отца букет белых пионов. У Андрея тоже цветы. И у Кристины. Пустые ладони Градского лежат в карманах отглаженных брюк. Чувствую его присутствие кожей. Моя болезнь под названием «Влад Градский» очень высокочастотная и плохо поддается лечению. Я больна и признаю это.

— Я что, прима-балерина? — бормочу в ворот отцовской рубашки, намекая на то, что мне хватило бы и одного букета.

Мой отец ярый фанат спортивных марафонов, поэтому даже в шестьдесят в отличной форме. Энергии у него больше, чем у ребенка.

— Горжусь! — Он легонько хлопает меня по плечам.

Он глотает звук «эр», выдавая свой акцент.

Мой отец живет в России уже почти тридцать лет, но продолжает говорить с немецким акцентом. Родители познакомились в посольстве, здесь, в Москве. Андрей успел несколько лет пожить с родителями в Германии, а я выросла в столице. На родине отца мы бываем наездами, там у нас есть куча родственников.

— Спасибо! — Забираю у него свои любимые цветы и прячу в них нос.

— У меня нет слов... — обнимает мама. — Я помолодела на двадцать лет!

— Тогда мне сегодня грозит опасность, — замечает папа.

Фирменная выдержка его речи любую шутку делает смешной, даже самую плоскую, поэтому прыскаю от смеха вместе со всеми.

— Я тоже помолодел. — Андрей сжимает меня в руках, подкидывая вверх так, что мои ноги отрываются от пола, а ткань платья ужасно сминается.

— Стой! — смеюсь. — Сломаем букет!

— Бомбично, — описывает он мое выступление и аккуратно ставит меня на ноги.

Кристина выныривает из-за его плеча и тянет ко мне руки. Мой брат делает шаг в сторону, кладя свои руки на пояс брюк.

— Я расплакалась, — бормочет Крис мне на ухо. — До сих пор мурашки по телу бегают.

Градский стоит за моей спиной, не мешая поздравлениям.

Я не могу больше его игнорировать.

Прижимая к себе цветы, разворачиваюсь и стреляю глазами в его лицо.

Он наблюдает за нами с видом молчаливого присутствия, но от этого его не становится меньше.

Не пялиться... только не пялиться...

Жар на моих щеках можно списать на волнение. Это спасает!

Он был на концерте — для меня это важно. Он сто раз слышал, как я играю, но это было сто лет назад. Это было до того, как я решила связать свою жизнь с музыкой и сделать ее центром своей жизни.

— Привет, — быстро посмотрев в его лицо, перевожу глаза на верхнюю пуговицу его рубашки.

Над ней его жилистая шея и выпирающий кадык. На линии челюсти короткая щетина.

— Салют, — отзывается лениво. — Я не помолодел, меня размазало, — продолжает он цепочку этой «шутки».

— Понравилось? — снова поднимаю на него глаза, чтобы уловить крупницы эмоций.

— В восторге.

По его лицу ни черта не возможно понять. Может, это правда, а может, нет.

Сердце сладко сжимается от скупой похвалы, а в душе разгорается буря. Как хорошо, что я была не в курсе его присутствия в зале, иначе словила бы свой фирменный панический аффект.

— Плакал?

— Как ребенок, — он растягивает в улыбке губы.

Я тоже улыбаюсь. Не отвожу глаза. Смотрю в его лицо.

Мы пялимся друг на друга, кажется, целую вечность.

Все звуки словно меркнут. Люди вокруг исчезают.

Он такой красивый в этом костюме и рубашке, что слепит глаза. В противовес тому, каким я видела его неделю назад за городом, сейчас он слишком взрослый и серьезный. Недоступный. Это еще сильнее жалит мое либидо.

— Какими судьбами? — спрашиваю тихо.

— За компанию. Давно не видел твоих родителей.

Это отрезвляет.

Размечталась...

— Ну, круто... — говорю, шагнув от него сторону.

— Давайте фотографироваться! — объявляет мама. — Где лучше встать?

Покрутив головой, она выбирает угол между стеной и колонной.

— Альберт, иди сюда... Андрей, ты стань рядом со мной...

— Давай мне цветы. — Кристина забирает из моих рук букеты.

Я вижу, что сегодня с макияжем она заморочилась. Он вечерний. Волосы распущены, плюс она вылезла из джинсов и надела голубое

атласное дизайнерское платье-комбинацию, которое я ей подарила. С ее смуглой кожей смотрится потрясающе.

— Сфотографируешь? — Протягиваю Градскому свой смартфон.

— Ага. — Забирает гаджет, задевая мои пальцы своими.

Отдергиваю руку, боясь, что он заметит мою ненормальную реакцию на свои прикосновения. Хуже всего то, что я не хочу лечиться от этой болезни. Особенно сейчас, когда он здесь, прямо перед глазами.

Десять минут мы фотографируемся, меняясь местами, как на выпускной альбом.

Влад делает пару кадров с родителями и Андреем, потом с Кристиной.

При моих родителях она всегда ведет себя как отличница. Говорит, только когда ее спрашивают, и всегда не то, что думает.

— Теперь ты. — Забирает у Градского телефон, предлагая занять ее место.

Он молча становится рядом. Даже слишком близко. Так, что мой висок касается его колючей щеки.

Я чувствую запах его терпкого парфюма на своем языке.

Не знаю, куда деть руки, ощущая себя скованно и растерянно. Рука Влада уверенно ложится на мою талию, прожигая кожу через тонкий шелк платья.

Крис поднимает телефон выше.

— Улыбайтесь, — велит полупрофессионально.

Осмелев, кладу руку на твердую мужскую грудь, чувствуя под ладонью жар его тела, каменные мышцы и ровный сильный стук сердца.

Даже когда сажусь в машину брата вместе с Крис и родителями, чувствую отголоски этих сильных ударов на своей ладони.

Глава 6

Отец просит себе слово, как только официант разливает по бокалам вино. Папа стучит столовым ножом по своему, наполненному минеральной водой, вставая и привлекая к нам внимание соседних столиков ресторана.

Под потолком горят люстры с хрустальным декором, они медленно вращаются, и от этого по белой скатерти скачут блики.

Это любимое место нашей семьи. Здесь на столик всегда благородная очередь, но это не проблема, если подумать о заказе заранее. Мы заедаем здесь все свои праздники. В отличие от других семей, наша предпочитает одно и то же из года в год. Это наше фамильное постоянство, которое никого из нас не напрягает.

— Моя девочка совсем выросла, — объявляет папа с ласковой улыбкой.

Только не это.

— Папа... — кошусь на него. — У меня день рождения только через две недели.

— Двадцать, — кладет на сердце руку. — Прекрасный возраст, не так ли?

— Получше, чем средний, — озвучивает свои мысли Андрей.

Откинувшись на спинку стула и вытянув перед собой руку, он крутит между пальцев тонкую ножку бокала. Крис рядом с ним притворяется глухонемой, хотя мой брат знает прекрасно — это не ее кредо.

— Глупости, сынок, — цокает мама. — Возраст моральной зрелости — прекрасное состояние души.

— Возраст половой зрелости мне больше нравится, — ухмыляется он, салютуя бокалом.

— Негодник, — цокает мама, глядя на моего брата с нежностью.

Мне немного душно, хоть мы и сидим недалеко от выхода на веранду.

Моя половая зрелость, похоже, вошла в пике.

Глажу свою шею сзади, надавливая на выступающий позвонок. В другой руке у меня запотевший бокал белого сухого вина, и рядом с

его основанием на столе лежит рука Влада. Очень близко. Если я сдвинусь в сторону, то могу прижаться своим плечом к его плечу, и эта мысль не дает сосредоточиться на разговоре.

Он играет льдом, обхватив длинными пальцами толстый бокал для виски, а на его загорелом запястье отлично смотрятся строгие, пожалуй, даже суровые часы.

Он весь собранный и отутюженный, будто это не его буквально неделю назад я застала со спущенными штанами. Каким бы безупречным он ни был, меня этот костюм не обманывает.

Смотрю на его разведенные под столом бедра. На то, как гладкая брючная ткань обтягивает мышцы и топорщится в паху. Мне нужны не только запасные трусы. Слюнявчик тоже пригодился бы.

Отвожу глаза, как будто обожглась.

— За прекрасный вечер, прекрасную компанию и мою дочь, прекрасного музыканта! — Вскидывает вверх свой бокал папа.

— Присоединюсь, — негромко произносит Влад.

Эта интонация кажется мне интимной, и вибрацию внутри себя я принимаю как должное.

Он действительно приехал повидаться с моими родителями. Еще одно преимущество этого места — столы здесь круглые. Любовь моего отца к равноправию здесь заложена в концепцию. Под звон столовых приборов папа ведет с Градским тихие беседы, пока мама пытается вытащить из Кристины подробности ее жизни.

Дипломатия у моего отца в крови, поэтому к нему все тянутся, а в наш дом приходят с ощущением, что им будут рады.

Я мало что знаю про семью Градского. Его отец очень известный хирург, но у них, кажется, сложные отношения. Мы не встречались с его семьей, он никогда не предлагал познакомиться.

— Как дела с учебой? — интересуется у моей подруги мама.

— Отлично, — бормочет Крис, пряча лицо за волосами. — Сессию закрыла на стипендию.

— Арина говорила, ты ищешь варианты для практики?

— Эм... сейчас не до этого... работа много времени отнимает.

— В кафе, кажется? — рассуждает она. — Это не навсегда, дорогая. Андрей, ты говорил, вам не хватает светлых резвых умов в фирме?

Мой брат поднимает голову от тарелки со стейком и выгибает брови.

— Что?

— Ты мог бы помочь Кристине с практикой, — посещает маму отличная мысль.

— Звучит как факт.

— Это необязательно, — мямлит Крис. — Я сама разберусь...

На ее тарелке лежит почти нетронутая паста, в которой подруга купает королевскую креветку.

Ее щеки покрываются пятнами смущения, как у первоклассницы.

— Ему же несложно. Да, сынок? — «просит» мама.

— Угу, — жует Андрей.

— Вот и решили! Отличная спаржа. Никто не хочет попробовать?

— Позвони мне на неделе, — бросает Андрей взгляд на Кристину.

Я уверена, потом буду выслушивать от нее бредни о том, что ей не нужна помощь, но я думаю, наоборот — нужна. У нее маниакальная боязнь быть кому-то обязанной, но ведь мы это не кто-то.

В любом случае все мое внимание сконцентрировано на тихом разговоре между отцом и лучшим другом моего брата.

Мне хочется выплюнуть свой ужин на тарелку, потому что еда просится обратно.

Они говорят о Лондоне и о том, что у отца там есть знакомые. Разумеется, знакомые у него есть даже в Бангладеше, но выворачивает меня не от этого, а от того, что, в отличие от моей подруги, Градский эту помощь с удовольствием принимает.

Салатный лист у меня во рту становится картонным. С трудом проталкиваю его внутрь не жуя.

Ужин превращается для меня в пытку.

Наплевав на свою хроническую неспособность смотреть Владу в глаза, поворачиваю голову и спрашиваю:

— Ты переезжаешь?

Он смотрит на меня. Мажет взглядом по моим глазам. Я не отрываю их от его лица. На секунду опускает взгляд на мои губы, которые я терзаю зубами. На его лбу волнами собрались морщинки, потому что брови чуть сдвинуты.

Как же ему идет эта чертова белая рубашка!

— Рассматриваю такой вариант. — Отвернувшись, отпивает из своего стакана и напрягает губы, когда виски обжигает его язык.

— Когда? — Сжимаю пальцами свои приборы.

— Пока не знаю, — пожимает плечом. — Зависит от многих обстоятельств.

Многих обстоятельств. Очевидно, все уже решено!

— Там есть что-то, чего нет здесь? — продолжаю доставать его своими вопросами.

— Мир вообще большой шарик, — говорит Градский. — И он вращается. Я не люблю сидеть на месте.

— Активная позиция, — присоединяется папа. — Я давно предлагал Арине учебу в Германии. Но она папина домашняя девочка, — смотрит на меня с улыбкой.

И хотя это чистая правда, я вдруг чувствую потребность защищаться!

— Это что, плохо? — выпаливаю, заставляя всех за столом умолкнуть.

— Отец не это имел в виду... — удивляется мама.

— Извините... — бормочу, глядя сквозь свой бокал в никуда.

Градский уедет. Вопрос времени. Я почти уверена, что он выберет именно этот путь. А я... а я... так и останусь для него младшей сестрой его друга.

От последних «новостей» у меня на душе скребут кошки. Их когти до боли впиваются в мою душу, когда официант приносит счет. Градский берется оплатить его в качестве жеста доброй воли и уважения, и мне ничего не остается, кроме как покинуть ресторан вместе со всеми.

Он приехал на своем «БМВ». Машина припаркована прямо у входа, но Влад явно не планировал сегодня возвращаться за руль, иначе не выпил бы за ужином две порции крепкого алкоголя.

Придержав дверь для мамы, а потом для Крис, Андрей выходит на улицу вслед за ней и обращается к своему другу:

— Какие планы?

— Да, в общем-то, никаких, — отвечает тот. — А у вас? — переводит глаза с Андрея на меня.

На моем лице должна быть вселенская печаль, но усилием воли я придаю ему отсутствующий вид.

— Тоже, — смотрю на него искоса и пожимаю плечами.

По голой спине бегают мурашки, потому что эта неделя дождливая, а кофточку я с собой не взяла. Я не планировала гулять по улице, тем более в этих шпильках.

— Мы не собираемся ложиться спать, — подает голос Крис.

— Ну че, — Андрей смотрит на часы и обводит взглядом всех присутствующих. — Тогда предлагаю прогуляться до «Джекпота», — выбирает он бар, который находится через пару кварталов отсюда.

— На нас не рассчитывайте, — хмыкает мама. — Мы поедем домой и...

— Не продолжай, — скалится мой брат, напоминая о том, что сегодня она помолодела на двадцать лет.

Мама хлопает его по плечу своей сумочкой, а Андрей отдает отцу брелок сигнализации от своей машины, предупреждая:

— Завтра заберу.

Градский пожимает руку отцу и позволяет маме поцеловать свою щеку, а потом ведет плечами и сбрасывает с них пиджак, для того чтобы через секунду набросить его на мои озябшие плечи.

Согретая его телом ткань вместе с терпким запахом выбивает из меня тихий вздох. Не могу вымолвить даже элементарного спасибо, заворачиваясь в пиджак.

— Пошли, — выставляет для меня локоть Андрей.

Глава 7

— Оставь себе, — Крис смотрит через зеркало на черный брендовый пиджак у меня в руках. — Он про него уже забыл.

Мы в туалете «Джекпота». Тусклые лампочки освещают моё отражение.

— Может, и оставлю. — Подношу к носу шелковую подкладку и вжимаюсь в нее лицом.

Делаю долгий вдох, запоминая запах и свои ощущения.

Это просто кусок ткани, и она не заменит живого человеческого тела — вывод, к которому прихожу с полным пониманием, что сегодня вечером мое тело просто жаждет и горит познать на практике все те вещи, о которых я мечтала ночами.

Изнутри меня разъедает желание все это испытать в реальности. Прикосновения, ощущения, поцелуи! Может быть, даже секс...

Я могу взять что-то у него на память...

Это все из-за вина.

После прогулки по улице алкоголь не выветрился из меня, а стал коварно и ненавязчиво туманить мозги.

Аккуратно складываю пиджак на краю столешницы умывальника и, плюнув на любые приличия, изворачиваюсь, освобождая свою грудь под платьем от силиконовых накладок. От них зудит и потеет кожа.

Крис тщательно моет руки, задумчиво глядя на себя в зеркало. Она обновила помаду и прошлась матирующей салфеткой по лицу. Мне бы тоже не мешало.

Отправляю накладки в мусорное ведро и присоединяюсь к подруге. Мою руки, глядя на свое отражение. Я чувствую возбуждение и раздразн. Все это вместе плюс вино делают мои щеки малиновыми. Не нужны никакие румяна.

Мы с Крис выходим из уборной и поднимаемся по лестнице в бар. Он полный, как и любое заведение в этой части города в это время суток и в этот день недели. На сцене в углу музыканты играют старые бессмертные американские рок-хиты, и у них до фига благодарных слушателей.

Мне нравится атмосфера таких мест, хотя в подобных заведениях я была всего пару раз, и то в более светлое время суток.

Ориентируюсь на две мужских спины у бара, которые выделяются в толпе ослепительно белыми рубашками. Глаза падают на подтянутую спортивную задницу Градского в строгих брюках. Они с Андреем почти одного роста, но Влад более жилистый и гибкий. Его плечи и бедра создают идеальный мужской треугольник, и эта одежда в три десятка раз усиливает эффект, подчеркивая то, что он не меньше трех раз в неделю бывает в спортзале.

— Люди подумают, что они наши папики, — цокает за моей спиной Крис.

Смеюсь.

Это не так. Они старше всего на пять лет...

Несмотря на толкучку у бара, они заняли для нас стулья.

Вешаю пиджак на спинку того, который справа от Градского, и забираюсь на высокий табурет, оказываясь с Владом «одного роста».

— Спасибо, — благодарю его за пиджак, замечая, что на его щеках пробивается вечерняя щетина.

— Не за что. — Трет ладонью шею, осматриваясь вокруг, а потом кладет ладонь в карман своих брюк.

Ресницы вокруг его серых глаз непозволительно густые и длинные, веки кажутся тяжелыми.

Наши лица на одном уровне, и, чтобы не вляпаться в его глаза на долбаных полчаса, я смотрю на стойку, за которой бармен под руководством моего брата разливает по шотам какую-то бурду.

— Я не пила ничего крепче вина... — говорю всем.

— Со мной можно, — мой брат хлопает в ладоши, как злой гений. — Поджигайте, — тычет пальцем в шоты.

— Это же не опасно для жизни? — смотрю на сизый огонь над коктейлями.

— Примерно так же, как секс без любви, — усмехается Градский рядом с моим ухом.

Повернув голову, сталкиваюсь глазами с его насмешливым взглядом.

На его губах блуждающая улыбка, но она не для меня. Просто он расслаблен и, судя по всему, в приятном настроении.

Чего не скажешь обо мне!

Я все-таки вляпалась в его глаза, на пару секунд забыв, кто я и как меня зовут.

— Ты что, хочешь, чтобы я на столе танцевала?! — слышу возглас Крис.

Перевожу на нее глаза, стряхивая свое наваждение.

— Я думал, тебе для этого «заправка» не нужна, — троллит ее Андрей.

— Зря ты так думал...

— Пьешь или нет?

— Пью... — вскидывает Крис подбородок, заставляя моего брата издать смешок.

Сделав глубокий вдох, я позволяю ему втолкнуть между своих пальцев пылающий шот.

— За космонавтику, — сухо объявляет он.

Мы с Крис смеемся. Влад подносит ко рту собственный шот и, откинув голову, опрокидывает его в себя, после чего тянет руку и берет следующий. Прежде чем его прикончить, смотрит на меня и говорит:

— За Шопена.

Я кусаю изнутри щеку...

Зажмуриваюсь и вливаю в себя полыхающую жизкость, собираясь как минимум умереть от ожогов внутренних органов и от того, что Градский запомнил мою партию!

— Что это? — сиплю.

— Абсент, — сообщает он, прежде чем опрокинуть третий шот.

Кто-то собирается надраться?

Я делаю то же самое, успевая услышать предупреждение брата:

— Притормози...

Уже поздно тормозить. Я понимаю это, когда голова разом становится пустой, а тело легким.

Мне хочется танцевать.

Я хохочу, когда вижу, как Крис принимается ощупывать голову Андрея, собираясь по форме его черепа выяснить, не отдохнула ли на нем эволюция. Вместо того чтобы лениво от нее отмахнуться, мой брат позволяет себя исследовать.

— Как, говоришь, эта наука называется? — интересуется, прикрыв глаза.

— Ты все равно не запомнишь... — фыркает Крис. — У тебя плоховато развита мозжечковая область...

— У меня с памятью отлично. Я не помню, чтобы разрешал тебе так с собой разговаривать.

— Я со всеми разговариваю одинаково...

— М-м-м-м, — стонет Андрей, когда Крис надавливает большими пальцами на его виски. — Я беру тебя к себе в офис. Если будешь делать мне эту фигню на обеде, буду даже платить.

— Это не массаж!

— Насрать...

Я не могу воспринимать их диалог всерьез даже несмотря на то, что на лице Крис странное выражение. Она кусает губу, рассеянно глядя на склоненную перед ней голову моего брата.

Запустив руку в свои волосы, достаю из них шпильки, одну за другой. Трясу головой, заставляя пряди рассыпаться по плечам, и ерошу их пальцами.

Градский перехватывает мою руку, когда тянусь за следующей рюмкой к ряду шотов, которые бармен предусмотрительно обновил уже в третий раз.

Теплые пальцы окружают мое запястье. Сдавливают еле-еле, но мой пульс все равно взрывается.

— Баста, — сопровождает он свой захват пояснениями.

— Ты выпил в четыре раза больше!

— Я и тяжелее тебя раза в два.

Прикусив губу, сползаю глазами вниз по его торсу, обводя ими каждый выступ на груди и в районе ребер. Его ответный взгляд задевает мою грудь. Только на секунду, но я понимаю, что теперь он тоже в курсе того, как в данную минуту ведут себя мои соски. Они затвердели. И стали очень чувствительными.

— Хочу танцевать... — говорю хрипло. Пошатнувшись, хватаюсь за плечо Влада. — Блин... — Соскальзываю со стула, чувствуя, как вспыхнули напряжением его мышцы под моими пальцами.

Мне под кожу будто вживили чип. Я всё ощущаю острее. Его близость. Кажется, даже его запах.

Он поворачивается спиной к барной стойке и принимается наблюдать за тем, как я поднимаю вверх руки и плавно покачиваюсь.

Интуитивно попадаю в такт музыке, потому что у меня идеальный слух...

Мелодия совсем не та, под которую можно медленно и соблазнительно двигаться, но сейчас мне хочется именно этого. Никаких резких движений.

Прикрываю глаза, смачивая губы языком.

Я танцую для него. Понятно ему это или нет, мне плевать. Подавшись вперед, хватаю его за запястье и тащу за собой.

Мы оказываемся в толпе, среди посторонних танцующих людей.

Кладу ладони Градского себе на талию, а свои руки забрасываю ему на шею, плотно прижимаясь грудью к его торсу и вздрагивая от этого соприкосновения всем телом.

Он не сопротивляется, но и не помогает.

Просто не двигается, застыв передо мной как статуя.

— Арина... — звучит как тихое предупреждение.

— Танцуй!

Я начинаю раскачивать нас из стороны в сторону, соприкасаясь своими бедрами с твердыми мужскими бедрами, и от этого между моих ног простреливает тягучий спазм.

Сжав мою руку чуть выше локтя, Влад смотрит мне в лицо, упорно не желая двигаться вместе со мной.

— Ты что, танцевать не умеешь? — смотрю на него исподлобья.

Мои пальцы гладят его затылок. Зарываются в короткие мягкие волосы.

Он не идиот. Он не может не понимать, что я такое творю! Несмотря на свою парализацию, он меня не останавливает. Даже впившись пальцами в мою руку, он не отталкивает меня.

— Я недостаточно пьян для танцев...

— А ты расслабься... я тебя не съем... — шепчу доверительно.

Мне хочется ткнуться носом в его шею. Может, я так и сделаю. Я достаточно пьяная для таких глупостей. Ткнусь и прикушу теплую кожу. Лизну. Попробую ее на вкус.

Подняв голову, смотрю на его губы.

На вид они твердые. Я не знаю, какие они на ощупь, но до боли внизу живота хочу узнать. Они так близко. Чуть привстать на носочки и податься вперед...

— Что ты творишь, Ариша? — спрашивает твердо.

Если он и был пьян, то прекрасно с этим справился, в отличие от меня.

— Я согласна на секс без любви... С тобой.

— Ты ебанулась? — Влад смотрит выше моей головы, куда-то за спину.

Туда, где мы оставили моего брата и мою подругу.

— Фу, как грубо... — Все же припадаю носом к его шее.

Вдыхаю уникальный запах его кожи, а когда снова смотрю на Влада, в его глазах появляется опасный блеск.

Он сильнее стискивает мое плечо. Его кадык дергается.

Сняв руки с его шеи, обнимаю гибкий торс, прижимаясь к нему всем телом.

Это потрясающе, черт возьми.

Градский глазами буравит в моем лбу дыру, пока я поглаживаю раскрытыми ладонями напряженные мышцы его спины. От ощущений меня разрывает на части. Мои эмоции пребывают в бардаке. Мне страшно. Адреналин и близость Влада кружат голову. Мне хорошо. По этим же причинам.

Его пальцы, которые секунду назад задевали голую кожу моей спины, сгребают в кулак платье у меня на талии.

Я не могу смотреть ему в глаза!

Я не могу нормально дышать, потому что животом чувствую пульсацию и твердость у него в паху, и от этого у меня на висках проступает испарина.

— Арина, ты пьяная, — говорит рядом с моим виском, задевая его губами и своим горячим дыханием. — И я тоже пьяный. Я сейчас тебя отпущу, и ты от меня отойдешь. Три, два... — Убирает от меня руки.

Меня топит разочарование. И злость. У него эрекция, господи!

— Что будет, когда закончится обратный отсчет?

— Ни хрена хорошего для нас обоих. Отойди.

Я боюсь и нет. Это как сунуть руку в ловушку и не знать, откусят ее или нет. Но упрямая жестокость в его глазах гасит все мои порывы разом.

Чувствую себя неуверенно.

Отскакиваю, когда на мои плечи ложатся прохладные ладони Крис и её звонкий голос объявляет:

— Я заказала нашу песню! — И добавляет шепотом: — Пошли...

Глава 8

Гитарные басы молотят эхом по моим ушам, даже когда садимся в машину такси.

Я падаю на заднее сиденье рядом с Крис, а мой брат садится вперед, рядом с водителем.

Перед глазами кусками пляшут картинки. Разные лица, дергающиеся в танце тела... Я не должна была столько пить, но ведь сегодня мой день. Мой!

Я чувствую потребность выключиться прямо здесь, в машине, но даже под действием абсента я понимаю, что не могу явиться домой в таком состоянии. Лучше спать на улице, чем позволить родителям увидеть себя растрепанной, пьяной и внутренне озабоченной.

Что с моим телом?! Я будто надкусила запретный плод, и он оказался... наркотиком...

Нажав на кнопку, опускаю стекло на своем окне и глотаю свежий ночной воздух. В нем отлично ощущается запах дождя, даже несмотря на примесь выхлопных газов.

Мои веки тяжелые...

— Адрес? — Андрей смотрит на Крис через плечо. — Добавлю остановку.

Его волосы всклокочены после «массажа», и, судя по голосу, он тоже не против отключиться, поэтому я вправляю ему мозги сама.

— Обалдел? — отрываю язык от сухого неба. — Ее не пустят в общежитие в три часа ночи!

— Тогда отвезу вас обеих на Площадь, — имеет он в виду адрес родительского дома, в котором сам не живет с тех пор, как закончил университет.

— Я не поеду... — тихо стонет Кристина, сползая по сиденью и подтягивая к груди колени босых ног.

Я тоже мечтаю разуться, но не уверена, что потом смогу надеть свои туфли.

— Мы переночуем у тебя! — Пихаю ногой спинку его кресла. — Ляжем в спальне, а ты на диване.

— Класс, — резюмирует Андрей. — Ладно. Едем, — сдается и трет ладонями лицо.

— Так куда едем-то? — теряет терпение таксист.

Андрей меняет конечную точку нашей поездки, указав адрес своей квартиры, а я прикрываю глаза и погружаюсь в пучину своих разбегающихся мыслей.

Мне не стыдно. Нет!

Прокручиваю в голове каждое касание и каждое шевеление воздуха в тот момент, когда между мной и Градским было расстояние уже, чем ширина спичечной коробки, или не было вообще.

Может, он и не единственный мужчина в Москве, но я никогда не встречала другого такого, к которому бы меня тянуло вот так — даже с закрытыми глазами. Даже на расстоянии.

Он просто взял и ушел, пока мы с Крис покоряли танцпол. Даже не попрощался. Его пиджак так и остался висеть на спинке моего стула, а теперь лежит у меня на коленях, свернутый в аккуратный квадрат.

Расплакаться было бы отличным выходом для всех моих эмоций. Нет. Рыдать в голос, потому что, когда я поняла, что Влад ушел, интерес к бару, танцам и всему прочему у меня в ту же секунду умер. Это отвратительное чувство, но я с ним давно знакома. Наверное, я могла бы описать его музыкой: бессмысленный асинхронный перебор всех нот подряд. Именно это мне хочется творить, когда дело касается Градского. Творить всякую дичь...

По крайней мере, я тоже оставила ему подарок. Он испарился, прихватив с собой свою чертову эрекцию.

Это самая будоражащая тайна за всю мою почти двадцатилетнюю жизнь. Эрекция Градского, упирающаяся мне в живот.

Он хотел меня.

Мое удовлетворение гаснет в ту же секунду, как понимаю, что после своей выходки я не увижу Градского очень-очень долго. От этого мне дурно.

Я проваливаюсь в свои мысли так глубоко, что в какой-то момент они, кажется, становятся сном, но потом машина тормозит, и этот толчок выбрасывает меня в реальность.

В квартире Андрея прохладно и темно. Он включает тусклую верхнюю подсветку по периметру коридора и широко зевает,

прислонившись плечом к дверному косяку. Вальяжно расстегивает манжеты своей рубашки, пока мы с Крис цепляемся за стены и хихикаем, пытаясь избавиться от обуви.

Она осматривается, заглядывая в глубь квартиры. Изучает стены коридора, обвешанные разным коллекционным барахлом, которое мой брат собирал по всему миру в своих путешествиях.

— Это древнее порно? — Крис тычет пальцем в деревянные фигурки двух спаривающихся слонов, прибитые к стене.

— Это народное балийское зодчество, — проходит мимо нас Андрей. — Чистые футболки в комод, — бросает через плечо. — Вода на верхней полке в холодильнике. Аспирин в аптечке. И не высовывайтесь из комнаты до десяти утра. Дайте поспать.

— Ты мог и не просить об этом...

В ванной я не вижу никаких признаков присутствия Стаси. В любом случае моя голова слишком тяжелая, чтобы думать о чем-то, кроме того, как раздеться и рухнуть наконец в постель.

Стащив с себя платье, быстро надеваю огромную футболку брата и забираюсь под одеяло, чувствуя, как гладкое постельное белье холодит кожу. Примяв щекой подушку, наблюдаю за тем, как Кристина пошатываясь заходит в комнату и расчесывает волосы пальцами.

— Я приму душ... — говорит еле слышно. — Я не могу спать грязная...

— Как хочешь, — шепчу, глядя в незашторенное окно от пола до потолка.

— Ты как, Арина? — Крис трогает меня за плечо. — Ты его что, лапала? Вас чуть Андрей не спалил.

— Давай не сегодня... — прошу ее тихо.

Я проваливаюсь в сон, как только эти слова вылетают из моего рта.

Меня будит жажда. Ощущение, словно во рту пустыня Гоби и я не видела воды дней десять. Я не хочу умирать от обезвоживания, поэтому трясую головой и опускаю ноги на холодный паркет. На ощупь добираюсь до кухни и задеваю ногой стоящую у стены банкетку.

— Ай... — вою в полутьме. — Твою мать!

Коридор освещает только тонкая полоска света из-под двери ванной. Иду к ней, прихрамывая, топя босыми пятками по полу.

— Крис? — стучу по двери пальцами. — Ты там? Все в нормальном?

Я слышу возню и хриплое:

— Да-а-а... я... в туалете...

— Я за водой. Тебе налить?

— Д... да.

— Тебе плохо? — Дергаю дверную ручку вниз.

— Нормально! Сейчас приду!

— Ладно... — бормочу, направляясь на кухню.

Нырнув в холодильник, достаю с верхней полки маленькую бутылку воды. Она холодная, и я пью ее, захлебываясь, а когда возвращаюсь в постель, та все еще пуста. Почти отключившись снова, я понимаю, что Андрея на диване в гостиной тоже не было.

Глава 9

Неделю спустя

«Привет, я тебя нашел», — читаю сообщение в директе своей соцсети.

На аватарке отправителя знакомое лицо. Это хорист. Тот самый, с юбилейного концерта на прошлой неделе.

«Привет», — пишу ему в ответ.

«У меня билеты на выставку стрит-арта, хочешь сходить?» — зовет он меня на свидание.

Вот так сразу?

Все мои свидания, как правило, заканчиваются ничем. Только пару-тройку раз я позволила закончить их поцелуями. Было приятно, но я тормозила задолго до того, как парни начинали распускать руки.

Я не собиралась беречь себя для Градского, я просто не хотела этого с теми парнями... Желание узнать, что значит почувствовать на себе мужские руки, каждый раз боролось во мне с глубоким внутренним сопротивлением, которое не давало расслабиться и получать это пресловутое удовольствие.

Очевидно, я устроена так, что могу получать удовольствие только одновременно и телом, и головой.

Может, это лечится?

Пф-ф-ф...

«Уехала за город. Может, в другой раз», — быстро строчу в ответ.

Никнейм парня не дает никаких подсказок по поводу имени, а сама я его вспомнить не могу. Будто мне ластиком начисто стерли этот участок памяти.

— Видел твой концерт в сети, — отвлекает меня Егор.

Он сидит за рулем своего внедорожника рядом со мной. На нем майка с глухим горлом без рукавов, и его бицепсы выглядят особенно впечатляющими.

Повернув голову, я ловлю его взгляд на дисплее своего телефона, а потом и на своих голых коленях. Блокирую экран, не прочитав ответ на последнее сообщение, и убираю гаджет в карман сарафана.

— Он был не «мой», — имею в виду концерт. — Общий. Коллективная работа.

— А, ну да, — отзывается Егор. — Но я в любом случае посмотрел только твоё выступление.

— Не люблю смотреть на себя в записи... — делюсь с ним.

— Зря. Ты очень красивая.

Комплимент вызывает легкий прилив стеснения, потому что взгляд Рязанцева за этот короткий миг успевает коснуться моей груди в вырезе летнего сарафана, потом плеч и только после этого — лица. Но уже в следующую секунду Егор опускает на глаза солнечные очки и отворачивается.

— Спасибо, — бормочу, глядя в окно на стык яркого голубого неба и ровного полотна дороги.

На небе ни облачка. Асфальт плавится на солнце, за бортом почти тридцать градусов жары.

— Заскочим на заправку.

Машина принимает правее, а я зависаю с ответом. Осязаемый интерес Рязанцева заставляет меня тормозить. Я знаю его не так давно, может быть, пару лет, до этого нам не приходилось пересекаться, но он, кажется, никогда не смотрел на меня вот так...

— Угу... — опускаю глаза и чешу за ухом Беню, бульдога своих родителей. — Купишь нам воды? — делаю самый непринужденный голос на свете.

Несчастливая морда Бени лежит на моей коленке. Он тяжело дышит, даже несмотря на то, что салон машины комфортно охлажден. Здесь не жарко и не холодно. В окно бьет солнце, от которого мое лицо спасает козырек бейсболки. Я прячусь за ним, пока Егор выбирается из машины.

Мой брат решил провести выходные на родительской даче вместе с друзьями.

Мама с папой на выходные улетели в Стамбул, так что мне пришлось взять собаку с собой. Я почти силой выволакивала ее из дома, потому что, в отличие от меня, выходные за городом Беню не радуют, он предпочел бы целый день проспять на ковре перед телевизором, вместо того чтобы тащиться куда-то вместе со мной.

Час потолкавшись в пробках, мы добираемся до поселка, в котором пятнадцать лет назад мои родители приобрели дом. В гараже

и на парковке три машины, и ни одна из них не похожа на темно-синий «БМВ», который я так надеялась увидеть...

Мое настроение реагирует мгновенным падением, но мне ничего не остается, кроме как проглотить свое разочарование вместе со своими надеждами.

Выйдя из машины, достаю из салона Беню, который с нулевым энтузиазмом осматривается по сторонам.

— Привет! — Андрей появляется из открытого гаража и жмет руку Егору.

— Здорово... — отвечает тот. — Как сам?

— Говённо. Контракт с финнами третий раз срывается.

— Что же ты ломаешься, финская красавица... — посмеивается Рязанцев.

— Да уж почти дала, — хмыкает брат. — Но, видать, кольца ждет.

Хлопаю дверью, показывая свое отношение к этим метафорам.

На моем брате шорты и кроссовки на босу ногу, на голове модная панاما кислотного цвета. Засунув руки в карманы, он сверкает загорелыми кубиками пресса и направляется ко мне.

Егор открывает багажник и принимается доставать оттуда ящики с продуктами, выставляя их на газон рядом с живой изгородью, которая защищает наш участок от посторонних глаз вместо забора. В нашем коттеджном сообществе заборы запрещены уставом, так что здесь все участки максимально слиты с природой. Я люблю нашу дачу даже зимой.

— Ты одна? — Андрей бросает взгляд в салон через стекла своих авиаторов, обходя машину.

— Нет, со мной национальное достояние Великобритании, — сообщаю я.

— А... — Трет пальцем кончик носа. — А твоя подруга?

— У нее дела. А что? — спрашиваю рассеянно.

Я и сама Крис неделю не видела. После нашего совместного вечера я проснулась почти в полдень, к тому времени Кристина уже уехала, даже не разбудив меня. Мне было кошмарно плохо. Я почти не помню, как мы вернулись домой. Эту часть памяти у меня тоже стерло ластиком. Начисто.

— Привет, старина! — Присев на корточки, Андрей треплет Беню по голове. — Жарко тебе? Жарко, знаю...

— Я свожу его на озеро, — вздыхаю. — Так и быть.

— Добрая... — тянет брат, вставая.

— С тебя рыба на углях!

— Договорились! — Шлепает своей ладонью по моей.

Подхватив один из ящиков, Андрей идет в дом вслед за Егором, который тоже прихватил с собой ящик.

Примерно впервые в жизни я смотрю на Рязанцева другими глазами.

Оценивая?

Может быть...

Он широкий в плечах и... немного грузный из-за всех этих мышц. Это не в моем вкусе. Я предпочитаю, чтобы в мужчине было на пару десятков килограмм меньше. Чтобы мышцы его тела находились в идеальной гармонии со всем остальным. Прямо как у Градского, черт его возьми.

У Егора свой бизнес, что-то связанное со строительством, но я никогда не интересовалась, каким именно... Я вообще друзьями брата никогда не интересовалась. Кроме одного.

Дергаю поводок, заставляя Беню идти за собой. Он делает пару попыток сопротивляться, но безуспешно.

— Идем-идем. Я дам тебе косточку. — Стираю со лба пот, убираясь подальше от солнца.

Во дворе, в зоне барбекю, на шезлонгах тусуется народ. Три парня и одна девушка. Я их знаю, но не очень близко.

Взмахнув рукой, прохожу мимо.

На кухне Стася. В коротких джинсовых шортах и желтом бикини на завязках. Она режет грудку апельсинов для лимонада и громко чихает, поглощенная процессом.

Это вроде как моя кухня, но я чувствую себя гостем. Я не имею права возмущаться. Я не собиралась ехать. Вернее, я раз пятьсот собиралась, а потом нет. Это было глупо, ведь я знала, что все равно поеду. Я всегда выбираю возможность ЕГО увидеть, вместо решения его НЕ ВИДЕТЬ.

— Будь здорова, — говорю, обозначая свое присутствие.

— Арина! — Кидает нож и летит обниматься. — Привет! Андрей сказал, ты не приедешь...

Беня протестующе фыркает, ему чуть не отдавили лапы.

— Это что за порода? — бросает Стася взгляд на нашего пса.

— Это английский бульдог...

— О, ясно... — переводит на меня глаза.

— Тебе помочь? — осматриваю кухню.

— Да! Можешь помыть овощи? Они для гриля...

Отстегнув поводок, позволяю Бене упасть на кафельный пол посреди комнаты.

Мытье овощей выливается в нарезку салата и подготовку ингредиентов для бургеров, но я не самый расторопный повар, поэтому на это уходит много времени. Стася тактично не замечает моих заторможенных ковыряний в салатных листьях и бургерных котлетах. Она болтает. О своей любви к готовке, спорту и путешествиям. Мне трудно поддержать разговор, потому что ни к чему из этого у меня самой нет выдающихся пристрастий.

— У Андрея были до меня серьезные отношения? — вдруг меняет тему Стася.

Честно говоря, я не считаю их отношения с Андреем серьезными. Она красивая, может быть, немного неестественная рядом с ним, будто все время пытается ему угодить и понравиться. Но, даже несмотря на это, мне неловко ее расстраивать.

Утащив немного нарезанного соломкой огурца, медленно жую и, вернув глаза к разделочной доске, отвечаю:

— Кажется, нет. Он давно с нами не живет.

Надеюсь, это дает понять, что я не стояла со свечкой у его постели.

— Давно? Это сколько? — уточняет Стася.

— Почти четыре года, — отвечаю, испытывая желание уйти куда-нибудь от разговора о своем брате.

Это моя естественная реакция еще со школы.

— У тебя на следующей неделе день рождения?

— Эм... да...

— Празднуете с родителями? — она смотрит на меня с улыбкой, но выражение ее глаз кажется цепким и... холодным.

— Скорее всего...

— Какие планы? Семейный ужин?

Мне неловко говорить об этом, ведь ее, очевидно, никто не приглашал. От ответа меня спасает скулеж Бени.

— Налью ему воды... — бормочу, ища его миски в нижнем шкафу рядом с холодильником.

Пока он пьет, я скрываюсь в туалете, а когда возвращаюсь, Стаси на кухне уже нет. Прицепив к ошейнику поводок, тащу Беню через дом к задней двери и по тропинке через сад выхожу за пределы нашего участка.

До озера две минуты.

Я отпускаю Беню на все четыре стороны, когда оказываемся у воды. Узкая полоска песка на пляже раскаленная и безлюдная. Бенья бросается в воду даже раньше меня. Я оставила телефон на кухне, поэтому не знаю, сколько времени мы с ним купаемся.

На обратном пути решаю остаться босиком. Чтобы не мочить сарафан, вешаю его на плечо.

Бенья устал и еле плетется, перебирая короткими ножками.

— Давай поднажми... — подгоняю, придерживая для него калитку.

На дорожке за моей спиной шагаи.

Поворачиваю голову и упираюсь глазами в знакомый разворот плеч. В силуэт, от которого внутри фейерверк. Скользнув по голой мужской груди, мой взгляд упирается в серые льдинки глаз идущего мне навстречу Градского.

Глава 10

Влад тормозит в трех шагах от меня.

Бодрый, слегка растрепанный и красивый, особенно с тенью щетины на чуть впалых щеках.

В моей голове мигают все лампочки подряд. Сигналят о том, что мне не стоит опускать глаза ниже его подбородка, туда, где он голый до пояса, загорелый, безумно сексуальный.

За секунду в голове проносится мысль о ревности к тем, с кем он был или с кем собирается быть. И если я всегда боролась с этими мыслями, то сегодня они бухают на задворках сознания. Кричат оттуда, царапаются. Я хочу этого всего. Хочу. С ним...

Если Влад и застигнут врасплох, то на его лице это никак не отражается.

Надеюсь, по моему лицу тоже ничего не прочесть, хоть сердце и разгоняется, когда его глаза медленно спускаются вниз, на мокрые голубые треугольники моего купальника, под которыми затвердели соски. И не от купания, а от того, как кричаще дорожка темных волосков под его пупком убегает за резинку шорт вместе с косыми мышцами пресса.

Кожа вспыхивает от «прикосновения» его глаз. Покрывается мурашками, хоть я и стою на солнцепеке. Внизу живота теплеет. Воспоминания недельной давности вихрем проносятся в голове, будто не крутились в ней все эти дни. Будто это было только вчера.

Обретаю дар речи, когда до ушей долетает хрип Бени, вошедшего наконец-то во двор.

Убираю руку и отпускаю садовую калитку. Она хлопает о столбик, и этот звук разлетается по двору с громким «дзинь».

Сжимаю пальцы вокруг поводка так, что останутся следы на ладони.

— Не знала, что ты здесь будешь, — обращаюсь к Владу, не двигаясь с места.

Он ворует мои мысли, хриповато бросая:

— Но очень надеялась?

Сказав это, он оборачивается на дорожку за своей спиной, после чего смотрит на меня так, будто хочет понять, собираюсь ли я делать вид, что «ничего не было» или не собираюсь.

Я ищу на его лице ответ на тот же самый вопрос.

Волнуюсь и ищу подсказки о том, как должна себя вести.

Я всю неделю думала о своей линии поведения и поняла, что помню всё слишком хорошо, чтобы попытаться притвориться и спихнуть все на алкоголь, ведь притворяюсь я хуже некуда.

— Да, хотела сказать спасибо за цветы, — отбиваюсь от его провокационного вопроса.

Когда я вернулась от Андрея, дома меня ждал огромный букет ромашек. Курьер доставил их утром. Там была записка, поэтому я точно знаю, от кого они.

— Я отправил их до твоего перфоманса на танцполе, — поясняет Градский, продолжая буравить мои глаза своими.

Сегодня мне вдруг легко смотреть ему в глаза, я и так перешла черту. И здесь нет никого, кроме нас, а это значит, что мне не нужно прятать свои чувства. Я не хочу их больше скрывать, хочу, чтобы он знал.

— Ты про тот перфоманс, который тебе так понравился? — лезу на рожон, намекая на то, что у него была... эрекция на меня.

Он молчит секунду, после чего резко приходит в движение. В три широких шага оказывается рядом и подхватывает за локоть, сомкнув вокруг него сильные пальцы.

— Пойдём-ка. — Дергает и тащит через газон к коробке уличного душа за кустом маминых роз.

Выпускаю поводок Бени и свой сарафан, проваливаясь босыми ногами в траву.

— Что ты делаешь?! — Пытаюсь выбраться, но захват на моем локте только усиливается.

Он затаскивает меня в отделанную камнем душевую и заходит следом.

Упираюсь лопатками в стену и смотрю на него мятежно.

Влад кладет на пояс руки и смотрит вверх, на кусок синего неба, которое видно через открытый потолок.

Здесь слишком тесно для двоих, тем более один из нас в два раза больше другого, и на нас почти нет одежды. Я кусками глотаю вид его

голых плеч и тугих мышц на бицепсах. Все это будоражит, и мое дыхание сбивается. Он хоть представляет, как мне хочется коснуться его кожи? Провести пальцами по его груди и животу.

Солнечные лучи делят его зрачки на серебристые кристаллы, когда он снова смотрит на меня. В мое лицо. На мои губы. Отворачивается. Глядя в сторону, требует:

— Что это было?

Не хочу строить из себя дурочку. Он не любит дур, когда-то я слышала это от своего брата. Я даже не знаю, что он любит на самом деле, но это не мешает мне тянуться к нему кожей, будто я чувствую, что мы идеально совпадаем.

— Материализация желаний. — Складываю под грудью руки в защитном жесте.

— Надеюсь, это была единичная акция? — спрашивает без тени улыбки. — И больше ничего подобного ты вытворять не собираешься.

— Скорее эксклюзивная... созданная специально для тебя. Влад, я...

Он смотрит так, что я умолкаю.

Делает шаг ближе, оставляя между нашими телами какие-то жалкие десять сантиметров.

— Арина, мне это на хрен не нужно, — вколачивает твердо. — Можешь сыграть на балалайке, я зачу это эксклюзивом, в остальном у нас все общественное. Ничего личного. Закрыли тему?

— Это ты ее поднял!

— Я предпочитаю подстраховаться. Так мы закрыли тему?

Бегаю по его лицу глазами, пытаюсь выдавить из себя «да» или «нет».

Да или нет?!

Нет... ни за что...

— Тебе понравилось... — напоминаю ему.

— Я был пьяный.

Сглотнув, хрипло говорю:

— Но сейчас-то ты трезвый...

Он поджимает губы и смотрит вниз. Туда, где между нами маленькая полоска воздуха и где его шорты топорщатся так явно и недвусмысленно, что я соединяю колени, сжимая свои голые бедра.

У меня по коже ползут мурашки. По животу, по груди, по спине. Соски становятся чувствительнее, и я остро ощущаю, как они трутся о мокрую ткань купальника.

Крылья носа Градского раздуваются от глубокого вдоха.

Я все-таки опускаю ладонь ему на грудь и подаюсь вперед, сокращая тем самым остатки пространства между нами.

Перехватив мое запястье, он прижимает его к стене своей ладонью и нависает надо мной всем своим ростом, заставляя сладко ныть все тело.

— Арина, — давит на меня взглядом. — Мне двадцать пять. У меня член встает даже на картинку из плейбоя, а ты красивая девушка. Это ничего не значит.

Сжимаю губы, чтобы не выдать обиду. Смотрю на него, никак не собираюсь комментировать его физиологию.

— Объясняю на пальцах, — переходит на вкрадчивый шепот, продолжая сжимать мою руку. — Я не занимаюсь ухаживаниями. Не занимаюсь нежным сексом с девственницами, тем более не завожу с ними романов. Найди развлечение в своей песочнице. Я не собираюсь портить отношения с твоей семьей из-за твоих капризов.

— Это не каприз...

— У нас не будет секса. Никакого. Никогда. Мир, дружба, жвачка — все, что я могу тебе предложить. Мы сейчас расходимся и больше не поднимаем эту тему.

Облизнув пересохшие губы, говорю:

— Я тебя люблю, Градский...

— Да, блть, — возводит глаза к небу. — Что ты себе придумала? Я, по-твоему, принц на белом коне?!

— Нет... ты не принц. Может, меня это в тебе и привлекает, — выдаю с вызовом.

— Ты маленькая дурочка, — уверяет.

— А ты циничный.... мудака.

— Ну и как, по-твоему, две эти параллельные прямые пересекаются?

— Мне все равно...

— Не сомневаюсь.

Оба замираем, когда за стеной раздаются голоса и шаги. О мою ногу трется Бенья, который послушно притащился следом.

Мы с Владом смотрим друг другу в глаза, синхронно замолчав.

Через запах скошенной травы слышу аромат его тела. Дезодорант, смешанный с запахом кожи. Уже знакомый.

Градский не двигается. Не бросается в суету, просто ждет, как и я, а его палец зажимает пульс на моем запястье.

Мой пульс частит. Молотит как бешеный о подушечку его большого пальца.

Градский смотрит в мои глаза, и мне кажется, будто воздух вокруг нас щиплет. Если он не чувствует того же, то просто осел.

Наверху шумят деревья, или это моя кровь шумит в ушах? Считаю ресницы вокруг серых непреклонных глаз и зависаю на отметине еле заметного вертикально шрама в темной прямой брови. На еле заметных морщинках в уголках его губ, которые похожи на скобки...

Градский наблюдает за мной, но ему ничего не нужно делать, чтобы меня прочесть. Он и так меня читает, без разрешения считывая мой пульс...

По шее бегут мурашки, когда его голова вдруг склоняется набок, делая миллиметровый выпад вперед. Так, будто собирается поцеловать...

Не дышу, глядя на его губы.

Легкий хлопок калитки извещает о том, что мы опять остались одни.

Дернувшись так, будто этот хлопок пришелся ему по голове, Влад выпускает мое запястье и хрипловато говорит:

— Через месяц я уезжаю, но, даже если бы и нет, все осталось бы так, как было. Найди себе парня, тебе давно пора потрахаться.

Моргаю и злюсь.

Я всегда хотела, чтобы моим первым был он. Был моим. Впервые в жизни его цинизм меня злит!

— Я секс без любви не рассматриваю, — говорю ему.

— Эта романтичная херня со временем пройдет.

— Надеюсь, что нет. — Нагнувшись, подхватывю с земли поводок и добавляю: — Можешь в этот раз не убегать. Я сама уеду. Развлекайся.

Проскользнув мимо Градского, задеваю его грудь своей и со всей дури хлопаю по кнопке смесителя, открывая поток холодной воды.

Она обрушивается на голову Влада в режиме водопада, и несколько жирных капель падают мне на спину, когда я выбегаю во двор, таща за собою Беню.

— Твою мать! — взывает Градский, отплевываясь.

— Хорошего отдыха! — бросаю через плечо и несусь к дому, забив на свой сарафан.

В своей комнате наверху переодеваюсь в сухую одежду. Вызвав такси, смотрю в окно на двор, где спустя пару секунд появляется мокрый Градский. Бросив взгляд на мои окна, отворачивается и идет к калитке, судя по всему, собираясь последовать моему совету.

Развлекаться.

Глава 11

— Думаешь, он что-то сожрал? — Андрей смотрит назад, туда, где на своей пеленке лежит наш пес, и возвращается взглядом на дорогу, одной рукой перестраивая машину в левый ряд.

— Не знаю... — смотрю в печальные глаза Бени. — Просто какой-то вялый. Только пьет, и то мало.

— Он вялый последние пять лет, — замечает брат.

— Более вялый, чем обычно, — делаю я уточнение.

Бене почти семь, но и в «детстве» он не отличался особой активностью. Мне всегда казалось, что у нас самая ленивая собака на свете. Будто чувствуя, что его везут к врачу, он смотрит на нас особенно жалостливо.

— Ладно, — вздыхает Андрей. — Щас проверят его. А с тобой что?

— Со мной? — Сжимаю кожаный ремешок сумочки.

— Ага, — он окидывает меня придиричивым взглядом. — Ты какая-то заторможенная.

— У меня месячные, — решаю отделаться от всех его вопросов разом. — Рассказать об этом?

— Уволь, — кисло отвечает он и ослабляет галстук.

Смотрю в окно, прячась от всего мира за стеклами своих солнечных очков.

Я позвонила ему утром и попросила отвезти нас с Беней к ветеринару. Родители до сих пор не вернулись домой, у них возникло желание поболтаться по Европе подольше. У отца отпуск, а они сто лет не выбирались из Москвы.

Андрей был в своем офисе, так что мы прождали его до обеда, но это не страшно, потому что я действительно заторможенная и мало что замечаю вокруг. Просто варюсь в котле своих мыслей, которые накатывают на меня, вгоняя то в панику, то в тоску.

Тоска. Вот что со мной.

За эти два дня я сто тысяч раз прокрутила в голове то, что произошло в душе, и каждый раз мое сердце сладко ноет от этих воспоминаний. От воспоминаний о том, как Влад смотрел на мои

губы. Он хотел это сделать, хотел меня поцеловать! Если бы он только знал о том, сколько раз я мечтала о его поцелуях.

Я понятия не имею, как он это делает. Нежно или жестко. Желание узнать это доводит меня до головокружения, а мысль о том, что этого никогда не произойдет, — до черной тоски.

Как мне забыть его? Как?!

Во всех парнях вокруг я ищу тех же черт, что водятся в глазах Влада. Все они — эти парни — не он. Мое сердце рядом с ними молчит как немое.

Кофейный стакан в моей руке давно остыл, но я все равно делаю глоток, чтобы полить кофе застрявший в горле комок.

Я не знаю, какой люблю секс. Жесткий, нежный, медленный или быстрый. Потому что никогда им не занималась. Оставаясь наедине с собой, я представляю, как это могло бы быть с ним. С Владом. Каково это — почувствовать его в себе. Его твердость. Давление его тела на моем теле, касание языка на коже, и долгожданный поцелуй.

В моих фантазиях мы идеально совпадаем, других вариантов я никогда не рассматривала. В моих фантазиях он... нежный... и он мой...

— На твой день рождения бронируем как обычно? — голос брата выдергивает меня из мыслей.

Бросаю взгляд на Беню. Он тяжело дышит, прикрыв глаза.

— Да, — без энтузиазма пожимаю плечом. — Может, в этот раз возьмем веранду?

— Как пожелаешь.

Покосившись на него, спрашиваю:

— Стася тоже будет? Она, кажется, хочет...

Из чувства женской солидарности решаю умолчать о том, что она пыталась меня своими вопросами и это было впервые.

— Я планировал быть один, — отвечает он.

Я не в том положении, чтобы ковыряться в их отношениях. У меня самой вообще никакого опыта в этом вопросе, но его небрежное отношение к Стасе задевает во мне все ту же женскую солидарность.

Чувствуя, как к щекам подкатывает кровь, беспечно предлагаю:

— Тогда можешь позвать Градского. Чтобы стул не пустовал. Будет твоим плюс один...

Черт!

Щеки пылают, и я упорно смотрю в окно.

— Или Рязанцева.

— Егора? — поворачиваюсь к брату, удивленно приподняв брови.

— Да, а что? Он спрашивал, встречаешься ты с кем-то или нет, — хмыкает Андрей.

— Когда он спрашивал это?

— В субботу.

Мне очень хочется поинтересоваться, где был в это время другой его друг.

— И что ты ответил?

— Что не знаю, — снова хмыкает. — Можешь сходить с ним в кино, — дает он свое благословение. — Или поесть мороженого и покататься на каруселях.

Фыркаю.

Пытаясь прожечь в виске брата дыру, требую:

— Ты что, сватаешь меня Рязанцеву?

— Почему нет? Он адекватный, вроде не урод. Мы с ним собираемся кое-что построить. Погоди... — Андрею на телефон падает вызов, и он включает громкую связь, продолжая вести машину.

Внутри меня всплеск негодования оттого, что меня сватают, но еще больше меня прожигает тем фактом, что ему даже в голову не пришло предложить мне Градского. Брат не видит такого варианта даже под гипнозом, а это значит, что он считает нас параллельными прямыми, как и сам Влад...

Смотрю в окно, как напротив Павелецкого вокзала парочки раскачиваются на качелях, смеются, едят мороженое и делают все то, что я так мечтаю делать вместе с Градским. И лишаю себя возможности делать все эти вещи с другими. Но сейчас, когда наши отношения сдвинулись с мертвой точки и тотального нуля хоть в какую-то сторону, я не собираюсь размениваться на свидания с другим.

Я собираюсь выжать из Градского свой поцелуй. Вот что я собираюсь сделать!

Женский голос на том конце провода сбивчиво тараторит про форс-мажор, на что Андрей отвечает чертыханиями.

— Нужно вернуться в офис, — говорит он мне. — С финнами опять лажа...

Я не спорю, молча наблюдая за тем, как он меняет полосы и пересекает трамвайные пути, собираясь развернуться.

Его фирма занимается оформлением документов на заграничную недвижимость. Они могут купить клиенту дом на Бали или в ЮАР, и тому даже не придется туда лететь. У фирмы штат в двадцать человек и офис в бизнес-центре рядом с квартирой Андрея. Это его фирма, выстрелившая из небольшого стартапа почти сразу после того, как он закончил университет.

Сидеть в машине на подземной парковке у меня нет желания, поэтому я решаю подняться в офис вместе с Андреем.

Он открывает заднюю дверь машины и ждет, пока Бенья с кряхтением неуклюже вывалится из салона.

— Если за пять минут не решится вопрос, вызову тебе такси, Моцарт. Малой, ты как? — брат смотрит на пса сверху вниз. — Сам дойдешь, ветеран?

— Тогда сразу нужно было... — забываю, о чем собиралась сказать, когда до меня доходит, что мы припарковались напротив знакомого синего «БМВ», от вида которого в моих ушах начинает шуметь кровь.

Глава 12

— Влад здесь? — интересуюсь под шелест лифтовых дверей, когда мои голосовые связки отпускает спазм в горле.

Меня захватывает волнение, как обычно. Как обычно, я трепещу с головы до ног. В нетерпении хочу сорваться с места, но заставляю себя вращаться в пол, пока жду ответа на свой вопрос и пока поправляю белое платье со спущенными плечами, в которое одета.

Ответ на свой вопрос я и так знаю, но все равно кошусь на Андрея, который смотрит на свои наручные часы и говорит:

— Что? А, да... должен был позже подъехать...

После холода подземной парковки на моей коже мурашки, и, глядя в свое отражение на зеркальной стене лифта, вижу, как под тонким хлопком у меня на груди напряглись соски, а в глазах светится чокнутый блеск. Все как обычно.

Выйдя из лифта, мы с Андреем ждем, пока в коридор выкатится Бенья. Он без поводка, но будет послушно идти за нами и сам, поэтому позволяем ему свободно трусить следом, клацая когтями по кафельному полу.

Я была в офисе брата раз пять. Он новый, раньше помещение у них было гораздо скромнее, а сейчас здесь повсюду фирменная символика, даже на ручках на стойке ресепшен. Она прямо у лифта, и каждый раз за ней я видела новую девушку. Сегодня тоже новая. Блондинка с ногами от ушей.

— Добрый день! Уже вернулись, Андрей Альбертович? — приветствует она нас, стреляя глазами.

Мой брат рассеянно кивает, проходя мимо и погружаясь в очередной телефонный разговор, а я мечусь взглядом по залитому обеденным солнцем пространству в надежде увидеть своего высокого жилистого брюнета, от которого сегодня не собираюсь прятать глаз... больше никогда не собираюсь.

Его здесь нет, но меня все равно не отпускает.

В этом офисе почти нет стен и перегородок, только в коридоре, там, где кабинеты руководства, есть прозрачные стеклянные переборки

и двери. Андрей толкает ту, что с надписью «Генеральный директор», и мотнув головой внутрь, велит:

— Подожди здесь.

Сказав это, ныряет в соседний стеклянный короб.

Беня обнюхивает пол, а я несусь к прозрачной стене кабинета и раздвигаю пальцами полоски жалюзи. Опять осматриваю офис в узкую щель, но результат тот же. Градского там нет.

Рухнув в кресло директора, растекаюсь по мягкой кожаной обивке и прикрываю глаза, пытаюсь взять себя в руки. Я становлюсь похожей на долбаного сталкера.

Я хочу увидеть Влада. Сейчас и всегда. Но я не могу шнырять по офису как сторожевая собака.

Кручусь в кресле, постукивая носками кед по полу, и достаю из переброшенной через плечо сумки телефон. Чтобы заполнить минуты чем-то, решаю набрать Кристину. Она куда-то пропала, надеюсь, хотя бы найдет время появиться на моем дне рождения не к десерту, а к закускам. Закатывать большие вечеринки я не умею, у меня не так много друзей, как у брата. Да и незачем они мне, я вообще со скрипом схожусь с людьми.

Кристина не отвечает на мой длинный входящий, и я почти принимаюсь записывать для нее гневное аудиосообщение, когда слышу за дверью шаги и голоса.

— Тут тебе не Лондон, — цыкает раздраженный голос.

Это Егор.

Подняв глаза, смотрю на дверь.

— Тут, если не наебешь, не проживешь... — продолжает он грубо.

— Математические законы одинаково работают везде: и в Лондоне, и в Москве, — отвечает ему другой голос, от звуков которого мурашки бегут по моей спине. — Их не дураки придумали. Они доказаны и проверены.

Голос Градского тоже грубый. Грубый и раздраженный.

— Ты консультант? — бросает ему Рязанцев. — Вот и консультируй, а решение мы примем сами.

— Флаг в руки...

Затаившись, смотрю на дверь, которая через секунду открывается.

Они входят в кабинет друг за другом, и выражения на их лицах далеко не безмятежные. Раздраженные, как и их голоса.

Они оба в деловых костюмах, но свой пиджак Градский небрежно забросил на плечо.

Глядя на него из кресла, не двигаюсь. Те тридцать секунд, в течение которых мое присутствие остается незамеченным, не двигаюсь. До тех пор, пока Беня не издает жалобный скулеж, ковыряя лапой ковролиновую обивку на полу под столом.

— Прекрати! — шикаю на него и, отбросив со лба прядь волос, смотрю на стоящих в дверях мужчин. — Привет... — бормочу им.

— Привет, — Егор кладет руки в карманы брюк и смотрит на меня с интересом. — Рад видеть.

Теперь, когда я знаю, что у него на меня «виды», его слова звучат двусмысленно. Он всегда казался мне немного агрессивным. С учетом его габаритов это внимание ко мне задевает внутри какую-то тревожную струну, которая не дает рядом с ним расслабиться.

Перевожу глаза на Градского.

Он прищуривается, не сводя с меня пристального взгляда.

Мне хочется заявить, что я его не преследую, но при Егоре делать этого ни в коем случае не буду, поэтому прикусываю язык.

Влад даже не делает попытки со мной поздороваться, просто молча закрывает за собой дверь и засовывает руку в карман идеально сидящих серых брюк.

— Ты сегодня за главную? — интересуется Егор.

— Нет, мы здесь проездом. Мы едем в клинику...

Беня копошится под столом, как крот.

— Вас подбросить? — склоняет голову набок Егор. — У меня обед простаивает.

Не думаю, что он привязан к обеду, и я не знала, что у них с Андреем какие-то общие дела.

Пройдя мимо Егора, Градский останавливается у выходящего на улицу окна и полностью выпадает из разговора, повернувшись к нам спиной.

Мне требуются усилия, чтобы не сверлить глазами его затылок. Даже если он превратится в мебель, я не забуду о том, что он здесь.

Сегодня на нас двоих явно побольше одежды, чем в последнюю встречу, но даже на расстоянии долбанных трех метров я все равно

ощущаю в своем теле жар, мурашки и покалывание в кончиках пальцев.

С тех пор, как он вернулся, его так много, что у меня все шестеренки сбоят.

— У него сегодня не очень с пищеварением... — пытаюсь придумать достойную причину отшить предложение Егора.

— Обезвоживание? — предполагает он.

— Он заблюет тебе салон, — подает голос Влад, не поворачивая головы. — А блюет он по-королевски.

— Тогда я пас, — посмеивается Рязанцев.

— Может, сам хочешь нас отвезти? — выдаю с претензией Градскому.

Повернув голову, Влад смотрит на меня через плечо, и его глаза на секунду сталкиваются с моими. Мне этого достаточно, чтобы на секунду забыть, где нахожусь. Чтобы по клеткам промчался маленький пожар воспоминаний двухдневной давности.

— Нет, — тушит он этот пожар словом из трех букв.

Проглатываю царапающую горло обиду и прячу глаза от Рязанцева. Он, в отличие от Градского, пялится не отрываясь.

— Я так и думала. Джентльмены — исчезающий вид, — стараюсь звучать непринужденно.

Воздух в помещении звенит у меня в ушах и стрянет в легких.

Перевожу глаза с его затылка на дверь, потому что в кабинет входит Андрей.

— Моцарт, возьми такси. Катя, три кофе! И Олега ко мне, — на ходу разбрасывается он указаниями и направляется к своему ноутбуку.

— Я все-таки рискну, — обращается ко мне Егор. — Куда вас отвезти?

— Ты мне нужен, — говорит ему Андрей. — Остайся, нужно кое-что обсудить.

Градский продолжает смотреть в пространство.

В этот момент ненавижу его сильнее, чем люблю. Он, видимо, тоже дает свое благословение Егору, ведь мне давно пора потрахаться, по его словам!

— Я позвоню, когда закончу, — говорю брату, выхватывая из сумки поводок.

Андрей рассеянно кивает в ответ и занимает свое место в кресле, которое я для него освобождаю.

Цепляю поводок к ошейнику и ухожу, не оглядываясь.

К глазам подкатывают слезы, но я глотаю их вместе со своей обидой на Влада. Он ведет себя неприветливо, отчужденно и слишком холодно. Слишком явно между нами проведена черта и горит знак «стоп», который Градский сам и вывесил.

На улице жарко.

Прячась под козырьком автобусной остановки бизнес-центра, пытаюсь вызвать такси, которое примет меня с собакой. Мне предлагают десятиминутное ожидание, и я соглашаюсь, усевшись на горячую от солнца остановочную скамейку, на которой, кроме меня, больше никого нет. Вытягиваю вперед ноги, ловя коленками радиоактивный ультрафиолет.

Беня хрипло и тяжело вздыхает, будто разделяя все мои тоскливые мысли.

— Сами справимся... — говорю ему, доставая из сумки маленькую бутылку воды.

Пою Бенью с ладони, сквозь слезы радуясь тому, как нежно его шершавый язык щекочет мою кожу.

Подняв глаза вижу, как перед нами тормозит знакомый синий «БМВ», от вида которого сердце ухает в живот.

Через солнечные очки наблюдаю за тем, как спустя пару секунд стекло водительской двери опускается вниз.

Не делаю ни малейшей попытки сдвинуться с места. Продолжаю сидеть, впившись глазами в лицо водителя и сжимая в ладони поводок, на конце которого болтается моя собака.

Влад молча смотрит на меня в ответ, и его умудренный спокойствием взгляд отстойно влияет на ритм моего сердца.

— Садись, — смотрит вперед, положив локоть на дверь.

Глава 13

Кажется, мне придется смириться с тем, что я не могу послать его к черту, даже когда очень хочется. Это не так страшно. Гораздо больше мне сейчас хочется послать к черту тот факт, что через месяц он уедет.

Я хочу забыть об этом хотя бы на минуту. Не думать об этом ночами, глядя в потолок.

Сейчас у меня получается. Я не думаю об этом, подходя к водительской двери низкого спортивного «БМВ» и глядя на Градского сверху вниз.

— Ты, кажется, не собирался нас везти, — буравлю глазами его мужественный профиль.

— Я невьебический альтруист, садись. — Смотрит в свой телефон, который держит свободной рукой.

Пальцы второй его руки расслабленно стучат по рулю, тело удобно расселось в кожаном кресле. Ткань белой рубашки обнимает тугий бицепс, натягиваясь на проступающих под ней мышцах и напоминая моему телу о том, сколько в *его* теле силы и энергии.

— Твое настроение не угадаешь, — говорю ему. — Почему ты передумал?

— Арина, — смотрит на меня. — Сядь в тачку.

Беня крутится у задней пассажирской двери, дергая поводок. Ему жарко, и ему плевать, в чью машину садиться. Он смотрит на меня выжидательно, потому что, в отличие от него — предателя, я не спешу садиться в эту машину.

У меня не так много вариантов, и возможность провести время с Градским тет-а-тет явно перевешивает все остальные.

Одним нажатием на экран телефона отменяю провалившееся где-то такси и, дернув за ручку, открываю для Бени заднюю дверь. Жду, пока с возней заберется в салон. Его пеленка осталась в машине Андрея, так что нам придется рискнуть.

Кусаю губы, пытаюсь скрыть улыбку.

Это моя маленькая победа.

Градский здесь, несмотря на все свои долбаные принципы и полное отсутствие джентльменства.

Обхожу машину и сажусь на переднее пассажирское кресло.

— Блаженство... — комментирую удар охлажденного воздуха по своим коленям и плечам.

Бросив на меня говорящий взгляд, Влад плавно трогается с места.

— Куда нам? — спрашивает, деля свое внимание между дорогой и телефоном, в котором загружает навигатор.

Разглаживая ткань сарафана на бедрах, называю адрес.

Градский оборачивается через плечо, бормоча:

— Давай, Бенджамин, без фокусов...

— Просто поезжай быстрее, — советую я.

Он молча прибавляет скорости, плавно меняя ряды и обходя другие машины. Мимо проносится чей-то кортеж, которому Градский уступает дорогу.

Я занимаюсь тем, что бросаю на него короткие взгляды, впитывая каждое движение, мимику и запах салона. Один раз мобильник Влада звонит, но он отбивает вызов, продолжая держать телефон в своей загорелой ладони.

Сегодня он гладко выбрит. Ворот его рубашки расстегнут на две пуговицы, рукава закатаны, а пиджак висит на спинке водительского сиденья. От него пахнет новым резким древесным одеколоном. Этот запах заполнил все пространство машины и давит на мои легкие.

Он словно специально делает музыку громче. Будто намекает на то, что к разговорам не расположен. Я подхватываю игру в молчанку и проваливаюсь в свои социальные сети под популярные этим летом треки, которые режут мой слух.

Машина въезжает на парковку перед трехэтажным зданием небольшого офисного центра. Наша клиника на первом этаже, Влад паркуется прямо под вывеской с изображением счастливой морды кокер-спаниеля.

— Мы опоздали... — Отстегиваю ремень безопасности. — Надеюсь, примут...

— Примут, — отзывается Влад. — Если нет, отвезу в другую.

— Подождешь нас? — спрашиваю, затаив дыхание.

Откинув голову на сиденье, барабанит пальцами по рулю и, посмотрев на часы, произносит:

— Подожду.

— Спасибо... — смотрю на точеный профиль и выделяющуюся линию челюсти.

— У меня два свободных часа, — предупреждает, устало прикрывая глаза. — Иди.

В его голосе хриплые нотки, от которых под кожей собираются мурашки. У его голоса идеальный тембр. Низкий и богатый на оттенки. Я влюблена в его голос так же, как и в него самого.

Отвернувшись, открываю дверь и выскальзываю из машины.

Нас принимают, даже несмотря на пятнадцатиминутное опоздание. У Бени подозрение на аллергию, и мне предлагают оставить его на час для проведения тестов и забора анализов. Почесав грустную морду, возвращаюсь к машине, мечтая спрятаться в салоне от удушливого уличного воздуха.

Я застаю Влада в том же состоянии, что и десять минут назад.

Выгнув шею и откинув голову на сиденье, он не двигается и не открывает глаз хотя бы для того, чтобы удостовериться: это я, а не какой-то посторонний человек, забралась в его «БМВ».

— Твой альтруизм позволяет накормить меня обедом? — складываю на груди руки и смотрю перед собой. — Или на это тоже распространяется табу?

— Нужно подумать, — издевается он, продолжая держать глаза закрытыми.

— Бессонная ночь? — интересуюсь и боюсь услышать положительный ответ.

В сердце будто вставили иглу.

С учетом того, что я видела несколько недель назад, у него могут быть бессонные ночи семь дней в неделю.

Я не хочу думать о его телках. Постоянных или нет. Тем более о постоянных. Я бы такую возненавидела и сделала все, чтобы их разлучить.

— Хреновый день, — бормочет Влад.

— Хочешь, расскажи мне об этом...

— Арина, уймись, — приоткрывает глаза и смотрит на меня искоса. — У меня башка раскалывается.

— Я могу сходить в аптеку. — Киваю в сторону лобового стекла. — Я видела вывеску недалеко...

Моя рука тянется к дверной ручке, и Градский провожает это движением взглядом.

Выпрямившись в кресле, щелкает по кнопке на руле, от чего вокруг нас раздаются щелчки дверных замков. Посмотрев по сторонам, Влад делает глубокий вдох и велит:

— Пристегнись.

Глава 14

Мы выезжаем на кольцо, и я мгновенно перестаю ориентироваться. Перестаю понимать, где мы находимся. Влад и сам выглядит не особо уверенно. Подается вперед и почти ложится грудью на руль, всматриваясь в указатели вверху, над четырехполосным шоссе, но через десять минут я вижу очертания знакомых достопримечательностей. Мы приближаемся к Центру. Еще через пять минут Градский паркуется у хорошо знакомого мне ресторана, и я понимаю, что он не очень долго думал над тем, куда отправиться пообедать.

Он глушит машину и выбирается из нее, бросив на меня понукающий взгляд. Выхожу следом, оставив на приборной панели свои солнечные очки.

Быть с ним вот так, вдвоем, странно. Странно волнующе, особенно когда заходим в ресторан, будто мы пара. Мне дико хочется, чтобы это действительно было так. Дико хочется взять его за руку. Вместо этого я торможу за его спиной, пока он обменивается приветствиями с хостес — симпатичной брюнеткой на шпильках.

— Добрый день! — Девушка выходит из-за стойки. — Столик на двоих, или кого-то ждете?

— Нет, мы вдвоем, — отвечает ей Влад.

Он выглядит представительным и сексуальным в своей рубашке, это вижу не я одна. Замечаю, как глаза этой брюнетки вскользь пробегают по его телу, пока Градский отворачивается, заглядывая в зал. Он достаточно высокий, чтобы мы обе смотрели на него снизу вверх, особенно я, потому что на мне кеды, а не восьмисантиметровые шпильки.

— Официант сейчас подойдет... — Подводит нас к столику у окна. — Приятного отдыха.

Влад выдвигает для меня стул и ждет, пока на него опущусь.

Касаюсь своими плечами его груди. Оттого, что он «дышит мне в затылок», на шее поднимаются волоски.

Повернув голову, заглядываю в его глаза и ловлю древесный след его парфюма носом.

Его губы приоткрыты, прямой взгляд делает по моему лицу маленький круг. Это жалкие секунды, но для меня время замирает и отмирает только тогда, когда усаживаюсь на стул, вынужденная отвернуться.

Градский садится напротив. Принимает позу, которая полностью противоречит моей: сползает по спинке вниз, вытягивает перед собой тяжелые длинные ноги и складывает на животе ладони. Свои ладони я кладу на колени, которые плотно сжимаю, чувствуя себя самой бездарной соблазнительницей на свете.

— Я видела статью в новостях, — решаю начать разговор. — Лев Градский — это же твой отец? Ему вручали награду в Кремле. Какой-то орден...

— Да, мой, — отвечает Влад.

Отсутствие энтузиазма в его голосе — явный признак того, что для него собственный отец не самая любимая тема для разговоров, но меня сжирает изнутри желание говорить с ним о нем же...

— А ты не хотел стать врачом? — интересуюсь. — По семейной традиции?

— А ты почему не стала дипломатом? — интересуется Градский в ответ.

— Я... потому что я музыкант...

— Ну, а я не хирург, — итожит он.

Мне мерещится какая-то тень в его глазах, будто я задела тему, болезненную для него, но его расслабленная поза и налет лени на лице сбивают с толку.

Рядом с нами появляется официант. Желает доброго дня и выкладывает на стол меню. До меня не сразу доходит, что мы знакомы, понимаю это, только когда он тихо обращается конкретно ко мне:

— Привет...

— Привет, — отвечаю парню-хористу, который приглашал меня на свидание два дня назад и имя которого я так и не вспомнила. — Работаешь здесь? — брякаю дурацкий вопрос.

— Типа того... — На его рубашке бейдж с именем Антон, и я очень надеюсь, что это его имя, а не псевдоним.

Он кривовато улыбается, ведя глазами вниз по моей шее к груди прямо вслед за длинной серебряной цепочкой, кулон которой спрятан под кокеткой платья. Скрипичный ключ. Подарок Градского.

— Сразу что-то закажете? Может, принести воды?

— Да, было бы чудесно, — улыбаюсь натянуто.

— Кофе лунго, — слышу голос Влада. — Сейчас, если можно.

Покосившись на него, Антон чуть щурит глаза, но, если у него и есть какие-то соображения по поводу моего спутника, он оставляет их при себе и уходит.

Влад бросает ему вслед ироничный взгляд.

— Мы вместе учимся в консерватории, — поясняю. — Он поет в хоре. У них сильный состав.

— Рад за него, — сухо говорит Влад.

— Издеваешься? — бормочу, оглядываясь по сторонам.

В это место на бизнес-ланчи собирается много «уважаемых людей», в том числе и папиных знакомых.

— Тупее профессии не встречал, — расшифровывает Градский.

— Ты хам, — говорю ему.

— Ты вроде это знала, — замечает. — И тебе нравится. По твоим словам.

— В этом что-то есть, — отбиваюсь я. — И отталкивающее тоже.

— Я не трачу свою жизнь на то, чтобы быть удобным для каждого.

— Намекаешь на то, что я трачу? — поднимаю на него глаза.

— Я бы не назвал тебя удобной, Арина. — Листает он страницы.

— И что это значит?

Он стучит пальцами по столу, поясняя:

— Я не собирался с тобой обедать.

— Но ты здесь.

— Но я здесь.

— Почему?

— Вот такой я джентльмен.

— Ты не джентльмен, — просвещаю.

— Спасибо. — Продолжает изучать меню.

Я возвращаю глаза в свое меню, чтобы не видеть, как льющееся из окна солнце играет на его темных гладких волосах и кончиках пушистых ресниц. Он и правда выглядит так, будто провел бессонную ночь. Где и с кем, я предпочитаю не знать.

Антон принимает у нас заказ. За те десять минут, что его не было, он выскочил из головы. Энергетическое поле Градского засосало меня с головой. Моя потребность гулять глазами по его телу почти бесконтрольная, ведь его тело заводит мое одним своим видом.

— Салат с ростбифом. И все. — Отодвигаю от себя меню.

— И все? — выгибает брови Влад.

Он, в отличие от меня, заказал полный комплект еды.

Его не смущает то, что у нашего диалога есть свидетель и он внимательно слушает.

Меня подтачивает желание пять минут побыть такой же наплевавшей на всех.

— Я на диете, — говорю ему, игнорируя Антона.

Я не могу признаться в том, что мне кусок в горло не лезет.

Взгляд Градского бесцеремонно ощупывает мое тело, заставляя его загореться.

— Ты серьезно? — снова выгибает он брови.

Все же кошусь на нашего официанта. Он будто тоже ждет моего ответа.

— Серьезно...

— Добавьте в ее заказ бургер с говядиной и карамельным луком, — обращается к нему Влад. — Тебе диета не нужна, — говорит мне. — Скорее уж наоборот.

На моих щеках вспыхивает краска.

Жду, пока останемся одни, и только после этого спрашиваю:

— Хочешь сказать, я худая?

— Ваш бульдог весит больше, чем ты.

— Тебе не нравится? — спрашиваю его без всякого кокетства.

— Нравится, мы это уже выяснили, — отвечает он.

Мое сердце ударяется о ребра с такой силой, что становится жарко.

Градский наблюдает за сменой эмоций на моем лице с расслабленной заинтересованностью. Я чувствую себя открытой книгой. Вся как на ладони перед ним.

— Как твоя голова? — спрашиваю с вызовом.

— Дерьмово.

— Хочешь помолчать?

Он забрасывает за голову руки и сцепляет их в замок на шее.

— Не хочу. У тебя красивый голос. Ты могла бы стать хористкой.
Мне хочется то ли зардеться, то ли скрипнуть зубами.

— Я кошмарно пою, — делюсь с ним своей «тайной».

— Кто бы мог подумать, — улыбается Влад.

Вокруг его глаз собираются лучики морщинок, но это не делает его старше. Он выглядит молодым, ярким и самоуверенным. Это губительная смесь, особенно для меня.

Отворачиваюсь к большому панорамному окну, чувствуя, как тепло растекается по телу легким покалыванием. Потому что в компании этого мужчины мне чертовски хорошо, даже несмотря на то, что он большую часть времени ведет себя как задница.

Отпив из стакана воды, откашливаюсь и интересуюсь:

— У тебя есть любимое число?

— Мое любимое число? — спрашивает с усмешкой.

— Да.

— Пф-ф-ф... — выпускает из себя воздух. — Шестьдесят девять, — бросает.

— Почему шестьдесят девять? — спрашиваю на автомате.

— Догадайся, — предлагает он.

На моем лице очередная карусель эмоций.

Я издаю смешок и накрываю ладонью щеку, потому что у меня только одна догадка, и она ужасно пошлая. В ответ на эту пошлость решаю поделиться *своей* философией:

— А я люблю цифру восемь. Если ее перевернуть, будет знак бесконечности. Хочу сделать такое тату.

— Бесконечность — это очень долго, — замечает Влад.

— Смотря для чего.

— Для чего угодно. Все рано или поздно надоедает.

— Любовь не надоедает, — стою на своем.

— Все проходит, особенно любовь, — философствует он.

— Я надеюсь, что нет.

— Я в этом не сомневаюсь.

Игнорирую эту насмешку.

— Я бы не смогла играть, если бы не верила в это. А он, — намекаю на Антона, — не смог бы петь.

— Поверь, его интерес к любви отношения не имеет, — просвещает Влад. — Он просто хочет выебать твой «внутренний мир».

Я выпрямляюсь так, что задеваю под столом его ноги своими.

— Градский, заткнись... — прошу его звонко.

В ответ он смеется, разминая шею и сверкая белыми ровными зубами, а наши ноги продолжают контактировать. Он не может этого не замечать, он просто позволяет этому продолжаться, делая вид, что ему все равно.

Глотаю воду из стакана. Грохнув его о стол, объясняю:

— Ты просто никогда не был влюблен и не знаешь, что это такое, когда весь твой внутренний мир взрывается от одного взгляда, улыбки или прикосновения. Или умирает, когда ничего этого нет! — выпаливаю в сердцах.

Выслушав мою тираду, Влад трет ладонью подбородок. В его глазах серебряный блеск, но нет насмешки.

— Это то, что ты чувствуешь, когда я рядом? — спрашивает с интересом.

— Умножь на бесконечность, и будет примерно это, — проговариваю я.

Он молчит, терзая мое лицо своими серыми глазами.

Мне и правда жарко, несмотря на работающие на полную мощность кондиционеры.

Схватив со стола салфетку, обмахиваюсь ею, получая ровный вопрос:

— Что ты хочешь от меня, Арина?

Я не думаю. Просто открываю рот и говорю:

— Будь моим первым.

Глава 15

Пять секунд слушаю, как стучат приборы вокруг нас. В течение этих секунд Градский смотрит на меня из своей расслабленной позы неподвижными глазами.

Самое сумасшедшее во всем этом то, что с ним мне не стыдно разбрасываться подобными заявлениями. Его мало что может смутить, от этого и я становлюсь безрассудной. Я наслаждаюсь его чертовой неспособностью смущаться. И наслаждаюсь возможностью сказать ему то, что сидело во мне годами.

— И каким ты его себе представляешь? Свой первый раз со мной? — спрашивает наконец-то.

У меня сосет под ложечкой.

Кажется, он тоже это понимает, потому что ерзает по стулу, а его голос стал на полтона глубже, как и внимательный взгляд, царапающий голую кожу моих плеч.

Озираюсь по сторонам и, взметнув над столом руку, забираю себе его кофейную чашку, наплевав на блюдце. Делаю большой глоток и возвращаю ее на место полупустой. Влад провожает мою суету глазами, оставляя комментарии при себе. Трогает пальцем край чашки, точно то место, где секунду назад были мои губы, и подносит его к своим губам.

В его вопросе подвох, в этом я даже не сомневаюсь, но я представляла наш первый раз слишком часто, чтобы долго думать над ответом.

— Мы будем голыми, — говорю ему.

— У тебя прокачанная матчасть. — Допивает он остатки кофе.

— Я не умею говорить пошлости.

— Скажи возвышенностями, — предлагает. — Нежно? Медленно?

Сглотнув, прячу глаза и втягиваю в рот нижнюю губу. В моих мечтах все так и было. Я должна сказать это вслух?! Наверное, должна. Я уже многое ему сказала, о чем раньше предпочитала лишь молчать.

— Я бы хотела, чтобы ты был нежным.

— Арина, помнишь, что я сказал тебе два дня назад? Я не занимаюсь нежным сексом с девственницами. Секс — довольно механическое занятие, про первый раз многие девушки вообще предпочитают забыть. Я советую тебе вручить свою девственность какому-нибудь лоху вроде этого хориста, забыть об этом навсегда и двигаться дальше.

— Может, ты устроишь себе выходной от самого себя? — киваю на него подбородком.

Из его горла вырывается смешок. Губы расходятся в улыбке, глаза тоже смеются.

— На хрен мне выходной от самого себя? — Складывает на груди руки. — Вся прелесть жизни в том, чтобы быть самим собой.

— Но ты ведь сам этого хочешь! — вырывается из меня звонкая претензия. — Ты сбежал. Тогда, в баре!

— Ладно, окей. Ты выросла. Ты красивая. Ты сексуальная. У меня на тебя стоит. Блть, у всех в этом зале на тебя стоит. Но нет, Арина. Я не принц из твоей сказки. Я не хочу им быть. Пойми это.

— Я не хочу, чтобы ты был принцем. Я знаю, кто ты, меня устраивает, я уже сказала!

— Любишь меня таким?

— Да! — почти рычу я. — Хочу надеть тебе на голову тарелку.

— Добро пожаловать в мою реальность, — глухо говорит Влад.

Смесь злости и возбуждения раскачивает кровь в венах, толкая ее к моим щекам.

Умолкаю, глядя в стол, потому что за спиной Влада вижу Антона с тарелками в руках. Парень молча выставляет их на стол и зажигает стоящую в центре свечу.

Я вспоминаю о том, где мы находимся. Забывать обо всем в присутствии Градского для меня обычное дело.

— Спасибо, — бормочу, хватая свои приборы.

Сдернув со стола салфетку, Влад расстиляет ее на бедре и принимается за еду с очень здоровым аппетитом. И далеко не как человек, страдающий головной болью. На его тарелке стейк размером с *мою* голову.

Гоняю по салатному листу ростбиф, наблюдая за тем, как работают челюсти на лице Градского.

На языке крутится всякая дрянь, которую хочется произнести вслух. Мне уже не кажется, что я неспособна на пошлости. Кажется, я способна, и ещё как.

— Ешь, — указывает на гляцевую булочку бургера. — Составь мне компанию. — Превращается в фальшивого джентльмена, которым, я знаю, отлично умеет быть.

Пью воду мелкими глотками и сверлю его лоб взглядом, пока он поглощает свой обед.

Он не реагирует, но вскидывает на меня глаза.

Молча смотрим друг на друга, объявляя взаимный бойкот. Но я чувствую, что тема себя еще не исчерпала.

Телефон Градского звонит.

Отложив приборы, достает его из кармана брюк и отвечает на идеальном английском.

Ловлю первые фразы с настороженностью, но быстро понимаю, что это звонок по работе. Влад выполняет свои обязанности: советует и рекомендует — ведь он финансовый консультант с приличным послужным списком.

Все же решаю поесть.

С трудом проглатываю салат и кошусь на бургер. Двигаю тарелку ближе к себе и со вздохом вгрызаюсь в ароматный хлеб, мясо и лук, пока размеренная английская речь успокаивает мои нервы и остужает возбуждение.

Глава 16

Мой день уже не станет прежним. Размеренным, сонным, обычным.

Пока ставлю подписи на каких-то бумажках, понимаю, что загнать себя назад, в клетку, не стоит даже пытаться. Кажется, у моей клетки окончательно слетели с петель двери. Это началось еще тогда, в баре, и это уже не остановить. Я не хочу возвращаться к исходным. Ни за что. Это еще хуже, чем дрейфовать в неопределенности!

Беня сонный из-за седативных, которые ему вкололи. Назначенное ему лечение выглядит очень внушительным и требующим дисциплины. Мы давно к этому привыкли, и мы давно научились относиться к его здоровью ответственно. Родители, я, даже мой брат.

Изнутри точит опасный червь, пока мне собирают лекарства и тут же выставляют счет, который оплачиваю, косясь на выходящее во двор окно. За ним капот машины Градского, припаркованной на том же самом месте, что и раньше, когда мы приехали сюда в первый раз.

Прежде чем выйти на крыльцо, я осматриваю себя в зеркало, поправляя растрепавшиеся от ветра волосы. Мои глаза горят. На мне нет ни косметики, ни духов. Сегодня я максимально «обычная», потому что планировала отвезти Беню в клинику вместе с братом, а не проводить полдня рядом с любовью всей своей жизни.

— Отвези нас домой, — прошу, усевшись в машину. — Пожалуйста.

— Где ты живешь? — получаю приглушенный вопрос.

— Все там же... — Смотрю в окно, забирая с панели свои очки и пряча их в сумку.

— Я слышал, у тебя теперь своя квартира... — Влад сдает назад так плавно, будто мы в лодке.

— Там заканчивается ремонт, к осени, может быть, перееду. Я особо не тороплюсь. Я не привыкла жить одна...

Не обращаю внимания на то, что два отведенных мне часа давно прошли.

Он тоже не делает из этого трагедию, по крайней мере, он не стремится поскорее от меня избавиться. Это открытие заставляет мое

сердце биться чаще, хотя сегодня я и так измотана приступами тахикардии, но эта тренировка лучшее из всего, что случилось со мной за последнее время, не считая выступления перед двумя сотнями избалованных слушателей.

Мы молчим под тихое рычание мотора всю дорогу до дома.

— Как мне здесь все дорого... — сетует Градский, пробираясь по узкой мощеной улице, на которой я живу уже почти двадцать лет.

Здесь узко и повсюду знаки, запрещающие парковку.

— Может, не стоит и переезжать? — вскользь делюсь с ним своими глупыми сомнениями. — Останови здесь, — машу рукой на кованые ворота, потому что не жду ответа на свой вопрос. — На нашем парковочном месте машина родителей.

— Я думал, у вас их два. — Влад тормозит у обочины.

Повернув голову, бросаю на него быстрый взгляд.

Он невозмутимый и красивый. Ему чертовски идет ненавязчивый золотистый загар. Мне хочется до него дотронуться. До теплой кожи и сильного тела. Я чувствую, как внутри натягивается пружина. Это происходит каждый раз, когда близится момент расставания и я не знаю, когда судьба вновь подкинет мне возможность случайно с ним пересечься. Сам Градский встреч со мной искать не будет. Никогда не искал.

Его жилистая ладонь лежит на бедре. Отвожу от нее глаза, говоря:

— Мы продали одно место, Андрей давно переехал, а я все равно никогда не сяду за руль.

— Правильное решение. Я бы за тебя переживал.

— Потому что благодаря тебе у меня теперь психологическая травма? — пытаюсь шутить.

Он знает, о чем я, но играть в эту игру не собирается.

— Просто вождение — это не твое, — замечает ровно.

Не спешу выходить, застыв, будто в ожидании чего-то. Пытаюсь поймать и растянуть момент. Мы наедине. Мы близко. Эта близость такая настоящая, что ее можно потрогать.

Смотрим друг на друга. Он охватывает яркими глазами все мое тело и отворачивается, ткнув пальцем в какую-то кнопку, отчего дверные замки одновременно щелкают. Вздрагиваю, не отводя глаз от его профиля.

Мне пора.

— Спасибо за то, что угостил обедом.

— Пожалуйста.

— Ты меня не поцелуешь? На прощание.

Градский качает головой из стороны в сторону и усмехается, посмотрев на меня.

— Ты сегодня совсем без тормозов, да, Моцарт?

— Так что? — игнорирую его вопрос.

Впервые за все проведенное с ним время он становится серьезным. Таким, каким я видела его не так часто. А его слова режут меня без ножа:

— Арина, я скоро уеду, — напоминает Влад.

— Я это знаю. Один поцелуй. У меня скоро день рождения, — прошу тихо.

Влад глубоко вздыхает, не отрывая взгляда от моего лица.

Он не говорит нет. И не говорит да. Что это? Сомнения?!

Решаюсь на еще одно безрассудство. Сегодня у меня такой день, когда в моменте я не думаю, просто следую велению сердца: отстегиваю ремень безопасности и, подавшись вперед, упираюсь руками в подголовник водительского кресла. Перекидываю ноги через коробку передач и седлаю бедра Градского.

Поясница больно упирается в руль.

Это не удобно. Совсем не изящно!

— Твою мать... — рычит Влад, сжимая мои бедра через платье.

С чертыханиями выпрямляется и шире разводит колени, дернув меня вверх так, что нам обоим вдруг становится комфортно. Так, как это рисовалось в моей голове до того, как попробовала это на практике.

Идеально. Тесно. Близко. Ближе некуда...

Мое лицо зависает в миллиметрах от его лица. Его дыхание щекочет мои губы. Моя грудная клетка прижимается к его, и, скорее всего, он опять в курсе, как на разрыв бьется мое сердце в этот момент.

Я не думаю, что нас могут увидеть с улицы, потому что въезд в середине дня пустынен, а окна «БМВ» хорошо тонированы. Но, даже если увидят, мне все равно! Эйфория от этой близости бьет по мозгам, отключая их напрочь.

Его губы как магнит, и они плотно сжаты.

Плевать.

Закрываю глаз и прижимаюсь к ним в просящем поцелуе. Он не отвечает, и это обижает, но только на секунду, потому что его тело откликается. Я чувствую между своих разведенных ног его твердость. Чувствую шевеление под тканью его брюк, прямо там, где их ширинка упираются в мою промежность.

Низ моего живота заходится спазмом.

— Один раз... — шепчу в его упрямые губы.

Прижимаюсь к его рту опять и прикрываю глаза. Чувствую, как его тело дергается навстречу моему. Ладони больно сжимают ягодицы, сминая ткань сарафана вверх. Резко подняв руку, он наматывает на ладонь мои волосы и дергает так, что мне приходится откинуть назад голову и выгнуть шею.

От неожиданности ахаю, а губы Градского накрывают бешено пульсирующую вену над моей ключицей. Раньше, чем успеваю издать еще хоть один звук, он кусает кожу так, что перед глазами темнеет.

Почти больно. Грубо. Варварски.

От легкого шока теряю голос.

Его язык касается места укуса и ведет широкую влажную дорожку вверх по шее до самого подбородка.

Сжимаю коленями его талию. Это рефлекс, как и мой стон.

— Этого ты хочешь? — Его рука бесцеремонно ныряет мне между ног, приводя мысли и чувства в полный бардак.

Он не нежный. В точности так, как и говорил.

— А? — требует, надавливая на мое влажное белье.

Я не знаю! Мое дыхание надсадное, мое белье мокрое, а соски ноют, превратившись в чувствительные пики. И он все это видит... чувствует.

— Блять! — Отдергивает руку. — Мокрая вся!

Смотрю на него расширенными глазами, глотая ртом воздух. Его глаза опасно вспыхивают. Это пугает, потому что я никогда в жизни не сталкивалась с таким напором и обращением. Он тоже это понимает. Вот что значит этот блеск! Толкнув к себе мою голову, соединяет наши губы и дает мне то, что я просила. Поцелуй. Жестко впивается в мой рот, раздвигая зубы языком. Толкается им глубже, ловя рвущийся навстречу мой глухой полустон.

Это урок?! Наказание?!

Я подчиняюсь. Делаю губы послушными. Заставляю тело стать таким же податливым в этой проклятой хватке. Заставляю себя чувствовать его тело, даже несмотря на то, что он пытается помешать мне это сделать. Его губы сминают мои, от этого я только упрямее подчиняюсь. Несмело касаюсь его языка своим, и тело Градского реагирует вибрацией.

Он тоже стонет. Давление на моих волосах слабеет, и его ладонь накрывает мою щеку. Поцелуй не становится нежнее. Он становится мучительно медленным, вовлекая меня в ураган, от которого я боюсь потерять сознание.

Наше шумное дыхание перебивает даже храп Бени, когда Влад отдергивает голову. Его глаза почернели, в моих висках стучит кровь, на шее испарина, а сердце бьется о его грудь.

— Слезай... — сипло велит Градский.

Выпускает мои волосы, глядя на меня в упор.

Дрожу с головы до ног, выполняя его приказ. Падаю на пассажирское сиденье, чувствуя себя так, будто по моим эмоциям проехался грузовик.

Выхожу из машины и забираю своего пса.

Меня колотит изнутри и снаружи. Мне все тяжелее сдерживать подступающие к глазам слезы, я даже не понимаю их природу.

Почти у самого подъезда до моих ушей долетает агрессивный визг шин отъезжающей машины, но даже тогда я не оборачиваюсь.

Глава 17

— Она играла Брамса... на виолончели... — папа выдерживает паузу перед последними словами, чтобы добиться сенсационного эффекта от этой страницы моей биографии.

Это работает, но только для родителей.

Они смеются, качая головами и бормоча “ Да-да. Брамса на виолончели...”

У меня ощущение, что кроме них двоих в этом ужине больше никто не участвует. Мой брат открывает рот только для того, чтобы проглотить еду или промычать что-нибудь односложное, а моя подруга даже этого не делает, будто перед походом в ресторан она поужинала, хотя на ней цветное коктейльное платье и очень вечерний макияж. Это говорит о том, что она знала, куда собирается.

Сама я... сама я тоже не здесь...

Это мой день, но в моей голове слишком тесно, а в сердце тревожно, чтобы почувствовать это по-настоящему. Даже несмотря на то, что вокруг нас прекрасный летний вечер и веранда, с которой открывается вид на реку и город, усыпанный вечерними огнями.

— Ты играешь еще и на виолончели? — бормочет Крис.

— Да... — пожимаю плечом.

— Брамса на виолончели, — вносит свое разъяснение Андрей.

Кристина сидит рядом с ним, и он поворачивает к ней лицо, давая это уточнение.

Акустика и шумоизоляция нашей квартиры позволяла творить много всякой чертовщины в детстве, как и моя бесконтрольная тяга к музыкальным инструментам.

Оторвав глаза от тарелки, Крис смотрит на него и спрашивает:

— Кто такой Брамс?

Я не виню ее за этот вопрос, Кристина имеет дело с классической музыкой только в качестве гостыи на моих выступлениях, зато знает всех народных рэперов поименно.

Андрей полощет вином рот, проглатывает и поясняет:

— Брамс — немецкий композитор и пианист.

— Разве на виолончели играют... фортепианные партии? — спрашивает подруга.

Пожав плечами, Андрей смотрит на свой бокал:

— Нет ничего невозможного, как оказалось.

— Я бы поспорила...

— Это называется эксперимент, — говорю я. — Давайте не будем спорить и ссориться. У меня день рождения.

— Тебе не понравилась виолончель? — интересуется Крис, быстро съезжая с темы и отворачиваясь от моего брата.

Он продолжает жечь взглядом дыру в ее виске.

Не понимая, что между этими двумя происходит в последнее время. Они никогда не были друзьями или теплыми приятелями, их общение всегда можно было назвать сдержанно нейтральным, но сейчас даже я ощущаю, как вокруг нас сгущается и потрескивает воздух.

— Мне не понравилось расставлять для этого инструмента ноги, — решаю сказать, как есть. — И мне не нравится смычок. Он как посредник между мной и инструментом...

— Оу... — подруга откашливается. — Так дело в смычке или в расставлении ног?

Смотрю на нее, слыша внимательную и не очень солидарную тишину за столом. Родители прячут улыбки, Андрей своей не скрывает. На его губах кривоватая ухмылка, взгляд направлен в бокал, но он, как и все, с нетерпением ждет моего ответа.

— Я люблю Брамса на фортепиано, — объявляю категорично. — Можете считать меня ханжой.

Дружный смех приносит прилив хорошего настроения и разрядку атмосферы вокруг, а мой брат заявляет:

— Присмотрюсь к виолончелисткам...

Пихаю его ногу под столом своей, отвечая на это пошлое заявление.

— За нашу прекрасную девочку! — объявляет мама. — Она родилась в этот день двадцать лет назад и перевернула наш мир...

— А как же я? — спрашивает Андрей.

— Не перетягивай сегодня на себя одеяло, дорогой. Ты навсегда останешься нашим с папой щекастым первенцем в спущенных колготках...

Поперхнувшись, Крис легонько стучит себя по груди.

— ... но родить девочку — это особенное чувство для матери. Вам мужчинам не понять... — продолжает мама. — Вот сам станешь отцом, тогда и поговорим...

Мои глаза цепляются за начищенный до блеска столовый нож, в котором бликует отражение фонариков над нашими головами.

Я снова выпадаю из разговора, где родители окунаются в воспоминания из моего детства...

С тех пор, как вышла из машины Градского, я сгораю. Уже несколько дней барахтаюсь в мешанине эмоций и мыслей, как ненормальная.

Я злюсь. На него. И на себя. Больше всего на себя, потому что не понимаю собственных ощущений.

Это было грубо. Грубо! На грани! Его пальцы на моем белье. Его рука, стягивающая мои волосы. Безжалостное давление его губ.

Он не собирается меня щадить. Или становиться ради меня другим. Даже на один вечер. Только сегодня мне уже плевать. Я бы повторила все еще раз. Каждую секунду нашей близости...

Я его не боюсь. Не боюсь его чертовых уроков!

Вместе с томительным плачем моего тела в голову приходит понимание, что он никогда не сделает мне больно. Моему телу было плевать на грубость, хоть я и представляла его прикосновения по-другому. Мои представления ничего общего с реальностью не имеют. Моему телу понравилось. Оно откликнулось на каждое прикосновение, хоть моя голова и пыталась с этим спорить.

После трех дней молчания его подарок вывернул душу наизнанку.

С утра от Градского доставили корзину цветов.

Огромное облако белых нежнейших пионов, которые заставили сердце тоскливо сжаться от неопределенности.

Какого черта он хотел этим сказать?

Это вежливость? Что-то другое? Он думает обо мне? Я который день засыпаю и просыпаюсь с мыслями об этом.

На карточке было написано “С днем рождения. Влад”.

Мама похвалила Градского за внимание и сообразительность, а мне захотелось расплакаться, уткнувшись лицом в свои любимые цветы.

— Эй, — Андрей протягивает руку и дергает за прядь моих волос.
— Надоел тебе этот пенсионерский ужин?

— Мы все слышим...

— Марафон со мной побежишь, там и выясним, кто из нас пенсионер, — хмыкает папа, салютуя ему бокалом с минеральной водой.

Улыбаюсь.

Андрей запускает пальцы в нагрудный карман рубашки и достает оттуда какие-то флаеры, а когда шлепает их на стол рядом с моей тарелкой, понимаю, что это билеты в клуб, где сегодня играет всемирно известный диджей, гений электронной музыки.

За такой билет любой из моих сокурсников отдал бы почку! Он стоит как эта самая почка!

— Ого... — прилив адреналина поджигает кончики моих ушей. — Мы идем на Лайк Майк! — трясусь билетами перед лицом подруги, потому что их там три.

— Когда? — ерзает по стулу Крис, не разделяя моего энтузиазма.

— Сейчас, — говорит Андрей, пытаюсь поймать ее взгляд, но Кристина уверенно смотрит куда-то мимо его плеча.

— Я завтра работаю...

— Ты с ума сошла?! — восклицаю. — Ничего не хочу слышать. Мы все идем! — почти вскакиваю я со стула.

Андрей посмеивается моему восторгу и вызывает для нас такси.

Впервые за этот день я чувствую подобие крыльев у себя за спиной.

Я люблю танцевать. И я хочу веселиться. Сегодня мой день рождения! Мне двадцать. Влад Градский может идти в задницу!

Прожектора на крыше клуба видно даже с другой стороны реки. Это модное заведение с пентхаусом на крыше здания пятидесятих годов постройки. Кажется, это бывший склад. Здесь живодерский фейс-контроль, когда глаза охранника придирчиво скользят по моему шелковому мини-платью на бретельках и стрянут на блестящих босоножках, мне хочется показать ему средний палец.

— Проходим... — отстегивает от столба красный канат, открывая для нас проход.

— Я буду пить здесь только воду. Из-под крана... — бормочет Кристина, оглядываясь по сторонам.

Я здесь второй раз в жизни, но немного теряю ориентацию в пространстве. Свет софитов слепит глаза, слишком громкая музыка не щадит барабанные перепонки, но кровь в венах в момент начинает бежать быстрее.

Андрей закидывает нам на плечи руки и сводит наши с Крис головы вместе, чтобы объявить сразу для обеих:

— Сегодня я ваш спонсор. Веселитесь.

Мы поднимаемся по лестнице на этаж выше. С балкона виден танцпол внизу. Еще один танцпол есть на крыше, там же зона отдыха.

Андрей ведет нас именно туда. Ночная прохлада делает нахождение здесь отпадным отдыхом для всех, кто хочет повеселиться. Мои глаза плавают по морю незнакомых лиц, пока пробираемся следом за Андреем вдоль парапета к столикам. На чертовом подсознательном уровне мои глаза цепляются за знакомые черты в десяти метрах прямо по курсу.

Глава 18

На Градском свободная рубашка с карманами на груди, расстегнутая на четыре верхних пуговицы, и черные слаксы, а в волосах бардак, который отлично вписывается в бурлящую обстановку вокруг нас. Пряди как попало взъерошены, будто он разметал их ладонью в приступе раздражения.

Но отчего, черт его дери?

В его руке рюмка текилы, которую он опрокидывает в себя, забросив назад голову и выставив вперед кадык.

По-моему, у него все отлично.

Не морщась, он заедает текилу лаймом и утирает губы, проведя по ним тыльной стороной ладони.

— Вот и главный подарок подвезли, — голос Кристины у меня над ухом.

Она не в курсе моих походов трехдневной давности. Я так и не рассказала ей ничего, потому что боюсь... боюсь того, что она поддержит его «зрелую» точку зрения. Посоветует мне отправиться в другую песочницу, как делала время от времени все эти годы.

Дергаю ее за руку, молчаливо прося заткнуться.

Градский замечает нас, когда подходим к столику впритык. Окидывает нас троих взглядом и упирает локти в разведенные колени, флегматично уставившись на свои мокасины.

Кроме него за столом Егор и еще один парень, Майкл. Он тоже учился вместе с моим братом в университете.

— Привет! — Андрей жмет руку ему и Егору.

Рязанцев двигается в сторону, уступая нам с Кристиной место.

Его глаза прогуливаются по моему телу, я замечаю это, потому что усиленно не смотрю по сторонам. Я даже ловлю его взгляд, но только потому, что он прицельно этого добивался.

Опустив глаза в пол, пробираюсь на диван. Мне ничего не остается, как сесть рядом с Рязанцевым, потому что Крис топчется за спиной, и пропускать ее вперед было бы слишком по-детски.

На Егоре тоже рубашка, наверное здесь дресс-код. Стараюсь не касаться голым плечом его плеч, но широкое бедро Рязанцева,

обтянутое черным денимом, все равно прижимается к моему.

Градский сидит прямо напротив, Андрей плюхается на диван рядом с ним, а Кристина рядом со мной.

— Кто-нибудь хочет веселящих таблеток? — добродушно интересуется Майкл.

— Никто, — как-то чересчур жестко обрубает Влад.

Взметнув на него глаза, вижу говорящий взгляд, направленный в лоб парня.

— Детская дозировка, — оправдывается Майкл. — Чисто пару звезд словить... — Трясет в воздухе крошечным пакетом с какими-то таблетками.

— Убери. — Влад снова смотрит на свои ноги.

— Сам меня сюда притащил, в следующий раз бери с собой мою бабулю...

— Убери, Мик, — присоединяется мой брат. — Сегодня вечеринка не про это.

— Как хотите...

— Что будешь пить? — Мое ухо обжигает горячее дыхание Рязанцева.

Он незаметно, но стремительно и без разрешения врывается в мое личное пространство: закидывает руку на спинку дивана прямо за моей спиной и касается моего плеча пальцами. Едва ощутимо, но мне этого достаточно, чтобы одеревенеть и повести плечом, будто его ужалили.

Повернув голову, натягиваю на губы улыбку и произношу:

— Просекко.

Егор вызывает официанта, нажав на кнопку в центре стола, а я бросаю осторожный взгляд на Градского.

Он смотрит на меня исподлобья, и мне хочется взвыть оттого, что в его ДНК будто зашит какой-то специальный ген, на который я реагирую как заколдованная. И если от прикосновений Рязанцева мне хочется убраться подальше, даже несмотря на их ненавязчивость, то о прикосновениях Градского я мечтаю прямо в эту минуту.

Хочу, чтобы он провел своей ладонью по моему плечу и стер с кожи колкие мурашки, оставленные другим мужчиной.

Он будто читает мои мысли, потому что резко дергает головой, отворачиваясь.

Я тоже отворачиваюсь, поджимая губы.

— С днем рождения, взрослая малышка Беккер, — произносит Рязанцев тост, когда официант открывает бутылку шампанского и наполняет наши с Крис бокалы искрящейся жидкостью.

Я медленно тяну ледяное шампанское, краем глаза ловя движение напротив. Градский пьет свою текилу: закидывает в себя еще одну рюмку, в финале хлопнув ею о стол.

Он снова напивается. Будто поставил себе цель принять недееспособное состояние и стереть на утро память. Из-за этого меня подтачивает легкая злость.

Залпом вливаю в себя остатки игристого и, вскочив с дивана, объявляю:

— Мы идем танцевать...

Дергаю за локоть подругу, заставляя ее быстро разделаться со своим бокалом.

— Только без приключений, — вслед предупреждает Андрей.

Самые главные приключения моей жизни происходили прямо у него под носом, так что он опоздал.

Углубляемся в толпу, ловя ритм музыкальных битов, цель которых раскатать наш пульс и разбудить желание двигаться.

У меня нет с этим проблем, я двигаюсь и двигаюсь. До испарины на шее, до того момента, пока тело не устает и не начинает тянуть мышцы ног. Пока голова не пустеет, а сердце не перестает изнывать от желания прижаться губами к впадине между ключиц Градского, которая сегодня небрежно выставлена на всеобщее обозрение, делая его ходячим сексом.

Волосы прилипают к шее, и я счастлива, что под платьем на мне ничего, кроме крошечных бесшовных стрингов. Шелк трется о влажную кожу, но прохладный вечерний воздух остужает ее, когда мы с Кристиной выбираемся с танцпола.

— Мне нужно в туалет! — кричит подруга мне на ухо.

— Сейчас. Сумку возьму! — отвечаю ей.

Мой пульс все еще на одной волне с музыкой, и эти удары шарахают по голове, пока идем к столику.

Раз, другой, третий...

В руке Влада очередная порция текилы.

Кажется, все самое «лучшее» между мной и ним случилось как раз тогда, когда я не думала, а делала.

Влад ловит мой взгляд за секунду до того, как собирается проглотить свой шот, но я действую быстрее: подхожу к столу, игнорируя место рядом с Рязанцевым, и бедром усаживаюсь на боковую спинку дивана рядом с Градским. Забрасываю ему на плечо руку и второй забираю из его пальцев шот.

Все это выглядит как ничего не значащий каприз. Дурь, которая случается на вечеринках сплошь и рядом. Для всех, кроме нас с ним, именно поэтому глаза Градского предупреждающе горят, когда заглядываю в них сверху вниз. В них предостережение, от которого по спине проходит волнующий озноб.

— Алкоголь плохо влияет на потенцию! — объявляю так, чтобы это слышали все сидящие за столом.

Мое заявление вызывает дружный смех.

Не глядя по сторонам, опрокидываю в себя обжигающую жидкость и на секунду задыхаюсь.

— Град, я теперь переживать буду за твою потенцию... — слышу голос Егора.

— Малышка Беккер, у меня с потенцией все нормально, — хмыкает Майк, накрывая растопыренной ладонью свой пах.

Боже, какой же он придурок!

— Захлопнись. — Кулак Андрея врезается в его плечо, но это веселит того ещё больше.

Влад не реагирует.

Протянув руку, берет со стола кусочек лайма и подносит к моим приоткрытым губам.

Мое сердце стряхивает с себя музыкальный дурман. Замедляется, как и мир вокруг.

Его глаза опускаются вниз, на мою шею, а потом в вырез платья.

Забираю зубами сочный цитрус из его пальцев, задев их губами.

Капля сока ползет вниз по подбородку и падает мне на грудь.

Кадык Влада дергается, глаза врезаются в мои. Понятия не имею, сколько он выпил, но его глаза поразительно ясные хоть и потеряли свой цвет в рваном свете вокруг нас.

Он убирает свою руку и быстрым движением подносит к губам подушечку большого пальца. Сосредоточенно слизывает с нее остатки

лаймового сока и проводит по губам языком.

Я почти уверена, что губы у него соленые...

— Дайте кто-нибудь резинки, я свои дома забыл, а вечер только начинается... — продолжает этот придурок Майкл.

Вскакиваю на ноги, немного пошатнувшись на шпильках, и забираю со стола свою сумочку. Заглянув внутрь, достаю из бокового кармашка фольгированный пакетик, который как-то вручил мне Андрей, прочитав серьезную лекцию о безопасном сексе.

— Если что, у меня есть еще, — бросаю презерватив на стол перед Майклом, его брови комично ползут вверх.

Я кожей ощущаю взгляд Градского на себе, но принципиально не смотрю на него в ответ. Пусть думает что хочет... если еще в состоянии это делать...

Схватив Крис за запястье, тащу за собой.

— Он хотя бы не просроченный? — бормочет она, имея ввиду почти прогнивший презерватив.

— Думаешь, он считать умеет?

— Нет, — прыскает Крис. — В зоопарке математике не учат.

Мне нужно остудить щеки, а лучше засунуть голову под кран, потому что она у меня кружится.

Глава 19

— Может, у тебя еще и пластырь есть? — кричит Крис из туалетной кабинки. — Или у тебя одни презервативы? — пьяно хихикает.

Закусываю губу, глядя на свое перевозбужденное отражение в зеркале.

Двадцатилетие не прибавило мне еще одного размера груди или объема в бедрах, но сейчас я все равно выгляжу дико вызывающе. Это не из-за платья, под которым нет лифчика, а из-за того, что я выгляжу натурально возбужденной! Губы даже без помады алые, щеки розовые, а моя укладка выглядит именно так, как выглядит — будто последние полчаса своей жизни я провела на танцполе.

Если теперь друзья моего брата будут думать, что женская сумка нужна мне для того, чтобы носить в ней презервативы, я не против.

Улыбаюсь и приподнимаю волосы, влажной ладонью провожу по взмокшей шее.

— Нет... — отвечаю. — Зачем тебе?

— Ногу натерла...

— Сильно?

Я слышу копошение за дверью и усталый вздох:

— С танцами у меня на сегодня все... блин...

— Обидно, — дуюсь я на несправедливость.

— Я вернусь за стол, а ты иди на танцпол...

— Ладно, — бормочу, закручивая кран. — Тебя подождать? — Смотрю на дверь кабинки через плечо.

— Нет, иди, — произносит Крис.

Забираю с белого мраморного умывальника сумочку и направляюсь к двери.

В коридоре грохот музыки обступает со всех сторон. Просачивается через стены даже сюда, в подвал, где расположены туалеты. Мне навстречу спускаются две девицы с очень заметной пластикой губ. Стараясь не задеть их плечом, выставляю его вперед и поднимаюсь по лестнице.

В моих венах все еще бурлит адреналиновый коктейль, разбавленный текилой и взглядами Градского. Я не собираюсь смотреть на то, как он напивается. В том, чтобы смотреть на него, но не трогать, есть свой ядовитый кайф, но, с тех пор как перешла черту, я больше не получаю этого кайфа. Реальность растоптала все мои ожидания.

Вернувшись на крышу, сворачиваю в противоположную от зоны отдыха сторону и углубляюсь в толпу.

Тела вокруг меня двигаются в разных ритмах и стилях, здесь на меня всем плевать. Я здесь никого не знаю, в этом и есть вся прелесть: один раз в сто лет побыть безликой песчинкой в большой песочнице.

Добравшись до самой середины танцпола, останавливаюсь и запрокидываю голову к ночному небу, которого отсюда не видно. Раскачиваюсь, пытаюсь поймать волну. Коду, на которой гениальный электронщик построил этот трек.

Парень напротив руками отбивает в воздухе ритм и улыбается мне белозубой улыбкой, на которую я не задумываясь отвечаю. Но тут же вздрагиваю: на мои плечи опускаются горячие тяжелые ладони, а к спине и бедрам прижимается твердое мужское тело.

Мой протест не успевает вылиться во что-то физическое, потому что в этой хватке носа касается знакомый древесный аромат.

— Влад...

Пытаюсь обернуться, но мои плечи сжимают так, чтобы я оставалась на месте.

— Замри... — получаю хриловатую команду у самого уха.

Мои веки опускаются. Волоски на коже встают дыбом, тело вытягивается в струну оттого, как близко мы друг к другу.

Нас могут увидеть вместе. Кто угодно. Но вокруг слишком много людей, и нас здесь никто не знает...

Уронив руки, кладу ладони на его бедра и спрашиваю на выдохе:

— Ты пришел испортить мне праздник?

Его ладони съезжают по моим плечам вниз, будто исполняя мою просьбу: стирают с кожи прикосновения другого мужчины, заменяя их своими.

Медленно, вдумчиво и без разрешения.

Его дыхание опалает мой висок. Я не могу держать глаза открытыми. Кусаю губы, слушая хриплое наставление у себя в ухе:

— Если не хочешь, чтобы Рязанцев тебя трогал, просто скажи ему об этом.

Теперь его дыхание щекочет скулу, а губы еле заметно чертят вверх-вниз по моей ушной раковине.

— А что, ему это непонятно? — Склоняю голову набок, пропуская по шее мурашки.

Руки Влада перемещаются мне на живот, клеймя кожу через тонкий шелк, а нос прижимается к моим волосам.

Ягодицами чувствую его пах, от этого в животе все переворачивается.

Градский напрягает ладонь, удерживая меня на месте и продолжая свои наставления:

— Некоторые мужчины воспринимают сопротивление девушки как сигнал к охоте. Как вызов...

— Ты пришел поговорить о Егоре?

Мы оба знаем, зачем он пришел. Рязанцев тут, мать его, ни при чем!

— У меня обостренное чувство ответственности...

— Просто заткнись... — прошу его со стоном.

У него в штанах огромный твердый бугор...

Вывернувшись в его хватке, разворачиваюсь на месте и забрасываю руки ему на шею.

Его бицепсы тут же стискивают мою талию, будто он ждал этого все время, пока ломал тут свою чертову комедию.

Он смотрит на меня сверху вниз, чуть опустив подбородок.

Наши лица разделяют миллиметры. Его глаза выглядят черными и бездонными. В них нет предупреждения, там возбуждающий коктейль, такой жгучий, что у меня подгибаются колени.

Сердце разгоняется до ста двадцати ударов в минуту, когда его глаза опускаются на мой рот.

Я сделала уже достаточно первых шагов и глупостей, поэтому сейчас просто дышу, не двигаясь.

Я успеваю поймать его острый как бритва взгляд, прежде чем он делает резкий выпад головой вперед и захватывает мои губы своими. Сминает их жадным поцелуем, не давая мне убежать, когда я инстинктивно отклоняюсь назад.

Ток разбегается по венам, и земля уходит из-под моих ног. Весь мир перестает иметь значение.

Зарываясь пальцами в его волосы, впитываю сразу все: их жестковатую структуру, ощущения на моих губах от давления его языка, которому я подчиняюсь, как и в прошлый раз. Размыкаю губы, позволяя ему быть главным...

Его язык делится со мной вкусом соли, лайма и текилы. Вкусом моего мужчины. Мы делимся стонами, которые поглощает окружающий нас шум.

Я боюсь потерять сознание, цепляясь за его шею.

Ладони Градского сжимают мои ягодицы, и он подхватывает мое дрожащее тело, соединяя наши бедра.

Отрываемся друг от друга, жадно делаем вдох и врезаемся в губы друг друга снова.

Поцелуи с ним не похожи ни на что, с чем я когда-либо имела дело.

Они уверенные, напористые и требовательные. Ими он в сотый раз вбивает в мою голову, что знает, чего хочет от женщины!

Я хочу его. Я хочу с ним... только с ним...

Влад разрывает поцелуй, перемещая раскрытые губы на мою шею. Я выгибаюсь в его руках дугой, подставляясь еще больше.

Его сердце напротив моего бьется о ребра. Я чувствую эти удары своей грудью. Я никогда в жизни так не чувствовала другого человека. Тесно, открыто, головокружительно. Без секретов...

Мое белье мокрое, самообладание на нуле. Ноги почти обматываются вокруг его талии, но он с болезненным стоном удерживает меня от этого.

— Арина, стой... — Сжимает руками мои плечи, обездвиживая тело.

— Я не хочу останавливаться! — Бьюсь в его руках. — Влад... — почти умоляю его.

— Я не должен был... — Градский разжимает руки, но хватает меня повыше локтя, не давая отойти дальше чем на один шаг.

Прижимается носом к моему виску и шумно дышит.

— Тогда зачем? — требую рвано.

Мой голос дрожит так же, как и все мои внутренности.

— Потому что у тебя день рождения...

— И что? Утром все забудешь? — бросаю в него обвинение.

Беснующаяся толпа качает нас из стороны в сторону, но я не чувствую их за его близостью.

— Нет... — бормочет у моего виска. — Но проспать мне не помешает...

— Отлично... — Отступаю назад на дрожащих ногах. — Удачи!

Он возвращает меня обратно, дернув к себе за руку, которую продолжает сжимать.

— Поцелуешь меня на ночь? — спрашивает с дьявольской ухмылкой на красивых твердых губах.

С размаху напоминая мне о том, кто он такой, черт его дери. Не принц, а тот, от кого лучше держаться подальше.

В груди взрываются фейерверки.

Тянусь к нему и со всей соблазнительностью, на которую способна, провожу языком по его щеке, желая:

— Спокойной ночи.

Развернувшись на каблуках и пряча улыбку, ныряю вглубь толпы, оставляя его посреди танцпола одного.

Я нахожу Кристину за нашим столиком в компании моего брата и Рязанцева. Забравшись с ногами на кожаный диван, она заливает в телефоне.

Болтая в ладони стаканом с виски, Егор смотрит на меня исподлобья со странной улыбкой, которая могла бы сойти за ироничную, если бы не была слегка язвительной.

Сейчас мне плевать на него примерно так же, как и на весь остальной мир.

Беру со стола стеклянную бутылку минеральной воды и, открутив крышку, припадаю к горлышку. Жадно глотаю и, утерев горящие после поцелуев губы, объявляю подруге:

— Я вызвала такси.

Глава 20

Я ни разу не оставалась в своей квартире на ночь, иначе давно прокляла бы отсутствие на окнах штор. Солнечный свет заливает каждый сантиметр комнаты, пробивается в глаза даже через мои опущенные веки. Будит меня даже раньше, чем это делает раздражающий звонок в дверь.

Мне приходится напрячь мозги, чтобы вспомнить, где я нахожусь.

— Ты что, заказала доставку еды? — хриплый голос Крис похож на стон.

— Нет...

Сорокасантиметровый матрас под нами настолько мягкий, что я не могу пошевелиться. Это единственная «мебель» в моей квартире. Матрас, лежащий прямо на полу в центре комнаты, и мое пианино, которое я вывезла из квартиры родителей на прошлой неделе.

Брошенный на полу телефон оживает, и к трели дверного звонка добавляется пиликанье моего рингтона.

Приоткрыв один глаз, вижу на дисплее имя своего брата и с чертыханиями вскакиваю на ноги.

Одиннадцать утра!

— Это Андрей, — говорю, отбрасывая в сторону белую простыню.

На мне только стринги, платье маленькой кучкой лежит рядом с туфлями. На Крис то же самое — стринги. Плюс простыня, в которую она заворачивается до самого подбородка. Где ее платье, я понятия не имею.

Я нахожу футболку и джинсовые шорты в своем чемодане, который притащила сюда вчера утром. Кидаю в Кристину еще одной футболкой. Она быстро одевается, тут же падая обратно на матрас.

Трель звонка не прекращается ни на секунду и бьет по моим пульсирующим вискам как кувалда.

— Утомни его, молю... — бормочет Кристина, натягивая простыню на голову, и спрашивает оттуда: — У тебя есть вода?

— Должна быть...

Выхожу из комнаты в коридор и шлепаю босыми ногами по кафелю, направляясь в прихожую. В глазок вижу своего брата и рычу, открывая ему дверь:

— С ума сошел?

— Доброго утречка! — Андрей вручает мне два стакана с кофе, проходя в квартиру.

На нем футболка и свободные штаны с карманами. Он отдохнувший. Просто пышущий отличным настроением и энергией, от которой мне хочется вытолкать его взащей. Туда, откуда он пришел.

— Спасибо... — Забираю у него кофе, чувствуя, как просыпаются аппетит и жажда.

Сбросив кроссовки, он осматривается, крутя на пальце брелок сигнализации от машины, и проходит дальше по коридору. Заглядывает в кухню, интересуясь:

— Как самочувствие?

— На все двадцать... — Снимаю со стаканчика крышку и делаю большой глоток.

Слава богу, отражение в большом зеркале на стене никак не показывает моего физического состояния. Я растрепанная, но и только. Даже разводы туши под глазами не делают меня чудовищем.

Остановившись в центре кухни, прямо в полоске солнечного света, Андрей изучает белый кухонный гарнитур, который установили совсем недавно. Я еще не успела снять с него пленку.

— Красиво, — замечает, посмотрев на меня.

— Угу... — Оборачиваюсь на скрип двери.

— Пахнет кофе... — Крис высовывает из комнаты всклокоченную голову и выходит в коридор, одетая в старую футболку Андрея с эмблемой МГУ, которую я лет пять использую как ночнушку.

Футболка доходит ей до середины бедра, но плечи, как и на мне самой, сползли почти до самых локтей.

Подойдя ко мне, Крис забирает стакан и смотрит на моего брата, бормоча:

— Привет.

— Классная майка, — бубнит он в ответ, проходясь ладонью по волосам, которые за лето успели выгореть почти до песочного блонда.

— Что? — Крис непонимающе смотрит на себя сверху вниз, но через пару секунд до нее вроде бы доходит, и она внезапно краснеет до

корней волос.

Андрей чешет подбородок и объявляет:

— Могу развезти вас по домам. Я сегодня свободен.

Мой телефон в комнате опять звонит, но после пятиминутного бодрствования и огромного глотка кофе, стандартный рингтон уже не ощущается ударом мешка по голове. Мешком ударяет другое. То, что на дисплее входящий звонок от Градского. В панике я не придумываю ничего лучше, как рвануть в ванную, прихватив с собой звенящий телефон.

— Ты чего? — удивленный возглас Крис летит мне в спину, когда я со щелчком захлопываю дверь в ванную, отделяя себя от остальной квартиры.

— Кажется... от кофе мне поплохело, — произношу сдавленно, гипнотизируя взглядом пропущенный вызов, и вздрагиваю, когда Градский настойчиво начинает звонить снова.

Примерно всю дорогу до дома и половину ночи я в неосознанности опять и опять переживала наш безумный поцелуй. Мне не нужно ничего анализировать, я и так знаю, что он был лучшим в моей жизни.

Включив воду в душе, провожу пальцем по экрану и прижимаю телефон к уху.

— Да? — спрашиваю осторожно.

В груди тянет и печет. Я не знаю, чего мне стоит ожидать от этого звонка. Влад умеет выбить меня из седла парой слов или воскресить одним прикосновением, и он честно предупредил, что не собирается быть расстеленной передо мной красной ковровой дорожкой. Но после того, как я попробовала его губы на вкус, меня уже ничего не остановит. Сердце трепещет и рвется к нему даже через телефонную трубку.

Если бы он не позвонил, я бы умерла или пришла к нему за очередной порцией нравоучений сама.

— Доброе утро, Арина, — его голос не менее бодрый, чем у моего брата. Судя по шуму на заднем фоне, он уже тоже куда-то едет.

Наверное, они, в отличие от меня и моей подруги, знают какой-то секрет, как приходиться в себя после десятка шотов и ночи в клубе.

— Ошибся номером? — спрашиваю, привалившись плечом к стене.

— Смешно. Нужно встретиться и поговорить.

Мне не смешно. Он звонит мне первый раз в жизни. Его голос, искаженный динамиком, до мурашек близкий и знакомый, но серьезность его тона меня пугает. Если он проспался и сейчас предложит все забыть, то я этого не переживу.

— О чем?

— О важном.

— Градский, — шиплю яростно. — Если у тебя совесть проснулась, засунь ее себе в...

— Тс-с-с... выбирай выражения, малыш... — говорит с хрипотцой.

Сглотнув, я закусываю костяшку пальца. Сердце дергается, и я не издаю ни звука, чувствуя, что начинаю потеть.

— Где ты? — спрашивает Влад.

— В своей квартире.

— Адрес?

— Ты едешь ко мне? Сейчас?!

У меня мокнут ладони, а тушь под глазами начинает чесаться.

— Буду ждать тебя на парковке. Примерно... — прикидывает он.
— Через тридцать минут...

Я опять торможу с ответом, но он ему и не требуется. Градский просто кладет трубку, оставляя меня, как заведенную игрушку, посреди ванной с пониманием, что в ближайшие полчаса мне нужно избавиться от брата и от подруги, успеть привести себя в порядок и не подохнуть от фонтана эндорфинов, которые захватили мою кровь...

Глава 21

Синий “БМВ” всплывает во двор моего дома одновременно с тем, как я выхожу на тротуар для пешеходов. В тонированных окнах отражаются фасады зданий вокруг и облака. Солнце нещадно припекает мои плечи под волосами. Я не досушила их, у меня не хватило терпения. Мои волосы немного сырые и тяжелые.

Не дожидаясь каких-то команд, я оббегаю капот и оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться — здесь нет машины Андрея. Ее здесь быть не должно. Они с Крис уехали пятнадцать минут назад, оставив меня “подышать в обнимку с унитазом”. Я наврала брату и подруге, и сделала это довольно хладнокровно, хотя в целом находилась как в тумане. Он развеивается только тогда, когда сажусь в машину и нос заполняют знакомые запахи. Все становится реальным. Этот день и Влад, сидящий за рулем.

Его поза расслабленная. Раскрытая ладонь тыльной стороной вверх лежит на бедре. На ней отчетливо выделяются жилы и вены, и она прижимает к бедру скомканную белую бейсболку.

На Градском футболка, клетчатая рубашка и свободные шорты. Все так и есть. Он заросший щетиной, но бодрый и отдохнувший, даже его завивающиеся на концах волосы лежат на голове в идеальном порядке, а лаза он прячет за стеклами солнечных очков, и я чувствую, как эти глаза смотря на меня через стекла.

Мне нравится эта пауза.

Пока он молчит, я могу изучать каждую знакомую деталь его сильного гибкого силуэта и контуры его губ, окруженных этой темной утренней щетиной. Она ему идет. Его губы кажутся ярче. Хотеть его губы для меня естественно. Это что-то абсолютно здоровое и естественное, что-то, с чем я научилась сосуществовать давным-давно. Желание, которое становится только острее от того, что его нельзя удовлетворить, но я знаю, если это случится, мне будет мало.

Влад отнимает от руля руку и ерошит ею свои волосы, после чего поднимает вторую руку и бросает мне на колени ту самую бейсболку, которая лежала на его бедре.

На ней эмблема какой-то коммерческой фирмы и ее название на английском.

— Что это? — спрашиваю, вертя бейсболку в руках.

— Белый флаг, — отвечает Градский, испустив долгий выдох.

Мои пальцы сжимают козырек, и я смотрю на Влада, повернув голову.

— Что? — переспрашиваю, не совсем понимая ход его изощренных мыслей.

— Белый флаг, — повторяет он.

— Как?.. — откашливаюсь. — Как знак примирения?

— Нет, Арина. — Его пятка стучит по полу в так тихой музыке, льющийся из колонок. — Как знак моей капитуляции, но с некоторыми условиями.

Мое сердцебиение набирает обороты, холодный воздух салона чуть остужает разыгравшийся под кожей пожар.

Я не думаю. Я уже решила, что с ним мне лучше не думать, иначе голова лопнет.

Бросаю еще один взгляд на бейсболку, а потом надеваю ее себе на голову, намекая на то, что принимаю его условия. Вот так. Без переговоров.

Проводив мои движения взглядом, Влад проводит ладонью по лицу и пеняет:

— Ты меня еще не выслушала, малышка.

В его голосе мягкость и нежность, от которой у меня сосет под ложечкой, но я все равно внутренне сжимаюсь, понимая, что он не скажет мне того, что я хочу услышать. Иначе не было бы этого проклятого “но”.

— Говори, — быстро облизываю губы, впиваясь в его лицо глазами. — Это условия в стиле Влада Градского? Нельзя целоваться? И рассказывать об этом подружкам?

— Я разве когда-нибудь ставил такие условия? — криво усмехается. — Нам все можно, но это ничего для нас не значит. Я через две недели уеду, это решение не изменится. Ты получишь то, что хотела. Закроешь все свои гештальты. Я полностью твой.

— На две недели, — уточняю вяло.

— Да.

— И как ты себе это представляешь? — смотрю на него, сжимая руки в кулаки. — Что мы будем делать?

— Ты очень красивая, Моцарт. Даже не представляешь, насколько. Ты совершенство. Идеальная во всем, — его взгляд вновь касается моего тела. — У нас не будет трудностей с тем, чтобы найти себе занятие.

— Я не идеальная...

— Я вижу тебя иначе, чем ты видишь себя. Так же, как и ты меня. У тебя есть возможность во мне разочароваться.

— Я не хочу разочароваться в тебе...

— Я не настаиваю, — говорит с иронией.

Нас окутывает тишина.

Он предлагает мне секс без обязательств. Именно то, что я не так давно сама у него выпрашивала. Но почему-то я не чувствую эйфории...

Мое сердце гонгом стучит в ушах. Мои надежды, мечты... вдруг приняли неправильную форму. Исковерканную. Фальшивую. Это толкает слезы к глазам, но я борюсь с ними, потому что... это лучше, чем совсем ничего. Я хотела хоть что-то себе оставить после его отъезда, теперь у меня будет, что вспомнить, не сомневаюсь.

— Две недели... — шепчу тихо, переводя взгляд на лобовое стекло.

— У нас с тобой два варианта, — продолжает Влад. — Или мы забываем обо всем и больше не продолжаем то, что уже начали. Или, как я уже сказал...

Еще месяц назад, листая социальные сети Градского, я и подумать не могла о том, что когда-нибудь он сам придет ко мне за поцелуем, а теперь предлагает две недели отношений. Песчинка на отрезки жизни. Этого мало... чертовски для меня мало. Но если я сейчас откажусь, то не получу ничего. Человек может влюбиться в другого за две недели? Мне хотелось бы в это верить, потому что только такая надежда поможет мне не сломаться потом. В конце...

— Я согласна... — говорю хрипло.

— Арина, — его голос твердый. — Это не шутка. У этого не будет продолжения. Я хочу, чтобы ты это понимала и потом не искала меня.

— Жизнь здесь и сейчас, да? — бросаю с горячим смешком.

— Да. Именно так. Жизнь короткая штука.

— Я понимаю, — сглатываю ком, застрявший в горле.

— У тебя есть выбор.

— Я согласна! Я давно выбрала тебя! — выкрикиваю в сердцах.

— Как ты этого не можешь понять?!

Он делает глубокий вдох и смотрит вперед.

— Хорошо, — бормочет. — Бейсболка тебе сегодня пригодится.

Пристегнись.

Я дергаю ремень. Вгоняю его в замок резко, с оглушающим щелчком. Мне трудно держать себя в руках. Мне хочется протестовать. Хочется объяснить ему, что он дурак, если думает, что за две недели я закрою свои гештальты или увижу в нем что-то, чего не замечала раньше. Гниль. Грязь. Другое лицо, которое пошатнет мой идеальный мирок. Так он думает? Я знаю его. Знаю! И хочу, чтобы он был моим не на каком-то коротком отрезке времени, который сам нам и отвел, а без гребаных ограничений!

Когда-то мама рассказывала мне о том, как они с папой поняли, что смогу прожить вместе всю жизнь. Что они совпали, как частички сложного пазла и идеально встали рядом с друг другом, несмотря на разницу менталитетов, разницу характеров и социальных слоев. Они приняли друг друга такими, какими они были, и не сломались рядом. Бережно, день за днем и по сей день, каждый оберегает “я” друг друга. Не нужно быть ни для кого идеальным, чтобы тебя искренне любили. Это то, что я хотела бы показать Владу, правда понятия не имею, как...

— Расслабься, — его голос касается меня, как теплый обволакивающий поток. — Сегодня мы кое-что попробуем.

— Секс? — спрашиваю почти без эмоций.

Влад тихо смеется, отрицательно качая головой.

— Кое-что другое.

— Свидание? — бросаю на него взгляд.

— Я не хожу на свидания. Ты слушаешь меня через какой-то специальный фильтр?

— Может, ты все-таки созрел на выходной от самого себя, откуда мне знать? — бормочу.

— Нет, — положив обе руки на руль, он нажимает на педаль и машина плавно пересекает двор моего дома, без разворота выезжая на

проспект с противоположной стороны от въезда, через который Градский сюда попал.

Глава 22

Хотя формально я уже совершила прыжок с обрыва, мне требуется время, чтобы совершить его еще и мысленно. С полным чертовым смыслом и расстановкой. Именно поэтому я молчу минуту, а может, множество минут, пока машина несется по проспекту в потоке других машин. Когда она тормозит на очередном светофоре, преодолевая дискомфорт в груди, спрашиваю:

— Это ты организовал нам Лайк Майка? Вчера?

Догадка о том, что эти билеты его рук дело, поселилась у меня в голове еще вчера. Музыка в колонках машины банальное подтверждение.

— Я, — отвечает Влад, послав мне короткий взгляд.

Его глаза опускаются на мои колени, которые я подтянула к груди, сбросив с ног на резиновый коврик внизу кеды. Проходятся по моим ногам до лодыжек и задерживаются на маленьком колечке, украшающем средний палец ступни. Подарок Крис.

Пальцы Градского стучат по рулю в такт битам. Он чешет переносицу, отворачиваясь к лобовому стеклу и оставляя меня с ощущением, что весь этот маршрут по моей коже проделали не его глаза, а его руки.

Он хочет этого. Меня. Хочет...

— Зачем? — Пытаюсь концентрироваться на дороге и городе, убегающем мимо окон машины вокруг нас.

Мы движемся в сторону выезда из Москвы.

Мне не приходит в голову спрашивать наш маршрут, разве это важно для самоубийцы? Рядом с ним мне хорошо. Спокойно. Да, спокойно. Это ни с чем не сравнимая внутренняя гармония. Только это не мешает мне чувствовать его присутствие каждым атомом своего либидо, особенно, когда он так на меня смотрит.

— Зачем... — тянет он. — Потому что идея вдруг показалась мне охеренной, — сообщает благосклонно.

— Ты думал обо мне или о себе? — спрашиваю у его твердого профиля.

Уголки его губ дергаются, ответ звучит расслабленно:

— Я думал о тебе. Хотел удостовериться, что ты в норме. Я немного переборщил в машине...

— Я в норме... — бормочу, вспоминая бешеный диссонанс своих чувств в тот день. — Ничего такого ты не сделал...

Я чувствую его взгляд на своем лице, слышу приглушенный совет:

— Ты слишком много думаешь. Я же сказал: расслабься.

— С тобой я не думаю, ясно? — смотрю на него. — Просто чувствую.

Скольжу взглядом по его телу. Упрямо скольжу им по тем местам, от которых приличная девушка в разговоре с мужчиной должна отводить глаза.

Градский вздыхает и кладет затылок на подголовник.

Мы молчим, оба глядя вперед. Дорога вьется вдоль отбойника, обочина засажена деревьями.

Устроив подбородок на коленях, я все же спрашиваю, не выдержав неизвестности:

— Это Рижское шоссе? Куда мы?

— За город. Искупаемся...

— У меня нет купальника.

— Купим по дороге.

Я расслабляюсь, наконец-то приняв «красную таблетку». Прикрыв глаза, слушаю музыку и позволяю молоточкам у себя в висках умолкнуть, чувствуя как из головы уходит напряжение.

По правую руку от меня появляется большой торговый центр, и Влад уверенно сворачивает на парковку. Асфальт плавится под ногами, когда выходим из машины. За тридцать минут пути мои волосы успели высохнуть. Стянув с запястья резинку, завязываю их в низкий хвост, оставив бейсболку на сиденье машины.

Администрация торгового центра на повторе крутит информацию о пропавшем ребенке. Я слушаю вполуха, мы с Владом оба здесь впервые, поэтому не ориентируемся, но, как только поднимаемся на второй этаж на эскалаторе, я вижу отдел нижнего белья и купальников.

— Мне здесь подождать? — Градский тормозит у витрины, засунув руки в карманы шорт.

На манекене за стеклом красуется красный полупрозрачный комплект белья, который больше открывает, чем скрывает. Настолько

же эротичный, насколько и пошлый. Влад проявляет неторопливый интерес к деталям, сбегая глазами по манекену вниз, потом понимаясь вверх. То, что его привлекла подобная пошлятина, вызывает желание погрызть изнутри щеку.

— Пошли... — Взяв Градского за руку, тащу за собой в магазин.

Хватаю первый попавшийся лиф от купальника и плавки к нему, насквозь проходя торговый зал. Продавец-консультант спешит к нам, но я всем видом даю понять, что мы справимся сами.

Здесь три примерочных, и все они пустые.

Я больше не могу терпеть, поэтому толкаю Градского в среднюю кабинку и обнимаю его шею руками, встав на цыпочки. *Его* руки медленно смыкаются на моей талии, глаза смотрят в потолок с пятью лампочками для идеального освещения внутри маленького пространства.

Прыснув от смеха, я закрываю ему ладонью рот, намекая на то, что он должен молчать.

Влад чуть выгибает брови, как бы спрашивая: долго ли мы будем здесь стоять?

Убираю ладонь и тяну его голову к себе.

Он не против подыграть, потому что его руки в ту же секунду сгребают мой зад, и я ногами обнимаю талию Градского прямо в этой крошечной примерочной.

Он впечатывает мою спину в стену и приподнимает меня выше, так, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

— Что дальше, малышка? — спрашивает хриловато, разрешая мне вести эту партию.

Секс в примерочной уже не кажется мне чем-то сложным, потому что наши тела идеально прилегают друг к другу. Мне вдруг кажется, что в сексе вообще нет ничего сложного. Он просто естественнее некуда...

— Поцелуй... — сообщаю я.

Если внутри него и правда есть магнит, я в это поверю. Меня тянет к его губам, будто я в силовом поле, с которым не могу бороться.

— М-м-м... — выдыхаю, соприкасаясь ртом с его губами.

Влад делает носом шумный вдох, а его ладонь сминает мою ягодицу так, что я оказываюсь на острой грани между болью и

удовольствием, и я уверена, что он делает это специально. Чтобы напомнить мне — он все еще он. Ни черта не изменилось.

Его язык не ждет особого приглашения и сталкивается с моим, ныряя в мой рот.

Поцелуй выходит влажным. Глубоким. Таким, будто от вчерашнего вечера нас отделяют лишь выдох и вдох! Будто не только я, но и он хотел продолжения... это так... так, иначе он бы не приехал...

Его губы все еще немного жесткие. Кажется, они будут такими всегда. Мне нужно привыкнуть. Запомнить то, как это делает именно он. Как он целуется...

— Влад... — жмурюсь, когда его губы смещаются на мою шею и путешествуют вниз до выпирающих над воротом футболки ключиц.

— Ты пахнешь персиками, Моцарт... так бы и сожрал...

Я реагирую стоном, когда рот Влада без предупреждения оказывается на моей груди и прикусывает сосок прямо через тонкий хлопок белой футболки.

На мне нет лифчика.

От шока я изгибаюсь, но Градский впечатывает меня своим телом в стену еще сильнее, не позволяя свалиться на пол и утянуть его за собой.

Смотрю в его глаза распахнутыми глазами, когда он поднимает лицо.

Его зрачки полностью затопили серебристую радужку, сделав взгляд почти сумасшедшим. Выражение его лица настолько горячее, что мои бедра дрожат вокруг его талии.

— Достаточно? — спрашивает хрипло. — Или продолжим вечеринку?

Я сглатываю так, что моя трахея поднимается и опускается.

— Пока достаточно... — еле ворочаю языком.

Влад ставит меня на ноги и выходит из примерочной, ероша волосы и бормоча себе под нос:

— Пиздец, вечеринка...

Мерить купальник нет никакого желания и тем более терпения. Я просто сверяю размеры и даю себе двухминутную передышку для восстановления дыхания.

Влад перехватывает меня за локоть, когда выхожу из примерочной.

Его губы слегка поджаты, потому что он дышит через нос и кивает на соседнюю кабинку. Под шторкой видны две детские ноги, обутое в маленькие зеленые кеды с динозаврами.

Кроме нас и скучающего продавца-консультанта за кассой, в бутике никого больше нет.

— Что? — хмурю брови, ни черта не соображая.

— Тот пацан, который потерялся, они говорили про динозавров, — тихо поясняет Градский. — Нужно его вывести...

Он медленно отдергивает штору.

За ней зареванный мальчик лет четырех, сжимающий в пухлой руке фигурку оранжевого динозавра.

Мои материнские инстинкты просыпаются мгновенно. От вида заплаканной мордашки в животе будто пинок.

— Ты его напугаешь... — Тяну Влада за рубашку.

Он присаживается на корточки напротив мальчугана, не пересекая порога коробки, и говорит:

— Привет, малой... Как тебя зовут?

Мальчик грозно смотрит на нас из-под насупленных бровей и челки от прически «горшок», не спеша знакомиться.

— Я Арина. — Присаживаюсь рядом с Градским. — Это Влад...

— Где мама? — тихо говорит мальчик, шмыгая носом.

Влад протягивает ему руку и мягко — я даже не знала, что он так умеет — улыбается:

— Она тебя обыскала. Пошли, поищем ее?

Глава 23

— Так где вы, говорите, его нашли? — интересуется охранник, поглядывая на жмущегося к коленям Градского мальчика.

Наш найденыш в полном порядке, просто проголодался, и мы ему не особо нравимся, потому что посторонние, но этот мужчина с усами и блестящим потным лицом нравится ему еще меньше.

В маленькой комнате охраны душно. Администратора центра на месте не оказалось, и мы спустились сюда.

Пыльный вентилятор гоняет сухой воздух, и мне хочется поскорее отсюда уйти.

Собираю с плеч волосы и завязываю их узлом на макушке, сидя рядом с Владом на продавленном кожаном диване. Мальчика зовут Максим, и Градский занимается тем, что подставляет ему свою ладонь, по которой тот стучит маленькой ладошкой.

Я сижу будто на иголках, потому что видеть, как Градский общается с детьми, — испытание для всех моих женских инстинктов. Мое воображение живо нарисовало *наших* детей, и теперь я не смогу отделаться от этого видения никогда.

— Какая разница? — с нажимом спрашивает Влад. — Мать его где?

— Так мне откуда знать? Искать убежала...

— Полицию вызвали?

— Вы что, какая полиция? У нас таких случаев по пять на день, все находятся целехонькие. Вот пусть возьмет конфетку, — тушует охранник под ледяным взглядом Градского, протягивая ребенку несколько карамелек. — А вы можете идти... чего толпиться... уже все под контролем...

Я чувствую, как не нравится все происходящее Градскому. Он стучит по полу пяткой и с нечитаемым лицом осматривает экраны компьютерных мониторов. На них выведены изображения с нескольких камер. Качество отвратительное, и мне кажется, что информативности у этих картинок тоже немного.

Влад отказался уходить и оставлять мальчика с охранником еще тогда, когда мы сюда только зашли, поэтому мы ждем здесь уже минут

десять.

— Конфеты у чужих он не берет, а мать мы дождемся вместе. Да, малой?

— Да... — мальчик робко ему поддакивает.

Влад вертит в руках его динозавра, прикручивая отвалившийся хвост.

Прижавшись щекой к плечу Градского, я тихо спрашиваю, ткнув подбородком на игрушку:

— Кто это, знаешь?

— Ти-рррекс, — важно отвечает Максим.

Улыбаюсь, подняв глаза на Влада.

Его брови сведены на переносице, рот напряжен, будто он в принципе никогда не улыбается. Но я ведь знаю, что это не так...

Дверь с шумом распаивается, и на пороге каморки появляется женщина с круглыми от волнения глазами. На вид ей не больше сорока, волосы у нее растрепаны, и это отлично дополняет весь ее встревоженный облик. Ее взгляд мечется по комнате и падает на малыша, который радостно отклеивается от Градского и несется к ней вприпрыжку, оставив своего динозавра валяться на полу.

Градский встает, я поднимаюсь вслед за ним.

— Спасибо... — женщина еле различимо шевелит губами, глядя на Влада снизу вверх.

На его лице все та же маска, будто его мимические жесты на время замкнуло. Я понимаю, что он не собирается быть душкой, еще до того, как рот, о поцелуях которого я постоянно мечтаю, грубо произносит:

— Его могли найти не мы, а кто угодно другой. Любой debil с нечистыми намерениями.

— Я... понимаю... — прижимая к себе ребенка, отзывается женщина.

— По-моему, вы ни хрена не понимаете, — давит на нее Градский. — Вы потеряли ребенка. Ау!

— Почему вы на меня орете?.. — выкрикивает на грани истерики. — Без вас разберусь!

— Влад... — зову тихо, обхватив ладонями его локоть. — Пошли...

Он бросает на меня быстрый взгляд, будто только что вспомнил о том, что я тоже здесь. Переведя глаза на горе-мать, бросает:

— Советую больше не терять детей. Технологии, слава богу, позволяют. На улице двадцать первый век, включите мозги.

Сказав это, он делает шаг к двери и выходит из комнаты, оставляя после себя звенящую тишину.

Его реакция на ситуацию обескураживает меня, если не сказать больше!

Под тихий плач «пострадавшей» я пару секунд смотрю на опустевший дверной проем, после чего протягиваю руку и ерошу волосы на макушке малыша.

— Ну... пока... — бормочу, чтобы хоть чем-то заполнить напряженное молчание. — До свидания...

— Спасибо... вам... — сипло повторяет женщина, обращаясь на этот раз ко мне.

Кивнув, я выскальзываю из комнаты вслед за Владом и догоняю его на выходе из технического коридора.

Я отчетливо понимаю, что сейчас лучше не приставать к нему с вопросами. У него отвратительное настроение. И с той женщиной он вел себя скверно. Но я соблюдаю невидимую дистанцию, держа свои выводы при себе.

Поравнявшись с Градским, осторожно цепляюсь за его ладонь пальцами.

Он сжимает их в ответ и ведет меня к эскалатору, молча глядя себе под ноги.

На меня давит то, что из нашего совместного биополя вдруг ушло все веселье, вместо него вокруг нас сгустилось напряжение, и его источник — не я. И эта колючая пурга вокруг нас образовалась, даже несмотря на то, что ситуация разрешилась самым отличным образом.

Влад молча ведет машину, не замечая даже того, что не включил радио. Мы едем в тишине, и все это время я остро чувствую потребность пробраться к нему в голову и понять, что происходит. Но сомнения в том, что ему это нужно, заставляют меня некоторое время сидеть и беззвучно жевать свои губы.

Теряю терпение, когда Градский совершает обгон на полупустой трассе. Даже моих отсутствующих навыков вождения достаточно,

чтобы понять — это был опасный маневр! Опасный, потому что мои мозги вспыхнули всеми возможными красными лампочками и уронили сердце в пятки, когда машина, вильнув, сбросила скорость и остановилась на обочине. Отстегнув ремень, я выскакиваю из нее, двумя руками толкнув дверь.

— Арина... — слышу голос Градского за спиной, прежде чем громко ею хлопнуть.

— Если ты передумал, просто так и скажи! — Взмахиваю руками и прячу лицо в ладонях. — Ты чуть нас не убил!

По трассе мимо с шумом проносятся машины. Солнце припекает мне макушку и царапает лучами плечи.

— Псих... — шепчу, всхлипнув. — Жизнь слишком коротка, да?

Я слышу, как Градский подходит ближе, под его кроссовками скрипит гравий.

Влад останавливается рядом, смотрю на него сквозь пальцы, борясь с собственным рваным дыханием.

Он без предупреждения дергает меня на себя, заставляя впечататься носом в его твердую грудь. Мне нужна секунда на то, чтобы решить: обнять его в ответ или нет! Я злюсь. Киплю. Но я, наверное, тоже псих! Такая же ненормальная, как и он!

Просовываю руки ему под мышки и сцепляю их у него на спине, приликая к нему всем телом. Сантиметр за сантиметром. Бездумно. Безмозгло. Как прирученная к рукам кошка.

Влад опускает подбородок мне на голову и тихо говорит:

— Когда мне было десять, мой младший брат пропал...

Вой проносющихся мимо нас машин на секунду топит его голос, но я слышу достаточно хорошо, чтобы мой лоб прорезала морщина.

— Мы втроем пошли на крытый рынок. Я, он и мать. Она... овощи выбирала, торговалась... мы болтались сами по себе минут десять. Носились, потом решили в прятки сыграть. Он любил прятаться...

— Влад... — сглотнув, смотрю в его лицо.

— Искали его целый день. И потом еще много дней...

Его глаза туманятся. Желваки на челюсти пляшут, пока он смотрит в пространство. Куда-то вдаль над моей головой.

— Как... — мой голос срывается, и я пытаюсь это скрыть. — Как его звали?

— Иван Градский. Возраст пять лет.

По телу ползут мурашки, замораживая все мои внутренности. Я никогда не слышала этой истории. Я точно знаю, что у него нет братьев и сестер. По крайней мере, родных. Знала... Теперь мое представление о семье Градского необратимо перевернулось.

— Ты не виноват... — говорю тихо, догадываясь, что он как раз это и делает. Винит себя. — Ты тоже был ребенком. Вы просто играли. Ты не мог предположить...

Он сглатывает, и его кадык дергается. Опустив на меня глаза, сипло говорит:

— Мне от этого ни хера не легче, Моцарт...

— Я люблю тебя, — произношу мягко и тянусь к нему, оставляя поцелуй на подбородке.

Влад тихо дышит, пока продолжаю покрывать поцелуями его лицо.

— Блин... — выдыхает, ловя мои губы своими. — Откуда ты взялась, а?

Мне хочется сказать, что я, кажется, всегда была рядом, но его губы не дают мне говорить...

Глава 24

Всю оставшуюся дорогу Влад ведет машину размеренно. Даже усыпляюще размеренно, этот контраст такой броский, что у меня голова идет кругом.

Его рука лениво опускается на мое голое бедро и сжимает его, рождая микровзрыв в сердце. Я со страхом думаю о том, что эти две недели будут самыми скоротечными в моей жизни. Время уже сочится сквозь пальцы, даже несмотря на то, что машина тащится по трассе улиткой.

Влад Градский — разрыв на моей сердечной мышце.

Его глаза смотрят на дорогу. Челюсть слегка напряжена.

Обстоятельства его жизни камнем осели у меня в душе, след от его поцелуя горит на губах, а упрямое выражение на его лице намекает мне на то, что разговаривать о прошлом он не собирается. Время откровений закончилось. Я не решаюсь скрестись в эту шкатулку его памяти, мне вдруг кажется, что прожитых мною лет слишком мало, для того чтобы давать ему советы, но это не значит, что я не стану их искать.

Сосредоточившись на виде за окном, замечаю петляющую между сосен дорогу и шлагбаум с будкой охраны при нем. Мы упираемся в него спустя две минуты пути. Нам открывают сразу, как только Градский пару раз ударяет кулаком по клаксону. Протянув около километра по гравийной дорожке, сворачиваем к маленькому коттеджу прямо на берегу большого неизвестного мне водоема.

Повсюду зеленый и синий. Красиво и безлюдно.

Влад глушит машину, а я молча отстегиваю ремень.

Воздух за пределами салона раскаленный, солнце слепит глаза. Сложив над ними ладонь козырьком, осматриваю деревянный дом в форме треугольника с панорамными окнами и полным погружением в ландшафтный дизайн.

Влад тоже осматривается и бросает на меня взгляд поверх крыши машины.

Топчась босыми ногами по раскаленному гравию, наблюдаю за тем, как он взбегаёт на маленькое крыльцо и пару секунд возится с

электронным замком, вводя какой-то код.

Солнечные лучи играют в его темных волосах. Чтобы не задеть головой козырек крыши, ему приходится немного сторбить плечи, отчего футболка натягивается на его лопатках и мышцах спины.

Я чувствую волнение. Трепет оттого, что мы здесь вдвоем. На несколько километров вокруг никого.

— Это точно не свидание? — спрашиваю, впившись глазами в его затылок.

Он наконец-то справляется с дверью и открывает ее, толкнув одной рукой.

— Это прелюдия, — Разворачивается и кивает внутрь подбородком. — Заходи.

Глядя на меня исподлобья, он ждет, положив вторую руку в карман своих шорт.

У меня давно нет пути назад, но, когда я войду, моя жизнь изменится еще раз. Не сомневаюсь. Направленный на меня взгляд слишком многообещающий.

Втянув в себя «речной» запах, направляюсь к крыльцу и вхожу в дом, проскользнув мимо Градского. Все это время он неотрывно за мной наблюдает, поворачивая следом голову. Это так интимно и будоражаще, что у меня от предвкушения мокнул ладони.

Это сложно назвать домом. Это домик, внутри отделанный деревом. Есть кухня, диван, ванная и маленькая спальня с кроватью во всю комнату.

Эту инспекцию я провожу в молчании, бросая взгляды на Градского, который внутри осматриваться не спешит.

Ведя пальцами по столешнице разделочного острова, двигаюсь по кухне и задаю мучающий меня вопрос:

— Мне нужно отпроситься на ночь?

— Не думал, что ты до сих пор отпрашиваешься. — Влад складывает на груди руки, прислонившись плечом к стене.

— Это была шутка, Градский, — смотрю на него через комнату. — Здесь мило.

— Мило — очень нейтральное слово.

— Ладно, здесь круто.

— Не преувеличивай.

— Тогда найди свое слово.

Окинув взглядом обстановку, он сообщает:

— Мы останемся здесь на ночь.

Кусаю изнутри щеку, еще раз осматривая пространство и не останавливаясь ни на чем конкретно. Мы останемся здесь на ночь. Этого достаточно, чтобы мысли по поводу обстановки в моей голове сдохли. Все до единой.

В ладони оживает телефон, звеня рингтоном по нервам. Я вижу на дисплее имя брата и смотрю на Влада. Он перехватывает мой быстрый взгляд и склоняет набок голову.

Я собираюсь врать не моргнув глазом и собираюсь делать это не таясь.

— Чего тебе? — проговариваю хрипло, как раз такой голос у меня обычно после сна.

— Как дела? Я все еще могу поработать таксистом, — говорит Андрей немного резко.

Удивленная этими интонациями, вру:

— Я сплю.

— Давай пообедаем. Тебе поможет теплый бульон.

Мне ничего не поможет. Со своей бедой я один на один.

— Андрей, отстань, а? — прошу его протяжно. — Позвоню завтра.

— Я пытаюсь о тебе заботиться, Моцарт.

— Спасибо, мне просто нужно поспать. Пока! — Сбрасываю вызов и кладу телефон на столешницу.

Все это время Влад неподвижно за мной наблюдает, приподняв уголок губ в усмешке.

— А ты отлично врешь.

— Все врут, даже я.

— Ты перевернула мой мир, — усмехается, приложив ладонь к сердцу.

Я вдруг понимаю, что прелюдия без свидания — это гребаное испытание.

Я нервничаю.

Здесь нет крадущей стеснения обстановки. Это не танцпол, где нас никто не знает. Не спальня с выключенным светом, где можно спрятаться за темнотой. И это не посиделки у камина с бокалами вина.

Это голая правда, подсвеченная со всех сторон ярким дневным солнцем.

Градский проводит рукой по волосам и молчит пару секунд, после чего говорит:

— Сними футболку.

Это то ли просьба, то ли приказ. Что бы это ни было, моя кожа покрывается мурашками, соски становятся чувствительными, и ткань футболки царапает их, несмотря на то что это хлопок.

— Это уже прелюдия?

— Весь этот день — прелюдия, — поясняет Влад.

— И что это значит?

— Что секса сегодня не будет. Мы тебя как следует разогреем.

— Это просто секс... — проговариваю я, вспоминая его слова.

— Будем считать это экспериментом, — пожимает он плечом.

— Черт с тобой... — бормочу, скрестив на животе руки.

Тяну за край футболки и избавляюсь от нее, оставаясь голой до пояса под неторопливым вдумчивым взглядом, которым Градский награждает мою грудь.

Он чешет ладонью подбородок, как великий мыслитель, и поднимает глаза к моему лицу.

— Шорты тоже, — велит мне.

Мне становится жарко, даже несмотря на тихо работающий кондиционер.

Пальцы слушаются меня с трудом, когда расстегиваю пуговицу на джинсовых шортах и чиркаю молнией вниз, позволяя им свалиться к моим босым ногам. Вышагнув из них, отступаю назад, упираясь поясницей в столешницу.

— И это тоже... — кивает на мои белые кружевные стринги.

Стягиваю их, оставляя на полу рядом с шортами. Не моргая слезу за тем, как мужчина, для которого я устроила этот стриптиз, отталкивается от стены и медленно идет ко мне.

В моем животе маленький бунт. В горле мгновенно пересыхает, а дыхание становится глубже. Мне нравится все, что со мной происходит сейчас.

Подойдя, Влад упирается руками в стойку по обе стороны от меня и наклоняется так, чтобы наши лица были на одном уровне.

— Красивая... — опускает глаза вниз, на мое тело.

От желания почувствовать на себе его руки я почти вибрирую.

— Твоя прелюдия включает... прикосновения? — выдавливаю я.

Между моих ног уже влажно, пульсирует и тянет.

Откидываю назад голову, когда Влад протягивает руку и распускает узел, в который собраны мои волосы.

— Такие?

— Нет, не такие...

Я полностью голая, а он полностью одет.

Обхватив ладонями мою талию, Влад толкает меня вверх, заставляя усесться на разделочный остров. Его лицо оказывается на уровне моей груди, бедра между моих ног. Горячие ладони прожигают кожу, взгляд снова опускается вниз, туда, где между ног меня трет ткань его шорт, а под ними я чувствую то, отчего на ногах поджимаются пальцы.

Я хочу, чтобы он трогал меня *там*. До напряжения мышц и тянущих спазмов.

Вместо этого он перемещает руки и обхватывает пальцами мою лодыжку. Они смыкаются вокруг нее полностью, снова обжигая кожу.

Сглатываю, когда он кладет мою ногу себе на плечо. Не переставая смотреть в глаза, целует внутреннюю сторону бедра. Рукой надавив мне на грудь, заставляет лечь на спину.

Затаив дыхание, пялюсь в потолок круглыми глазами.

Столешница под моими лопатками холодная, под потолком белая люстра с одинаковыми плафонами, и кажется, теперь я никогда не смогу спокойно смотреть на люстры.

Градский не двигается. Я знаю, куда он смотрит, его дыхание ускоряется, когда мое, наоборот, замирает совсем.

От смущения у меня краснеют даже колени.

Люстра расплывается перед глазами, и из меня вырывается стон, когда горячее дыхание касается меня между ног.

— Боже... — выдыхаю рвано и зажмуриваюсь.

Цунами ощущений накатывает волна за волной. Это щекотно. Горячо. Дико сексуально. От предвкушения мое тело деревенеет.

— Ты же знаешь, что такое оргазм, да? — хриплый вопрос у меня между ног.

— Что такое оргазм с тобой... я еще не знаю...

— Тогда давай сделаем что-нибудь взрослое... — бормочет Градский.

Его ласки такие же неджентльменские, как и поцелуи.

— Вла-а-ад! — взвизгиваю в потолок и впиваюсь пальцами в волосы на его голове, пытаюсь ее оттащить.

Мои бедра мелко подрагивают. Упираюсь ступней в его плечо. Я умираю от желания, но маршрут его языка вгоняет меня то в стыд, то в мурашки! Он проводит им почти до самого конца. Почти до того места, которое спрятано между моих ягодич!

— Градский...

Я дергаюсь, отползая от него него, спасаясь как беглянка.

Он вскидывает голову, и я вижу его лицо между своих бедер. Все эротические фантазии, которые имели место в моем воображении до этого, действительно были наивными и детскими.

Его губы блестят.

И все, что мы делаем, пошло и грязно. По-взрослому, черт возьми. И так по-настоящему.

Дернув меня назад, просовывает руку под мою ягодицу и требует:

— Приподнимись.

Его рот прижимается ко мне максимально плотно, но он гладит меня только кончиком языка, заставляя закатить глаза и снова упасть на столешницу. Одной рукой я ее царапаю в поисках опоры, а другой сильнее стискиваю волосы Градского, бесстыдно насаживаясь на его лицо.

— Влад... — прошу. — Еще... еще-еще...

Жмурясь и выталкивая из себя стоны, пытаюсь поймать оргазм. Все стеснение улетучивается, остаюсь только я и бесстыжий рот у меня между ног. Мое тело покрывается испариной. Звуки, которые мы создаем, — настоящее порно. Но мне уже плевать...

Я мелко дрожу, ощущая как жар внизу живота становится сладкой судорогой, которая захватывает мое тело и выкручивает его дугой.

— Влад... я...

— Кончаешь... — рычит, ударяя по моему клитору языком.

Упираюсь пяткой ему в грудь, чтобы он оставил в покое мои оголенные нервы. Я не выдерживаю и громко всхлипываю, выгибаясь дугой и принимаясь содрогаться всем телом. Я такая влажная, что это уже неприлично.

Градский реагирует мгновенно: резко выпрямляется и не дает мне сомкнуть бедра. Вклинивает между них ладонь, проникая в меня пальцами, и я чувствую, как сжимаю их с новыми стонами.

Широко распахнув глаза, вливаюсь ими в искаженное возбуждением лицо Градского.

Он дергает вниз шорты и боксеры, выпуская наружу твердый напряженный член, вид которого новым спазмом ударяет по животу.

Обхватив его кулаком, Влад хрипло стонет и запрокидывает голову, выставив вперед острый кадык.

На мой живот падают крупные капли его семени.

Прежде чем успеваю прийти в себя, Градский смачивает два пальца в собственной сперме и толкает их в мой приоткрытый рот. Это безумие. Смыкаю губы и прикрываю глаза, вместе со слюной всасывая в себя терпкую сладко-соленую жидкость.

— Пиздец, ты вкусная, Моцарт... — резюмирует он, тяжело дыша.

— Ты... — выдыхаю, — тоже.

Вводя в шок еще раз, он обхватывает ладонью мой затылок и склоняется надо мной с явным намерением поцеловать. Упираюсь рукой ему в грудь, барахтаясь в словах:

— Подожди... я же... я...

Пытаюсь напомнить, что у меня во рту только что побывала его сперма. Если он это сделает, попробует сам себя!

Не давая договорить, накрывает своим ртом мой и беспрепятственно проталкивает в него язык, награждая меня глубоким поцелуем, таким же влажным, как и вся наша прелюдия.

Глава 25

Вода утекает в слив душевой кабины, образуя воронку между моих стоп. Я просто пялюсь на этот мини-водоворот, опустив вниз лицо, и пытаюсь устоять на нетвердых ногах. Они ватные. Вода кажется слишком горячей, даже несмотря на то, что я установила «летнюю» температуру.

Я слышу, как за стеклянной «шторой» кабинки открывается дверь в ванную.

По ногам пробегает легкий сквозняк. За мутным стеклом движение и шарканье босых ног по плиточному полу.

Это длится полминуты.

Смотрю в любимые серые глаза без единого коричневого вкрапления, когда Влад открывает душевую дверь. На его скулах красные пятна, как и на моих. Волосы всклокочены, а мои лежат на плечах как попало. Мокрые от пара и воды.

Он смотрит в мое лицо, стоя на пороге душа совершенно голый.

Пять минут назад он вышиб из меня душу и сейчас смотрит на меня так, будто хочет вынуть ее снова, только на этот раз не применяя рук: кружит глазами по моему лицу, будто убеждаясь в том, что я не собираюсь сбежать, позорно поджав хвост, как маленькая глупая дурочка.

Я прикрываю глаза, когда его тело протискивается внутрь и руки берут меня в плен, ладонями упираясь в стену возле моих плеч. Его голая грудь касается их сзади. Перед глазами кружит картинка секундной давности: длинные ноги, узкие бедра, широкая мужская грудь с отточенными в спортзале мышцами, плоский живот и окруженный короткими темными волосками пах — картинка, к которой мне не удалось привыкнуть вот так, с разбега, даже несмотря на то, что Влад не возбужден.

— Я заказал еду. У них свой ресторан. Доставят минут через тридцать...

Его голос низкий и хриплый, как после сна, и он раздаётся прямо над моим ухом. Дико интимно. Как и все, что происходит с нами в данную минуту.

Откидываю голову и кладу ее ему на грудь.

Влад прижимается ртом к моей шее, рукой обнимает под грудью. Крепко. Так, что наши тела влипают друг в друга, и в мои ягодицы вжимается то, что у него ниже талии, вызывая кульбит в животе и щекоча кожу на моей попе мягкими волосками.

— Ты потеряла дар речи? — бормочет Градский. — Мне некомфортно, когда ты молчишь. На тебя это непохоже.

— Я хочу тебя потрогать... — произношу. — И попробовать...

— М-м-м... — Он с шумом втягивает в себя воздух, не отрывая носа от моей шеи. — Ты меня уже попробовала.

Щеки слегка печет от воспоминаний, и, наравне с моими «вкусowymi» открытиями, меня внезапно колбасит от фантомных ощущений его пальцев в моём рту.

Мне это понравилось.

Боже... понравилось!

Поймав его запястье, отрываю от стены тяжелую, увитую венами ладонь с длинными загорелыми пальцами и тяну ее к своему лицу. Влад не сопротивляется, но дергается, когда, прижав его ладонь к своему подбородку, оборачиваю губы вокруг большого пальца и втягиваю его в рот, поглаживая языком.

— Твою мать... — выдыхает он с шипением, сдавив меня под грудью так, что я пропускаю один вдох.

Горячий толчок между моих ягодиц заставляет вздрогнуть меня саму и отзывается спазмом между сведенных бедер. Я чувствую прилив влаги внизу. Колени подгибаются.

Градский сжимает ладонью мой подбородок, надавив пальцем на нижнюю губу так, что мне приходится разомкнуть губы, пока он чертит пальцем круг у меня во рту и шумно дышит в мою шею, стискивая меня второй рукой.

Я чувствую, как он становится твердым. Возбужденным мужчиной за моей спиной, мужчиной в два раза больше меня и сильнее раз в десять. Это будоражит. С ума сводит!

— Я хочу по-настоящему... — стону, выгибаясь.

— Что ты хочешь? — его хрип обжигает мое ухо. — Скажи. Словами. Хочешь пососать мой член?

Это отсутствие цензуры позорно возбуждает. Я нырнула в эту игру с головой. Меня ничего не пугает и не смущает. Ничего...

— Да-а-а... Хочу. Твой. Член.

Градский глухо стонет, прижимаясь ртом к моему плечу. Ведет губами по изгибу шеи, царапает ее зубами, дарит поцелуй за ухом и резко разворачивает меня к себе лицом.

Вода стекает крупными каплями по нашим телам.

Смотрю на него затуманенными глазами, теряя связь с внешним миром. Со всем внешним миром. Пусть он катится... к черту...

Две недели... я возьму от них все.

Согнувшись, Влад стискивает руками мою талию. Мокрая темноволосая голова ныряет вниз, и в следующую секунду мой сосок оказывается у него во рту. От этого контакта нервные окончания, вокруг которых танцует его язык, взрываются фейерверками. Фейерверки пляшут перед глазами. Я выкрикиваю имя Градского и стону, сгребая пальцами его волосы.

— Вниз... — велит он, искупав в горячем плену мой второй сосок.

Я опускаюсь на колени, и от вида его члена, большого и твердого, трясет еще сильнее. Он прямо перед мной, с крупной налитой кровью головкой.

Я пульсирую. Пульсирую между ног. И хочу к нему прикоснуться.

Градский упирается руками в стену и смотрит на меня сверху вниз, чуть приоткрыв губы и игнорируя катящиеся по лицу теплые капли воды.

— Открой рот. — Сжимает член у основания, проходясь по нему кулаком вверх-вниз.

Во рту собирается слюна.

Я знаю, что такое минет, я не вчера родилась, но то, что он даже на секунду не собирается отводить глаза, действует на меня особенно остро!

Я хочу... хочу его... по-настоящему... и я...

— Я не умею.

— Это не сложнее Шопена. Возьми... — Он убирает руку, и я заменяю ее своей.

— Так? — Сжимаю в кулаке твердый как камень член.

Градский издает вымученный смешок, пока двигаю кулаком и наблюдаю за процессом распахнутыми глазами. Это невозможно

описать. Это можно только почувствовать. Каменную твердость под гладкой, ужасно нежной кожей...

Его рука ложится поверх моей.

— Сильнее.

Он заставляет крепче сжать пальцы, задавая моему кулаку темп. Когда убирает руку, я, высунув язык, осторожно касаюсь горячей плоти.

Я не думаю о том, что что-то делаю не так. Что мой минет отстой. Я просто пробую его. Изучаю. Трогаю член Влада и ласкаю его языком.

— Так? — вскидываю на него глаза.

— М-м-м... блять... — запрокинув голову, он стонет в потолок.

Осмелев, погружаю головку в рот. Обхватываю губами и втягиваю в себя. Обвожу языком. Посасываю как леденец. Немного неуклюже и неумело, но я стараюсь.

Влад дышит часто и будто каменеет еще сильнее.

Ерзаю на пятках.

Влад сгребает ладонью волосы у основания моей шеи, и, несмотря на то что эта хватка грубая, он не толкается мне в горло, а позволяет самой руководить процессом. Он увлекательный настолько, что становится неожиданностью, когда Влад вдруг тянет меня за волосы спустя минуту. Дергает, заставляя отстраниться, но я не слушаюсь, понимая, что происходит.

Его бедра подаются вперед, мышцы живота мелко подрагивают, член пульсирует.

— Арина... — шипит Градский, кончая мне в рот. — Сплюнь... — стонет, прижавшись лбом к сгибу своего локтя, которым уперся в стену, пока по его телу гуляют судороги.

Задержав воздух, я делаю глотательное движение, а когда Влад, тяжело дыша, смотрит на меня сверху вниз, глуповато улыбаюсь и высовываю язык.

— Бля-я-я-ть... — стонет он, снова упираясь лбом в свою руку.

Его грудь поднимается и опадает пару раз, а потом он дергает меня вверх и, навалившись всем телом, подхватывает мое колено и отводит в сторону. Его ладонь со шлепком ложится мне между ног и безошибочно находит ту точку, от трения которой меня прошибает током. Я низко скулю, закатив глаза и кусая его плечо.

Мой сосок снова у него во рту. Он переакатывает его языком, доводя меня до криков пальцами.

Глава 26

Мои конечности налились свинцом до самых кончиков пальцев, веки тоже тяжелые. Солнце ласкает кожу. Рассеивается по голой спине, до приятных мурашек согревая каждую клетку вдоль позвоночника.

Улыбаюсь, сбросив с шезлонга руку.

С трудом открываю глаза и поворачиваю голову, когда слышу шаги и шелест бумажных пакетов где-то поблизости.

Градский спускается с крыльца ко мне, на задний двор коттеджа. Босой и одетый в одни шорты. Он выглядит задумчивым, в отличие от меня, потому что сегодня я по-прежнему ни о чем не думаю. Между его прямых бровей вертикальная складка. В одной руке он держит два огромных ресторанных пакета, а во второй белый косметический тюбик, инструкцию к которому изучает на ходу.

— Возьми. — Кладет тюбик рядом с моей головой. — Срок годности еще не вышел. Намажься, иначе сгоришь.

Не двигаюсь, лениво болтая в воздухе босыми стопами.

Влад усаживается на соседний шезлонг и принимается вскрывать пакеты, поставив их на землю между ног.

— Карбонара или лазанья? — Выкладывает рядом с собой ароматные коробки.

Поправив белую бейсболку, переворачиваюсь на спину и забрасываю за голову руки, топлес растягиваясь на лежаке. На мне только плавки от купальника, но данный загородный комплекс гарантирует приватность — это написано в туристическом буклете, который я нашла в доме.

— Я наполовину саксонка, — напоминаю. — Я не люблю макароны.

— А что любят саксы?

— Капусту... — хихикаю я.

Влад лениво улыбается, бросая взгляд на мою грудь поверх солнечных очков, и под этим взглядом мои соски твердеют. Моя стыдливость испарилась еще час назад. Ее смыло в канализацию вместе со вторым оргазмом. Моя распущенность и для меня открытие,

включая реакции моего тела на Градского, и я принимаю их без цензуры. У меня... отличный учитель.

— Я взял два стейка с учетом того, что на вторую половину ты русская, — сообщает он.

Снова смеюсь, наслаждаясь тем, как улыбка преобразует его лицо.

Мне так хорошо в это мгновение, что я боюсь дышать. На грудь давит тяжелый сапог непрошенных мыслей, но я гоню их прочь и смотрю в небо, пока улыбка не застывает, больно растягивая уголки губ.

Мы рядом. Полуголые. Болтаем глупости. Собираемся пообедать и провести вместе остаток дня и ночь. Это волнующе и похоже на сон... Не хочу просыпаться.

Выпрямившись, тяну руки к солнцу и убираю в сторону тюбик.

— Хочу искупаться. Тут ведь неопасно?

Повернув голову, Влад смотрит на водную гладь. Там полный штиль. Берег усыпан мелкой галькой, явно неродной здесь, не имею представления, откуда ее привезли, место для купания ограничено красными конусами буев. По бокам от нашего домика густой зеленый забор из кустарника. Мы будто одни во всем комплексе на много километров вокруг.

— Думаю, безопаснее только в надувном бассейне.

— Я боюсь змей. Некоторые из них умеют плавать. Ты знаешь историю о том, как в детстве мы с Андреем увидели ужа в воде?

— Наверное, это что-то душераздирающее, — улыбается Влад. — Может, расскажешь на ночь?

Смеюсь, бросая в него пресловутый тюбик. Градский ловит его в миллиметре от голой груди и кладет рядом с собой на лежак.

— В среднем в Москве семьдесят два солнечных дня в году, немного ультрафиолета мне не навредит.

— У тебя слишком бледная и нежная кожа, ты сгоришь. — Трет он лицо и упирает в колени локти.

— Ты обо мне заботишься. — Встаю с шезлонга и останавливаюсь напротив Влада. — Я тоже хочу о тебе позаботиться...

Он смотрит на меня снизу вверх, вопросительно выгнув брови.

Наклонившись, беру крем и выдавливаю себе на ладони с горкой, а затем прикладываю их к колючим щекам Градского. Он не успевает

увернуться, немного крема достается и его носу.

— ...вот так.

Мотнув головой, Влад пытается поймать меня за руку и дернуть на себя.

Со смехом несусь к воде, но и двух шагов сделать не успеваю, как в мою спину врезается большое каменное тело. Руки стальными прутами обхватывают под грудью так, что мои ноги отрываются от земли.

— Пиздец тебе.

Его щека задевает плечо, оставляя на нем белые разводы. Он делает это специально. Задевает своей щекой мою щеку, пачкая меня кремом и волоча к воде.

— Влад! — Мой визг эхом разлетается по берегу.

Я поджимаю ноги, но это не спасает.

Вода оказывается раз в пять холоднее, чем я думала, когда он бросает меня в нее. Безжалостно, как настоящая свинья. Я скрываюсь под холодной толщей с головой, а когда выскакиваю на поверхность, Градский сам ныряет в воду, обдав меня брызгами.

После бесконечных попыток его утопить, я выбираюсь на берег совершенно обессиленная. Падаю на не совсем настоящую гальку, раскинув в стороны руки, но он нависает надо мной через секунду и дергает за лодыжку, снова затаскивая в воду.

Беспощадный.

Сильный и быстрый настолько, что я даже не пытаюсь бороться! Сил хватает только на то, чтобы обнять ногами его талию под водой и уронить лоб ему на плечо, повиснув у него на шее.

— Так нечестно! — возмущаюсь, выплевывая волосы и тяжело дыша. — Тебя не победить.

Подавшись вперед, кусаю его подбородок.

— Не плачь, Моцарт. — Его глаза смеются. — У меня разряд по плаванию.

На его носу все еще белеет след от крема. На щеке тоже. Вода вокруг нас расходится кругами, и она уже не кажется холодной.

— Есть что-нибудь, чего у тебя нет? — щурюсь, глядя в его лицо.

Руки Влада сцепляются в замок под моей попой. Неподвижно стоя в воде, он ухмыляется и говорит:

— Черного пояса по карате — нет.

— Как же это? — фыркаю я. — Ты прогуливал занятия?

По его лицу пробегает тень.

Почти секундная, но я вижу ее, как в замедленной съемке. Вижу отсвет в серых глазах. И как опускаются уголки его губ, и как улыбка становится механической.

Я тут же жалею о своих словах. Они просто вылетели изо рта и казались безобидными.

Дура.

Горло опять сжимается от понимания, что потеря брата наложила сильный отпечаток на все его детство. На всю его жизнь.

Наши лица так близко, что я могу пересчитать каждую его ресничку. Я вижу небольшой шрам под его правой бровью и глажу его пальцем, пытаюсь разогнать морщинки в уголках глаз.

Влад напрягается.

Кружу взглядом по его лицу и выдыхаю тихо:

— Ты такой красивый.

— Ты первая говоришь мне об этом.

— Просто я тебя люблю...

— Арина... — предупреждающе качает головой Влад. — Не надо.

— Мне не стыдно. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! — кричу так, что мой голос, не находя препятствий, разлетается на несколько десятков метров вокруг.

— Дурочка...

— Недостаточно громко?

Вдыхаю грудью побольше воздуха, но Градский тянется вперед и затыкает мне рот грубоватым поцелуем, ладонью надавив на затылок, и утягивает нас под воду.

После этого мне нужна минута, чтобы отдышаться, а десять минут спустя я набрасываюсь на еду. Жадно и неаккуратно, как будто не ела неделю. Еще никогда я не принимала пищу, будучи почти голой. Влада это не смущает, он и сам почти голый. Мокрые шорты облепили его бедра второй кожей. Он выглядит голодным, потому что ест с не меньшим аппетитом, чем я. Макает мясо в соус и облизывает пальцы, как варвар в походе.

Мы молчим, делая вид, что это из-за еды.

Мне звонит мама и интересуется тем, как я себя чувствую. Снова приходится врать. Но, сидя на веранде где-то вдалеке от суетной Москвы, делать это очень даже легко...

Может быть, это два оргазма и тепловой удар, но на сытый желудок меня смаривает сон. Засыпая на подвесных садовых качелях в тени козырька, я слышу телефонный звонок и голос Градского где-то в доме.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он резко.

Моя голова слишком тяжелая, чтобы пытаться вслушиваться в этот разговор дальше. Засыпаю, прикрытая мягким махровым халатом.

Через пару часов я просыпаюсь на кровати. Рядом со мной размеренно дышит Влад. Его ладонь покоится на моем бедре, а голова на моей подушке. Внутренне замирая от удовольствия, обнимаю его рукой свою талию и засыпаю опять, как ленивая кошка.

Глава 27

— Две недели? — Крис мешает ложкой чай, и на ее лбу появляются морщины.

Я уже жалею о том, что вывалила на нее всю правду, но скрывать было бесполезно. Мой нос красный от ядовитого ультрафиолета. На груди под платьем следы от купальника, а на лице, кажется, все написано. То, что я где угодно, только не здесь. Не за столиком летнего кафе в центре города, пытаюсь не вылететь из своей кожи и мысленно переломать крылья за спиной, чтобы они не тащили меня вверх. Сверху ведь больнее падать.

Не хочу об этом думать. Не буду!

— Уже... минус два дня... — констатирую без эмоций.

Подруга трет виски и отчитывает меня, как ребенка:

— Зачем ты на такое согласилась? Он же и правда уедет. Ты же понимаешь?

— Мне все равно...

Отвернувшись, смотрю на запруженный народом бульвар. Солнце садится, жара спала и люди высыпали на улицу, как семечки.

— Ты больная, — шикает Крис.

Злюсь. Слезы подкатывают к глазам. Я уже ничего вокруг не понимаю. Все становится на свои места, только когда Влад рядом, а мы уже сутки не виделись. Тепло, скопившееся под кожей, постепенно рассасывается, и мне нужна еще одна доза. Но у него дела. У него есть работа и обязательства перед разными людьми, которые требуют его внимания, ведь он финансовый консультант и его обязанность... консультировать...

— Тебе не понять, — говорю в сердцах. — Ты вообще никогда ни в кого не влюблялась!

Кристина поджимает губы и сама от меня отворачивается. Дергает за выбившуюся из высокого хвоста прядь волос и заправляет ее за ухо, демонстративно оставляя мои слова без ответа.

Я должна извиниться, но не выходит. Я злюсь, потому что меня выводит из себя чья-нибудь здравомысленная рассудительность. Хладнокровная и правильная. Логичная.

Я не могу поделиться творящимся в душе винегретом ни с кем. Даже с подругой. Я не хочу думать, но в душе кошмарный раздрай, и он не дает мне быть просто счастливой сейчас, когда мы с Владом не виделись эти чертовы сутки.

— У вас был секс? — Крис снова смотрит на меня.

— Пока нет... — пожимаю я плечом.

— Вы провели ночь вместе и не занимались сексом? — спрашивает скептически.

— Мы много чем занимались... — бормочу.

Мой подбородок подрагивает.

Втягиваю в себя воздух, пряча от нее глаза.

— Господи... — вздыхает она. — Все еще хуже, чем я думала...

— Что это значит?! Ты меня осуждаешь?

— Я переживаю, вот что! Что с тобой будет, когда это закончится? Градский просто козёл. Ты ведь себя с асфальта отскребать будешь! Он у тебя, как болезнь!

Ее слова ранят и ворошат рой сомнений в душе, но я не хочу их анализировать. Только не сейчас. В том деревянном крошечном доме в лесу я была счастливее любого человека на свете.

— Я пойду... — встаю, забирая с пола соломенную сумку. — Мне уже нужно выезжать.

Кристина хмурится, вновь поджимая губы. В пальцах у нее тлеет сигарета, но кажется она уже успела о ней забыть.

— Арина...

Не хочу ничего слышать.

— Пока... — убегаю из кафешки, задев по дороге пару стульев.

Кружу по набережной, глядя на воду и репетируя приветливую улыбку, которую должна приклеить к лицу на весь остаток дня.

Сегодня на даче семейный ужин, посвященный Андрею. У его фирмы появился партнер. Это Рязанцев с капиталовложениями своей семьи. Мой брат расширяется. Я ничего не понимаю в бизнесе, но он бы не собирал нас с такой помпой, если бы это было что-то незначительное.

Я вызываю такси, родители еще вчера уехали за город вместе с Беней, Андрей отправился туда утром, а я просто болталась по дому без дела, не торопясь к ним присоединиться. И собирала вещи,

которые отвезла на собственную квартиру. Мне пора съезжать от родителей. Давно пора.

Когда такси подъезжает к дому, я вижу машину Егора рядом с машиной Андрея. Этот ужин еще не начался, но он уже кажется мне бесконечным, поэтому переставляю ноги с трудом.

Я стараюсь не надоедать Градскому. Вести себя по-взрослому. Не звоню и не пишу. Но мое терпение и «взрослость» уже трещат по швам. Я ужасно соскучилась.

На кухне мама выкладывает на тарелку канапе в компании миниатюрной брюнетки примерно моего возраста. У нее смутно знакомое лицо, и оно очень милое. В отличие от меня она одета очень неформально — в майку и короткие белые шорты, но я не могла безмозгло светить своим загаром, поэтому надела летнее платье с закрытыми плечами и юбкой до колена.

— Арина, — мама вручает мне салатницу, как только захожу в дверь. — Отнеси это на веранду. Это Лена, сестра Егора, вы знакомы?

В болоте моих мыслей так тесно, что строить какие-то знакомства прямо сейчас нет никакого желания, но я улыбаюсь и говорю:

— Привет...

Ее глаза горят. Она рассматривает меня так, что становится неловко.

— Привет! Будем дружить?

— Конечно... — кладу на стол сумку.

— Где ты так загорела? — удивляется мама, озадаченно рассматривая мое лицо.

— Сама не знаю... — разворачиваюсь, убираясь подальше от неудобных вопросов.

Переступив через Беню, быстро выхожу на веранду, где за столом сидят мой отец, брат и его новый деловой партнер. Рязанцев смотрит на меня с привычным прищуром. Осматривает с ног до головы и обратно.

— Привет... —двигаю стоящую в центре стола бутылку коньяка, освобождая место для салатницы.

— Привет...

— Ты че, из солярия? — интересуется Андрей.

Быть центром внимания сегодня мне до тошноты не хочется. Впервые в жизни я ощущаю себя дико одинокой в доме, заполненном самыми близкими родственниками.

— Да... — бросаю ничего не значащий ответ. — Дать телефончик?

— Вино будешь? — спрашивает он. — Сгоняю в погреб.

— Угу...

— Ты не заболела? — отец выпускает в потолок колечко дыма от своей сигары.

В руках Рязанцева такая же, но он просто вертит ее в руках и нюхает, поднеся к носу. На нем свободная футболка синего цвета и рваные джинсовые шорты. Сегодня он находится на приличном от меня расстоянии, и я внутренне этому радуюсь. Не хочу, чтобы кто-то кроме Влада меня касался.

— Нет... — сажусь на стул и растягиваю губы в подобии улыбки. — Я обгорела.

Стол накрыт на шесть персон. Мамино серебро поблескивает на салфетках. Бенья тычется носом в мою ногу под столом, и я скармливаю ему кусок хлебной лепешки, пока мужчины обсуждают загородную недвижимость и курсы валют.

Поглядываю на свой мобильник, но без сообщения от Градского он превратился в бесполезный кирпич.

— Я слышала, ты учишься в консерватории, — пытается втянуть меня в разговор Лена Рязанцева. — Так интересно. Ты первая из моих знакомых такая.

Ее глаза то и дело уплывают к лицу Андрея, пока он молча ест, задумчиво глядя то в свою тарелку, то на свой телефон.

— Такая? — спрашиваю рассеянно.

— Дипломированный музыкант, — поясняет она.

— У меня еще нет диплома...

— Но ведь будет!

— Надеюсь...

Она переключается на маму, отвешивая комплименты ее кулинарным талантам, а я вожу пальцем по естественному узору на деревянной поверхности стола.

— Папа сейчас в Непале. Собирается подняться на Эверест...

— Как интересно... — философски отзывается *мой* отец. — А марафоны он не бегаёт?

— О, боже, и вы туда же? — смеется Лена, перекидывая волосы с одного плеча на другое.

Мне вдруг кажется, что за столом ее очень много, а еще мне кажется, что она вот-вот обглодает моего брата глазами. Это сестринская ревность? Я вспоминаю о том, что у Андрея есть девушка, хотя уже в этом не уверена. Я не видела Стасю кучу времени. И ничего не слышала о ней тоже.

Мне невыносимо хочется вырваться из-за стола, но я жую салатный лист, ловя на себе молчаливый взгляд Егора.

Вопросительно приподнимаю брови.

Он усмехается, в ответ салютует мне запотевшим бокалом белого вина.

На двор опускаются сумерки, и папа зажигает потолочные лампочки, которые должны сделать этот размеренный ужин еще более уютным. Я его таким не считаю. Мне не хватает одной детали, самой важной детали.

Мы все оборачиваемся на шум из глубины дома. Там хлопает входная дверь, по кухонному кафельному полу стучат шаги. Бенья приподнимает сонную морду, лежа у моих ног.

— Мы кого-то ждем? — мама суетливо поднимается со стула.

Мое сердце разгоняется за полсекунды, еще до того, как глаза видят Градского, одетого в синие джинсы и серую футболку, на пороге нашей веранды. Он высокий, бодрый и настоящий, и из моей головы вылетают все мысли до единой.

— Всем добрый вечер, — объявляет Влад с серьезным лицом.

Глава 28

Упираюсь глазами в стол, боясь того, что пляшущие в них эмоции может увидеть любой. Любой сидящий за столом, даже не прилагая для этого усилий. Даже сестра Егора, хоть она и не знает меня ни черта, может увидеть, как от радости у меня под платьем от ребер отскакивает сердце и как щеки заливает краска, которую у меня не получается контролировать, особенно когда Градский усаживается на соседний от меня стул и принимает небрежную позу, разведя под столом колени и скрестив в лодыжках ноги.

Его загорелое предплечье ложится на подлокотник стула в сантиметре от моей руки, и делать вид, будто я понятия не имею о том, как наш вновь прибывший гость выглядит голым, мне становится еще сложнее.

— Нужны еще приборы... — Мама выскользывает из-за стола и, проходя мимо Градского, приветственно хлопает его ладонью по плечу.

Считаю зернышки граната в салате у себя на тарелке, дожидаясь, пока моя паническая атака закончится.

— Думал, ты не приедешь, — голос моего брата проплывает над столом.

— Я ненадолго...

— У нас коньяк тридцатипятилетний...

— Мне еще нужно в город вернуться.

— Ясно. Это Лена.

— Рязанцева, — уточняет она.

Даже не глядя на нее, я внутренним зрением чувствую за этим словом ее улыбку.

— Очень приятно. Влад.

— Градский?

— Верно.

— Наслышана. Про ваши похождения в МГУ. Брат рассказывал.

— Это вообще-то были наши секреты, — хмыкает *мой* брат.

— А я никому не расскажу.

— Может, только мне, — предлагает папа. — По секрету. Я о своем сыне многого не знаю.

— Офигенный секрет, — отзывается тот.

Влад молчит все время, пока длится эта болтовня.

Вокруг него немного суетится мама. Выставляет тарелку, выкладывает приборы.

— Спасибо...

Волоски на моих руках встают дыбом.

Перед глазами проплывают воспоминания двухдневной давности. Язык Влада на моем теле. Мое удовольствие. Наши поцелуи. Его пальцы у меня во рту. Вкус его члена. Его оргазм.

Как хорошо, что никто из присутствующих не умеет читать мысли, иначе все до единого перестали бы считать меня высокоморальным дипломированным музыкантом!

Прокатившись глазами по столу, я осторожно отдираю их от него. Смотрю на отца и брата, не понимая толком смысла слов, которые они произносят, но им явно не до меня и моего «отсутствующего присутствия». Перевожу глаза на Лену Рязанцеву, а потом на Егора, и это похоже на то, чтобы вдруг врезаться в стену.

Он смотрит на меня в упор через стол. На его губах уже знакомая мне кривоватая улыбка, а взгляд цепкий, как крючок.

— Тебе подложить? — Зависнув рядом со мной с салатницей в руках, мама ждет ответа.

— Нет... — смотрю на нее, повернув голову и подняв глаза.

Мой взгляд падает на лицо Влада, и той секунды, на которую мои глаза касаются его серых глаз, мне хватает, чтобы понять: он просто возмутительно спокоен, и он предлагает мне сделать то же самое. Успокоиться и расслабиться.

Его ладонь опускается вниз и треплет Беню по голове.

— Привет, друг, — обращается Градский к нашей собаке.

Пес тянется к этой ласке, переползая от меня к своему «другу».

Наблюдаю за тем, как длинные мужские пальцы чешут за его коричневым ухом.

Пью вино, чувствуя, как просыпаются жажда и аппетит. Мне жарко. Кожа под платьем пылает.

Панику сменяет азарт. Эта игра затягивает меня с головой.

— Можно мне еще? — Опускаю на стол пустой бокал.

Андрей наливает мне вина, рассказывая о том, как поднимался на Эверест в прошлом году.

— На самый верх? — с фантастическим интересом спрашивает Лена.

— Нет, — он улыбается сам себе. — На самый верх ходят только фанатики. Я любитель.

— Я ему запретила, — подает голос мама. — Вот и все.

Над столом дружный смех.

Расслабляюсь, болтая под столом ногой.

Мне становится хорошо. Просто отлично. Это другая я. Та, которая ни о чем не думает.

Градский рассказывает о своем походе в горы Шотландии этим летом. Слушаю его голос и историю десятидневного скитания под дождем на другом конце земного шара. Чувствую тоску от того, как хотела бы оказаться там вместе с ним.

— Спать в палатках — это ужасно, — замечает Лена.

— Это проверка себя, — отвечает Влад. — Самый большой кайф наступает, когда маршрут закончен и ты «это сделал».

— Я никогда не была в походе, — подаю тихим голосом. — И не ходила в горы.

Колено Влада под столом задевает мое.

Тело в момент отзывается, словно по нему тонкой змейкой прополз электрический разряд.

Перевожу взгляд на Градского, стараясь не потонуть в сером океане его глаз у всех на виду. Сажусь ровнее, посылая ему миролюбивую улыбку. Он дергает уголком губ, оставаясь невозмутимым.

— Непорядок, — замечает.

— Я тебя в поход не поведу, ты там будешь обузой, — предупреждает Андрей с усмешкой.

— Что? — возмущаюсь, накалывая на вилку помидор.

Прищурившись, делаю вид, что целюсь в светловолосую голову брата.

— Попроси Влада, — делает вид, будто испугался.

— Легко, — отзывается тот. — Но рюкзак в шестьдесят литров будешь тащить сама.

— Шестьдесят? Мне туда что, пианино положить?

Запрокинув голову, Градский смеется.

Любуюсь секунду и прячу глаза за своим бокалом.

— Я пойду с вами, — встречает Лена. — Тоже проверю себя.

Хочется демонстративно закатить глаза на этот выпад, но мне вдруг становится слишком весело и легко. Рядом моя семья, собака и Влад. Все так, как я когда-то мечтала. За исключением колкого взгляда притихшего Рязанцева, который молча курит сигару с того момента, как за столом появился Градский.

Их отношения испортились? Может быть, я спрошу его об этом.

Мы болтаем еще не меньше часа. Время всегда бежит быстрее, если Влад рядом, поэтому напрягаюсь, когда он ставит на стол стакан с выпитым соком и объявляет:

— Мне пора. Кому-нибудь нужно в город?

Сердце в груди испуганно замирает.

Мои щеки снова вспыхивают, и от притока адреналина хочется ерзать на стуле, ведь до меня вдруг доходит, что он притащился сюда за мной!

Боже...

— Мне, — мой голос звучит звонко и тонко.

Мне не терпится убраться из семейного гнезда и остаться с Владом один на один. Я слишком соскучилась по его губам. А невозможность к нему прикоснуться, когда он сидит так близко, истрепала все нервы.

— Я думала, ты останешься на ночь, — удивляется мама, приподнимая брови.

Встав со стула, говорю:

— У меня утром маникюр. Я забыла, а теперь вспомнила. Только возьму вещи. Подождешь меня? — обращаюсь к Градскому.

— Я буду в машине, — говорит он, тоже поднимаясь из-за стола.

— Я провожу, — встречает Андрей.

Ухожу из столовой, пытаюсь испариться как можно скорее.

Войдя в дом, несусь в гостиную, где оставила свою сумку, потом забегаю в ванную. Меня разрывает на части от нетерпения, пока мою руки и прикладываю их к горящим щекам. Глаза блестят, как при лихорадке. Так выглядят самоубийцы?

Снаружи слышны голоса. Они стихают, когда дохожу до входной двери и выскальзываю на улицу, в прохладный летний вечер. Фонарь на крыльце освещает дорожку. Мои кеды стучат по кирпичной кладке,

пока иду к воротам, стараясь не бежать. Взвизгиваю еле слышно, когда сзади на меня наваливается большое сильное тело и под грудью смыкаются руки.

— С ума сошел? — выдыхаю, вцепившись в эти руки. — Где Андрей?

Оглядываюсь на дом, но все остались на другой стороне, на веранде. Мысль о том, что нас могут застукать, адреналином щекошет нервные окончания.

— Не шуми, — Влад прижимается губами к моему уху. — Он в доме.

Градский тащит меня на улицу, за гаражную стену, туда, где в сумерках стоит припаркованный «БМВ».

— Где ты был?

— Работал.

— Я соскучилась, — признаюсь в сердцах.

— Ты уже мокрая? — перебивает, игнорируя мое признание.

— Нет! Поработаешь над этим? — шикаю, чуть повернув голову.

— Ты врешь, как школота. — Он дышит рядом с моей шеей и царапает ее щетиной.

Ощущения, к которым я успела привыкнуть.

Его ладонь ползет вниз по моему животу и ныряет под платье.

После всего, чем мы занимались два дня назад, я не могу смущаться. Я могу только гореть, когда его пальцы оказываются между моих ног, отодвигая в сторону полоску стрингов.

— Ай-й-й... — мой стон тихим шелестом разлетается по безлюдной улице.

— Мокрая...

Выворачиваясь в его руках, чтобы видеть наглые глаза и строгие упрямые губы, на которые набрасываюсь с жаром.

— Для тебя... мокрая... — говорю между поцелуями. — Хочешь... меня?

Я уже поняла, что Влада возбуждают такие разговоры. И меня тоже.

Он целует меня в ответ, обхватив ладонью щеку. Пробует меня языком глубоко. И предлагает пососать его язык, как я совсем недавно делала с его членом. Во второй раз — голая, прямо на веранде маленького загородного дома.

— М-м-м... — стону тихо ему в рот.

Пальцы в кедах поджимаются, а между ног знакомо тянет.

От возбуждения меня потряхивает мелкая дрожь.

Жмусь ближе, наплевав на осторожность. Пальцами зарываясь в короткие волосы на затылке Влада.

— Я хочу заняться сексом... надоели твои эксперименты! — выдыхаю и опускаю ладонь на его пах.

Он мучил меня целые сутки. Пальцами. Языком. Я больше не могу терпеть... Я хочу большего.

Влад с шипением прикрывает глаза, позволяя мне сжимать свой возбужденный член через ткань джинсов. Я уже знаю, как ему нравится больше всего. Он научил меня, предлагая делать вещи, которые до этого я в жизни не пробовала с парнями.

— Уверена? — смотрит на меня сквозь опущенные ресницы.

Его губы приоткрыты. Дыхание частое.

— Да!

— Тогда поехали.

— Куда? — Обвожу языком влажные губы, собирая наш перемешанный после поцелуев вкус.

— Займемся твоим первым сексом. — Открыв пассажирскую дверь, толкает меня в салон.

Когда отъезжаем, мне кажется, что я вижу темный силуэт под крышей открытой стоянки, но, когда, пристегнувшись, смотрю туда опять, там никого нет.

Глава 29

Высунув руку из окна машины, ловлю пальцами теплый уличный воздух. Даже после заката он в Москве раскаленный. Последние дни в городе вообще невероятно душно, как перед грозой или апокалипсисом.

Я не интересовалась погодой. Зачем? Сейчас в моей жизни она не имеет значения.

— Я бы неделю провела голой и за городом... — говорю, глядя на дорогу, где мелькают ночные огни и фары других машин. — Такая жара...

— Закрой окно, включу кондей, — предлагает Влад.

Смотрю на него, точно зная, что он понял, куда я клоню, но проигнорировал. Мне больно думать, что тот день больше никогда не повторится, но ведь я сейчас не думаю. Зачем? Если ему хочется бежать от моих слов, пусть убегает.

— Мне и так хорошо, а тебе?

— Мне отлично, — бросает на меня взгляд и снова смотрит на дорогу.

Машина лавирует в потоке так, что нам ни разу не приходится сбросить скорость, а когда встаем на светофоре, Влад откидывает с моей ноги платье и кладет на его место свою ладонь.

Опустив глаза, наблюдаю за тем, как его пальцы скатываются на внутреннюю поверхность бедра.

Цвет его кожи контрастирует с моей.

По ней растекается тепло. Пробирается в каждую клетку. Прелюдия уже не кажется мне крутой штукой, тем более такая бесконечно долгая. Каждое прикосновение Градского отзывается тягучими спазмами внизу живота, между ног и во всем теле. Это никогда не надоест, ведь так?

Закрываю глаза, спрашивая:

— Так куда мы едем?

— Ко мне.

Это волнует.

Накрываю его ладонь своей, сравнивая длину наших пальцев.

Его пальцы выписывают нежные круги на моей коже, чередуя их с грубоватым сдавливанием, на что я чуть шире развожу колени. Когда дразнящего касания достаивается кромка моих трусиков, я стряхиваю ладонь Градского со своей ноги под его кривую усмешку.

— Долго еще? — спрашиваю, ерзя на месте.

— Не-а, — отзывается он.

Мы погружаемся в молчание, которому подпевает рев мотора, и этот рев созвучен музыке, которая пульсирует в моей крови. Рокот, от которого она бурлит! Его жилистое тело даже в одежде волнует мое. Через футболку я угадываю мышцы на его животе и плечах. Бугор его ширилки заставляет облизывать языком губы.

Квартира Градского где-то в районе одного из центральных шоссе, я знаю это от брата. Влад переехал туда пару лет назад. Я там никогда не была, как и в его предыдущей квартире. В ней он жил много лет до этого, еще со времен студенчества.

У дома своя подземная парковка, и на ней достаточно холодно, чтобы, выйдя из машины, я поежилась и обняла руками плечи.

Захлопнув водительскую дверь, Влад открывает заднюю пассажирскую и достает оттуда свою толстовку, которую вручает мне, обойдя капот.

— Пошли. — Ловит мое запястье, дождавшись, пока накину толстовку на спину и плечи.

Мы занимаем противоположные стороны лифта и, поднимаясь на двадцатый этаж, смотрим друг на друга, зеркально сложив на груди руки.

Градский скользит по моему телу глазами, откинув на стену голову.

— Перестань на меня так смотреть, — прошу тихо. — Или я в тебя чем-нибудь брошу.

Влад усмехается и трет ладонью подбородок. Подавшись вперед, крепко и глубоко целует меня, а когда двери лифта со звоном открываются на нужном нам этаже, снова хватает мое запястье и тянет за собой наружу.

Коридоры здесь огромные и пустые. Наши шаги эхом отскакивают от стен и потолка. Огромные часы в полстены показывают девять вечера.

В квартире я скидываю обувь и, когда в коридоре загорается свет, без приглашения прохожу дальше, оглядывая кричаще мужскую обстановку.

Сбросив с плеч толстовку, кладу ее на диван и осматриваю покрашенные в серый цвет стены. Мебель тоже серых тонов, но во всевозможных его оттенках. И ни одного яркого акцента, кроме картин на стенах. Разные абстракции в гостиной и уличное искусство в прихожей.

— Сколько здесь комнат? — спрашиваю, остановившись посреди просторной гостиной-студии.

— Четыре. — Влад выкладывает на кухонную барную стойку ключи и телефон.

Кружусь на месте, продолжая оглядывать безликую обстановку, словно здесь никто никогда не задерживался больше чем на ночь.

Градский открывает холодильник для вина и достает из него бутылку. Прохожу мимо, касаясь пальцами его спины, и останавливаюсь возле панорамного, во всю стену, окна.

— Красивый вид...

— На него отдельный ценник.

— Хорошее вложение.

— Надеюсь, иначе я херовый консультант.

— Думаю, что ты лучший.

Он хмыкает.

Наливает в бокал вина и выпивает его досуха, наблюдая за тем, как я перемещаюсь по его квартире. Когда возвращаюсь в центр комнаты, Влад плещет в бокал еще вина и, подхватив донышко пальцами, забирает бокал вместе с бутылкой. Ставит все это на столик у дивана и усаживается на него сам.

— Иди сюда. — Протягивает мне руку.

Просить меня дважды ни к чему.

Подойдя, становлюсь между его разведенных колен и беру запотевший бокал, который, судя по всему, у нас один на двоих. Глотаю холодное сухое вино, глядя на Градского сверху вниз.

Влад обводит языком губы и ждет, пока я допью. Когда ставлю бокал на место, его ладони забираются мне под платье и стискивают

ягодицы, заставляя сделать полшага вперед — именно такое расстояние нас разделяет.

— Хочешь, чтобы я тебя вылизал? — спрашивает низким голосом.

Мое белье мокрое с тех пор, как он вошел на веранду в доме моих родителей. Я устала от его игры в прелюдию. Мысль о его языке между моих ног — будоражащая, но я все равно рычу:

— Черт, нет!

Кладу руки ему на плечи, седлая бедра в синих джинсах так быстро, будто я боюсь, что он изобретет для меня еще какую-нибудь пытку.

Дернув за край его футболки, оголяю плоский рельефный живот и тяну ее вверх.

Градский расслабленно улыбается, поднимая вверх руки.

Злюсь.

Отшвырнув футболку, провожу ногтями по его загорелой груди и набрасываюсь на губы.

Влад в ту же секунду подается вперед, сгребая ладонями мои ягодицы, и давит на них, заставляя прижаться к себе так, чтобы его пах врезался мне между ног и надавил на самые чувствительные точки.

Мой стон тонет в нашем влажном поцелуе, который вдруг становится беспорядочным, но дико правильным, потому что мы ни разу не ударяемся зубами. Я знаю его губы. Он знает мои. Твердое давление между моих ног заставляет поджать на ногах пальцы и царапать плечи Градского, не задумываясь о том, что ему может быть больно.

Запустив ладонь под волосы, Влад тянет мою голову назад. Выгибаю шею, и ее тут же обжигает его рот. Влажно и горячо. Грязно. Заставляя выгнуться навстречу еще сильнее.

— Еще... Вла-а-ад... Еще...

Его тело под моим ощущается так, будто в нем напряжена каждая мышца. В его руках я чувствую себя пластилиновой, потому что он слишком сильный.

— Подними руки, — слышу громкий хрип.

Когда выполняю эту команду, Градский избавляет меня от платья, отшвыривая его в сторону.

На мне нет лифчика, и сосок тут же оказывается в мучительном плену его рта и языка.

Отдернув голову, Влад смотрит на мою грудь, будто хочет выжечь на сетчатке глаз образ моих затвердевших сосков. Снова опускает голову и бьет языком по второму соску, после чего всасывает его так, что по комнате разлетается мой вскрик.

Меня ведет. Выключает. Так бывает? Да-да-да! С ним бывает.

Приоткрываю губы, жадно их хватая воздух.

Беру его ладонь в свою и подношу ко рту, касаясь кончиком языка подушечки его указательного пальца.

— Все правильно, малышка... — произносит сипло, проталкивая палец между моих губ.

Прикрыв глаза, скольжу по нему языком и втягиваю в себя.

Градский хрипло стонет, второй рукой надавливая на мою поясницу, чтобы я продолжала на нем двигаться. Имитируя, будто он внутри и я раскачиваюсь на его члене.

Сплетаемся языками.

Под наше частое дыхание мои бедра трутся о грубую джинсу, за которой каменная твердость его члена, и, кажется, я готова кончить прямо сейчас... только от нашего трения сквозь одежду.

— Влад... — зову тихо, обнимая его голову руками.

Он поднимает на меня потемневшие глаза.

— Хочу тебя... сейчас, — выдыхаю.

— Трахнуть тебя, Моцарт?

— Т-трахни меня... — Тянусь к нему за очередным глубоким поцелуем.

Он дарит мне его, опуская ладонь на мою шею, и ведет пальцами ниже, до самого лобка. Надавливает на пульсирующий под кружевом стрингов клитор, выбивая из меня новый гортанный стон.

Перед глазами плывет, но я пытаюсь взять в фокус возбужденное лицо перед собой.

Его зрачки расширились, взгляд чувственный, как кипятки.

Градский впивается пальцами в мои ягодицы, задавая мне темп и направляя.

Мы продолжаем жадно и голодно целоваться, и я не замечаю, как мир вокруг переворачивается вместе со мной, когда Влад, сдавив ладонями мои плечи, валит меня на диван и упирается в него рукой, нависая надо мной. Вдруг замирает на секунду, глядя сверху вниз, и

шумно дышит, вдавливая мои бедра своими в мягкую поверхность под нами.

— Будет больно... — предупреждает, откидывая с моего лица растрепавшиеся волосы.

— Мне и так больно... уже два дня все ноет, — сипло напоминаю о том, что таскаю с собой свое возбуждение, как гирю на шее, уже черт знает сколько времени.

Опустив руку, он цепляет резинку моих стрингов, веля:

— Приподнимись...

Делаю, как просит, позволяя стащить с себя белье.

Его пальцы гладят мои складки, заставляя выгибаться и шире разводить ноги. Я чувствую, как один палец проталкивается внутрь, и хоть Влад делает это не впервые, я ощущаю легкий дискомфорт, но уже через секунду со стоном сжимаюсь вокруг него.

Градский громко дышит, толкая в меня еще один палец.

Я балансирую на какой-то гребаной мучительной черте...

— Еще... еще... — прошу, вжимаясь затылком в диванную подушку.

— Кончишь на мои пальцы? — сипло спрашивает, упираясь лбом в мой лоб и продолжая меня дразнить.

В ответ впиваюсь ногтями в его спину и выгибаюсь, пропуская через свое тело мощную судорогу удовольствия.

Влад отстраняется, давая моему телу пространство. Оно мне нужно! Я прижимаю к груди ноги и закрываю локтями лицо, продолжая мелко дрожать. Когда мои ватные ноги обессиленно падают обратно на диван, Градский подается вперед и проталкивает между моих губ те самые два пальца, которые довели меня до оргазма.

Облизываю их, заглядывая в его глаза.

Расстегивая второй рукой пуговицу и ширинку на своих джинсах, он произносит:

— Сладкая девочка...

Со стоном всасываю его пальцы еще глубже, наблюдая за тем, как вздымается его грудь, напрягается живот и как он достает из заднего кармана джинсов презерватив. Зажав его в зубах, Влад забирает у меня свою руку и достает из-за спины маленькую подушку. Покладывает ее под мои бедра, заставляя снова приподняться.

По моей груди стекает струйка пота. Под волосам тоже...

Разорвав пакетик, Влад приспускает джинсы и оттягивает вниз боксеры. Надевает защиту и ложится на меня сверху, удерживая вес на одной руке.

Прижимаю к животу ноги, с дрожью глядя, как второй рукой он направляет в меня свой член.

Тяжелая головка касается входа, и я замираю. Не от страха, сейчас я ничего не боюсь, а от предвкушения.

Влад толкает бедра вперед, проникая в меня.

Впиваюсь в его бицепс пальцами, оставляя на нем отметины.

Тело простреливает болью, за которой ничего больше не чувствую.

Уронив на грудь голову, Влад стонет и толкается опять.

— Ай... — вскрикиваю, сжимаясь. — Больно...

— Арина... — слышу свое имя, смешанное с глубоким мужским стоном. — Лучше не вертись...

— Больно...

Еще один толчок, и Градский падает на меня с зажмуренными глазами, а мой крик наверняка его оглушил.

— Я внутри... — Касается губами моей щеки и слизывает скатывающиеся слезы.

Я чувствую его внутри! Стараюсь не двигаться, как он и велел. Часто дышу, пока о мои ребра в бешеном ритме стучит его сердце.

Чувствую поцелуй на своих губах.

Нежный, тягучий, непохожий ни на один из тех, что у нас были. Отвлекающий от саднящей боли внутри и дарящий новые эмоции.

— Мы можем закончить прямо сейчас, — невнятно говорит Градский.

Отрицательно качаю головой, обнимая его бедра ногами и сжимая его талию. Боясь того, что он в любой момент может покинуть мое тело.

Он дает мне привыкнуть еще минуту и начинает медленно двигаться.

От каждого непривычного движения внутри себя, я вздрагиваю, хватаясь за его плечи, пока он не просовывает руку между нами и не касается скользкого от моего оргазма и возбуждения клитора.

— Боже...

Это дарит другие ощущения, более яркие, притупляющие боль. Но расслабиться до конца я не могу. От каждого аккуратного толчка саднит. Боль трансформируется во что-то терзающее, но не жесткое.

Градский выскальзывает из меня через несколько минут.

На презервативе следы крови, как восклицательные знаки, которые делают все происходящее реальным. Проигнорировав эти знаки, Влад срывает с себя презерватив и кончает с глухим стоном на мой живот. Запрокинув голову и прикрыв от удовольствия глаза.

Впитываю в себя эту картину, стараясь запомнить каждый момент.

— Ты мой первый... — шепчу тихо, аккуратно вытирая бегущие по лицу слезы.

И хочу, чтобы остался единственным

Глава 30

Кофемашина тихо тарахтит, наливая в чашку американо, запах которого медленно расползается по всей моей кухне.

Хочу включить кондиционер, открытые настежь балконные двери только усугубляют ситуацию, гоня в дом горячий воздух с улицы, но понятия не имею, куда сунула пульт. Я запросто могла положить его в холодильник. Я рассеянная, хоть и спала как убитая прошлой ночью.

Тру пальцами шею над ключицей, натягивая ворот белой рубашки на то место, где малиновым цветом светится большой засос. Может быть, это был укус, мне трудно сказать, ведь у моих мозгов летаргический сон. Наверное, это инстинкт самосохранения. Он спасает мои мозги от перегрева.

Между ног ноет и побаливает. Очень ненавязчиво, но этого достаточно, чтобы при каждом движении я получала напоминание о том, что внутри меня побывал мужчина. Достаточно, чтобы этот дискомфорт можно было не заметить и в стотысячный раз барахтаться в своих ощущениях, пытаюсь запомнить их. Но проблема в том, что я не хочу запоминать и вспоминать, я... хочу еще. Я хочу Градского. Стоя на своей кухне, я, мать вашу, хочу снова заняться с ним сексом!

Когда я проснулась в его постели сегодня утром, хозяина дома уже не было. Он скинул мне сообщением инструкции о том, как закрыть квартиру, предложив остаться в ней, если мне так угодно, а сам уехал по делам. Спать с ним в одной постели — проклятая зависимость. И ломка... не за горами...

— Можно мне капучино?

Обернувшись, смотрю на брата.

Он заходит на кухню и опускает на стол большую коробку, на которой написано «Небьющееся». По коридору за спиной Андрея снуют грузчики, заполняя его такими же коробками. Я не думала, что у меня так много вещей. Я ведь толком ничего и не паковала...

— Молока нет, — говорю, забирая чашку из кофемашины. — Американо. — Протягиваю её брату.

— Тогда добавь сахара.

— Сахара тоже нет.

— М-да... — резюмирует брат.

— Я еще не была в магазине, — оправдываюсь.

На самом деле, в продуктовых магазинах я нечастый гость. Мы оба об этом знаем. Кухня — это территория мамы. Я с детства смутно представляю, откуда берутся продукты и что с ними делать, чтобы получился обед или ужин.

— Надеюсь, ты не умрешь от голода в новой самостоятельной жизни. — Андрей подходит к балконной двери, по пути забрав у меня чашку.

— А кто кормит тебя? — складываю на груди руки. — Стася?

— Мы расстались. — Отпивает, глядя на город.

— Когда? — выгибаю брови.

— Недавно.

— Вы... долго были вместе... — откашливаюсь.

— Ну а теперь не вместе, — пожимает он плечом.

Я не рассчитывала сыграть марш Мендельсона на их свадьбе, но все это неожиданно, ведь мы общались... в отличие от других его девушек, с этой я была знакома. Наверное, я слишком плохо отпускаю людей, раз новость вызывает легкий дискомфорт в груди.

— Не морочься, — Андрей смотрит на меня, будто читая мысли. — Быть матерью Терезой утомительное кредо.

— А ей это нравилось. Быть самим собой не утомительно, — просвещаю его. — Утомительно всю жизнь строить из себя кого-то другого.

Это эхо циничных нравоучительных проповедей Влада заставляет прикусить изнутри щеку.

Андрей хмыкает и бормочет:

— Как скажешь, доктор Фрейд.

Он на секунду уходит в свои раздумья, а я мысленно сгребая в кулак собственное сердце, чтобы предупредить его скачку, и, откашлявшись, говорю:

— Лев Градский — это ведь отец Влада? Я видела в новостях, ему вручали... государственную награду...

Стараюсь не частить.

Отвернувшись, хватаю со стола еще одну чашку и демонстративно колдую над кофемашиной.

— Ага, — отзывается Андрей.

— А где... его мать?

— Чья?

— Влада. — Вжимаю палец в кнопку, выбирая еще один американо.

— Живет в Америке.

Облизнув губы, интересуюсь:

— Давно?

— Примерно пятнадцать лет.

Информация колючей занозой застрекает у меня в голове. Я чувствую, что теряю бдительность, но все равно спрашиваю:

— Они в разводе? Его родители...

— Угу. Примерно пятнадцать лет, — намекает он на то, что я задаю глупые вопросы, но для меня они логичнее некуда.

Пятнадцать лет...

Если знаешь печальную историю его семьи, эта цифра приобретает ужасный смысл.

Мое сердце не слушается, но я велю ему заткнуться, со всей дури сжимая тот самый воображаемый кулак, в котором его держу.

— Она... — Снова прочищаю горло, чувствуя, как его саднит. — Она его что, бросила?

Андрей молчит, и это заставляет меня обернуться.

Задумчиво глядя вдаль, он говорит:

— Да, наверное, можно и так сказать.

— Ты что, сфинкс? — дергаю я его. — Что за загадки?

Тряхнув головой, брат растягивает губы в улыбке и разъясняет:

— Она уехала и больше не возвращалась. Да, наверное, она его бросила.

— Почему? — вылетает из меня тихий вопрос.

— Долгая история. — Он ставит чашку на стол и смотрит на часы.

— Они общаются?

— Нет.

Сглотнув слюну, я задаю вопрос, на который, кажется, уже знаю ответ:

— У нее там... другая семья?

— Да. Двое детей, кажется.

Он принимается хлопать ящичками, ища посудомойку, а когда находит и опускает в нее чашку, я все еще не могу пошевелиться,

чувствуя, как больно тянет в груди. Я не знаю, что должна чувствовать женщина, оказавшаяся на месте матери Влада, но я, похоже, по щелчку ее ненавижу! Как она могла бросить его... как?! Ведь он ни в чем не виноват...

— А его отец?

— Что? — Андрей смотрит на меня, и я надеюсь, что бурю у меня в душе нельзя увидеть невооруженным глазом.

— Его отец, — повторяю. — Какие у них отношения?

— Я не психолог, дорогая мать Тереза, — юродствует мой брат.

— Скажи одним словом, — предлагаю, изображая спокойствие.

Он вздыхает и направляется в прихожую, бросив на ходу:

— Напряженные.

Выйдя в коридор, он встречает вошедшего в квартиру парня из бригады грузчиков и спрашивает:

— Много еще?

— Это последние, — кивает тот на входную дверь.

— Пойду расплачусь... — бубнит Андрей.

Через десять минут я остаюсь в квартире одна. Одна в тишине, среди хаоса из своих вещей, коробок и мыслей. Целый ураган гребаных мыслей, который я пытаюсь приглушить, включив на колонке Брамса. Так громко, что рискую познакомиться с соседями, если они у меня есть.

Принимаюсь за разбор вещей, хотя бы в этом занятии найдя себе место.

Я затеяла этот переезд сегодня, украв один день из обещанных мне двух недель, потому что Влад занят. У его отца юбилей и жутко пафосное мероприятие, о котором пишут в сети. Между разбором коробок листаю ленту новостей, надеясь наткнуться на фотографии оттуда, но, кроме пары фото клубного ресторана в Центре, — ничего.

Отшвыриваю телефон на диван и, выдохнув из легких воздух, опускаю лоб на согнутые колени.

Глава 31

Заканчиваю с последней коробкой, когда за окном темнеет.

Сумерки незаметно заполняют мою квартиру, но решаю не включать свет повсюду. Зажигаю только светильник в прихожей, который забрала из своей комнаты в доме родителей.

Разглядываю узоры на плафоне, застыв посреди коридора, и за льющейся из колонки музыкой не сразу распознаю звонок в дверь. Повернув голову, несколько секунд пялюсь на нее, а когда звонок превращается в настойчивый и немного пугающий стук, выключаю стоящую на комодe колонку.

Мое сердце ускорится. Оно всегда чувствует раньше меня...

Открываю дверь, проигнорировав глазок. Взгляд утыкается в белую рубашку Влада, сердце радостно подпрыгивает.

На Градском черный вечерний костюм. Идеально отутюженный и сидящий на нем как влитой пиджак распахнут, три верхних пуговицы на рубашке небрежно расстегнуты, а из правого кармана пиджака торчит черный галстук.

Влад осматривает меня в ответ, поднося к губам горлышко бутылки виски, которая все это время болталась в его руке. На мне домашние шорты и безразмерная оверсайзная футболка моего брата.

Я не ждала гостей. Совсем.

Присмотревшись к лицу напротив, понимаю, что мой гость пьян.

Сильно пьян, а не так, как я уже видела раньше.

Он слегка пошатывается, упираясь рукой в дверной косяк и объявляя:

— Салют.

— Привет... — произношу осторожно.

— Впустишь? — склонив набок голову, интересуется Влад.

Его немного расфокусированные глаза как приклеенные следят за мной, на губах легкая ухмылка. Такого Влада я не знаю, но готова принять и познакомиться и с ним.

Отхожу в сторону, уступая ему дорогу и пеняя:

— У меня мог быть Андрей...

— Он в тренажерке, — перебивает Влад, проходя в квартиру не особо твердым шагом.

То, что, даже будучи совершенно пьяным, он контролирует ситуацию, немного терзает мое сердце. Даже будучи таким, он помнит о том, что не хочет афишировать наши отношения, и это напоминает мне о времени. О том, что оно закончится. Тик-так...

Сложив руки на груди, наблюдаю за тем, как Градский избавляется от обуви и пиджака, не забывая при этом прикладываться к полупустой бутылке.

— Плохой день? — интересуюсь.

— Дерьмовая жизнь. Иди ко мне, Моцарт. — Поставив на пол бутылку, он распахивает руки, приглашая меня в свои объятия.

— Ты пьян, — озвучиваю очевидное, сморщив нос.

— Насрать. Иди сюда. — Манит меня пальцами.

Шагнув назад, говорю с претензией:

— Зачем? Чтобы ты трахнул меня и даже об этом не вспомнил?

— Я тебя не трахал... — Уронив одну руку, второй он ерошит волосы. — Я с тобой «занимался любовью», — последние слова он выделяет идиотским тонким голосом, потом ухмыляется и добавляет: — Но ты права. Это будет по-скотски. Жаль. Я бы не отказался тебя трахнуть...

— Не в этот раз, Влад, — вздыхаю. — Если пришел только за этим — уходи.

— Гонишь? — Разводит он руки.

Снова вздохнув, отталкиваю его в сторону и закрываю за ним дверь.

Запах его парфюма оседает у меня в носу. Знакомый. Будоражающий и успокаивающий одновременно.

Влад припадает плечом к стене, провожая мои действия развеселым взглядом.

Могу с уверенностью сказать, что мне больше нравится тот Градский, который хорошенько проспался.

Беру его ладонь в свою и тяну в глубь квартиры.

Бросив взгляд на сложенные в углу коробки, он послушно следует за мной.

В моей квартире появился диван. Усевшись на него, Влад устало трет глаза и широко зевает.

Включив свет, останавливаюсь рядом с Градским и ладонью ерошу его и так растрепанные волосы.

Он закрывает глаза и откидывает голову, изображая на лице удовольствие. Его напряженные плечи в самом деле опускаются и расслабляются, пальцы гладят меня под коленями, но собравшиеся на лбу морщины заставляют сказать:

— Что у тебя случилось? Ты можешь мне рассказать...

— Не грузи свой юный мозг.

— Ты меня всего на шесть лет старше. Я за тебя переживаю, никогда... ты не был вот таким... — говорю и сажусь на диван рядом с ним, поджав под себя ноги.

— Каким? — Поворачивает ко мне голову.

Смотрю сначала на его губы, потом возвращаюсь к серым усталым глазам.

— Уязвимым, — произношу еле слышно.

Влад тихо смеется, говоря:

— Ты меня с кем-то путаешь.

— Я никогда тебя ни с кем не путаю, — делаю то, чего он так не любит: напоминаю, что для меня он единственный и неповторимый.

— Правда? — бормочет, наклоняясь ко мне и заглядывая в глаза.

Его ладонь обнимает мою щеку, большой палец обводит губы, слегка царапая их подушечкой.

От него пахнет алкоголем, но этот запах смешан с запахом его одежды и пены для бритья, поэтому не кажется неприятным.

— Правда... — Трუსь щекой о его ладонь. — Зачем ты здесь?

— Ты единственная меня не раздражаешь. — Наклонившись ближе, заменяет свой палец губами.

Этот поцелуй тягучий и медленный, но головокружительный, как и любой другой его поцелуй. Позволяю Градскому играть с моими губами, сколько ему хочется, и просто знаю, что он заявился ко мне сегодня не для секса.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает Влад, оставив между нашими губами не больше миллиметра.

— Тебе правду? — улыбаюсь.

После его вторжения в мое тело ничего не изменилось. Я чувствую что все было дико правильно. Очень хорошо. Я бы прошла

через это еще раз, несмотря на боль, кровь и слезы нашего первого раза.

— Обожаю правду... — Он упирается лбом в мое плечо, опустив руки между колен, потом вдруг растягивается на моем диване, забросив на него ноги, а его голова оказывается на моих коленях.

Сложив на животе руки, Градский прикрывает глаза и делает длинный вдох.

Обвожу пальцами его скулу и спрашиваю:

— Влад... что случилось?

— Мне тесно... — произносит он вдруг после минутного молчания.

— Что? — непонимающе хмурю брови.

— Мне здесь нет места. В этом городе... — поясняет.

— А где твое место? — Всматриваясь сверху вниз в напряженное лицо Влада, массирую его висок.

— Пока я его не нашел...

— Это из-за твоего отца?

— У меня нет отца, — хрипловато говорит Влад. — Есть только мужик, который с утра до ночи спасает жизни других детей.

От его слов мне почти физически больно. Разрозненные пазлы его детства в моей голове складываются в ужасную картину, от которой меня почти тошнит.

— Но он твоя семья, — замечаю, не прекращая свой массаж.

— Семья... — он смакует это слово, будто пробует его на вкус. — Семья есть у тебя. Есть любящие родители и счастливые дети, которые оправдывают все ожидания.

— Влад...

— Тс-с-с... — Он поворачивает голову и вжимается лицом в мой живот, обнимая талию двумя руками так, будто я его любимый плюшевый медведь, а через секунду дыхание Влада становится глубоким и размеренным.

— Эй? — зову Градского, не зная, куда пристроить собственные руки.

Не получив никакой реакции, задумчиво прикусываю губу.

Я не хочу оставлять его одного, но его голова и тело чертовски тяжелые, в конечном итоге я заменяю свои колени маленькой диванной подушкой.

Перевернувшись на живот, Влад распластывается поудобнее, чувствуя себя как дома.

Лежа на матрасе в другом конце комнаты, вглядываюсь в неподвижный силуэт на диване и засыпаю сама, надеясь на то, что Андрей не нагрянет проведать меня завтра с утра. Объяснить ему присутствие на моем диване его в стельку пьяного друга я не смогла бы, даже если бы была профессиональной актрисой.

Глава 32

Я просыпаюсь от слабых шумов, которые раздаются в квартире. Сквозь рассеивающийся сон слышу, как где-то льется из крана вода и как о столешницу ударяется кружка.

Мне нужна секунда, чтобы вспомнить, где я нахожусь, только после этого я открываю глаза и смотрю на пустой диван.

На месте Влада там небрежно сваленная одежда. Черные брюки и белая рубашка.

Нащупываю на полу телефон и проверяю время.

Почти девять утра.

Подрываюсь с матраса, удивленная, что проспала так долго. В последние дни меня выбрасывает из постели в семь. Сон просто не приходит ко мне надолго, я хочу жить каждую минуту каждого дня, боясь упустить хоть одну. Может, я вымоталась, поэтому проспала целых десять часов?

Бросив телефон на матрас, слегка пошатываясь, иду на кухню. На звуки присутствия другого человека в своей квартире. Вокруг бедлам из коробок и вещей, которые еще не успели найти себе здесь место.

Скрутив жгутом волосы, отбрасываю их за спину.

Человек, укравший мой сон, возится с кофемашиной, стоя перед ней босой и в одних трусах. Черные боксеры обтягивают крепкие ягодицы. На жилистом спортивном теле Влада поблескивают капли воды, в волосах тоже.

Мне и самой нужно в душ, чтобы смыть сон и освежиться. Но, глядя на то, как перекачиваются тугие мышцы на широкой загорелой спине, я чувствую, что эндорфины вместе с возбуждением бодрят меня гораздо сильнее, чем это мог бы сделать душ.

Я чувствую себя живой. Как и всегда рядом с Градским. Его движения резкие, волосы на затылке взъерошены.

— Доброе утро...

Влад резко поворачивает голову на звук моего голоса.

Щетина, которая вчера вечером была просто темным следом под его кожей, сейчас выступила наружу, покрыв жесткими волосками щеки, подбородок и полоску кожи над верхней губой. Серые глаза в

ярком утреннем свете кажутся теми самыми льдинками, которые я так часто наблюдала раньше.

Я отчетливо вижу, что настроение у него дерьмовое. Нахмуренные брови собрали на лбу морщины, губы поджаты, и я отчего-то уверена, что вот таким он бывает далеко не каждое утро.

— Доброе, — отвечает, подходя к холодильнику.

Ползу глазами вниз по животу с просушенными уверенными кубиками пресса и темной дорожке, которая начинается под пупком и скрывается за резинкой трусов. В его трусах все отлично. Просто потрясающий «комплект», мне даже не нужно с кем-то сравнивать, чтобы быть уверенной. Он весь — отличный «комплект».

Сглотнув, я думаю о том, каким бы он был, если бы жизнь его семьи сложилась по-другому. Более улыбчивым? Счастливым? Открытым и беззаботным? Это был бы другой Влад? Какой-то незнакомец? Без циничного холодка в глазах и кривоватых усмешек, от которых сердце всегда уходило в пятки...

То, что он бывает задницей, не раз выбивало меня из зоны комфорта, я рада и не рада тому, что он уже не сможет быть другим и он такой, какой есть. Мой.

— Может, тебе нужен аспирин, а не кофе? — спрашиваю его.

Он открывает холодильник и отрывисто бросает:

— Мне нужен кофе. Где у тебя молоко?

— Молока нет.

— А сахар? — переводит глаза с пустых полок на меня.

— Сахара тоже нет.

Проведя короткую инспекцию по моему телу и лицу, захлопывает дверь с кричащим раздражением.

Он явно встал не с той ноги. Глядя на то, как, включив кофемашину, он упирается кулаками в стол рядом с ней, чувствую упрямую потребность напомнить ему о том, что у нас уговор и у меня еще есть время.

Подойдя, прижимаюсь грудью к его спине и обнимаю руками талию, подстраиваясь под контуры напряженного тела. Кладу щеку между его лопаток и зажмуриваюсь.

Смыкаю веки с силой, вдыхая запах чистой кожи и наслаждаясь тем, какой Градский горячий, сильный и настоящий.

Он не двигается, а я спрашиваю:

— Теперь и я тебя раздражаю?

— Ты меня не раздражаешь. Просто через три часа мне нужно быть у клиента, и мне нужно как-то добраться до дома по семибалльным пробкам, чтобы переодеться.

— Спустись в метро... — предлагаю.

— Очень смешно.

Он сам усложнил себе маршрут. Мы оба это знаем. Это знание наполняет меня внутренней силой, которую я не хочу демонстрировать. Хочу просто оставить ее при себе, вместо того чтобы дать Владу возможность полить ситуацию фирменным цинизмом. Но черти в моей голове не хотят сдаваться, поэтому я лезу на рожон, спрашивая:

— Что ты скажешь Андрею, если он заявится ко мне сейчас?

Влад молчит. Его сопение я слышу даже за шумом кофемашины. Грудью чувствую, как его тело вбирает и выпускает кислород.

Да, чёрт возьми, его поступок был необдуманным!

Он из-за этого психует?!

— Скажу ему, что у его сестры очень красивая киска.

— А если серьезно?

— Что ты хочешь услышать? Я потеряю друга, вот что случится, если он заявится сюда сейчас.

Мое горло парализует от понимания, что он лучше потеряет друга, чем сдастся. Мне больно, и я злюсь на эту жесткую правду, хриплым голосом спрашивая:

— А меня ты не боишься потерять?

— Арина... — угрожающе осаживает Градский.

К черту его...

На глаза наворачиваются слезы.

Разжав руки, я отстраняюсь и, развернувшись на пятках, иду к двери.

— Мне нужно в душ, — бросаю на ходу, держа свои слезы в узде, пока не остаюсь одна в ванной.

Уверена, щелчок замка слышен на всю квартиру, когда закрываюсь изнутри, чем даю понять, что здесь Влад мне не нужен.

Слезы смешиваются с водой, которой подставляю лицо. Мне хочется плакать сильнее, кричать. Швырнуть в стену что-нибудь,

чтобы дать выход давящему на грудь изнутри шару. Но я просто беззвучно позволяю воде смывать с себя сон и слезы, намыливая тело гелем, который пеной стекает к ногам.

Растираюсь перед зеркалом полотенцем, и оно сырое. Сигнал о том, что до меня им пользовался Влад.

Завернувшись в махровую ткань, выхожу из ванной, собираюсь одеться в комнате.

Градский сидит на полу у стены рядом с моим матрасом и задумчиво пьет кофе, вытянув перед собой ноги. По-прежнему в трусах. Его глаза поворачиваются вслед за мной, пока он подносит к губам чашку.

В полной тишине я ворошу стопку вещей на подоконнике, кожей чувствуя на себе взгляд из противоположного угла.

Под осязаемым на коже взглядом надеваю трусы и легкий летний сарафан, оттолкнув ногой в сторону сброшенное на пол полотенце.

Мокрые волосы липнут к плечам.

— Сыграй что-нибудь, — слышу размеренную просьбу за спиной.

Глава 33

— Оно расстроилось после перевозки, — отвечаю, раздраженно собирая с плеч мокрые волосы.

— Я не настолько искушенный слушатель.

Смотрю в окно, терзаемая мыслями, от которых прятала голову в песок все это время. Можно отключить мозги на день или два. Можно отключить их даже на неделю, но сейчас, когда они проснулись, отключить их можно только ударом головы о стену.

Сорвавшись с места, иду к инструменту, который родители подарили мне на одиннадцатилетие, и, усевшись на стул, откидываю крышку.

Мне вдруг претит идти на компромисс, хоть я и согласилась быть пай-девочкой в течение двух недель и после тоже. Мне вдруг не хочется прятать эмоции, а хочется быть стервой, поэтому, когда пальцы под властью мышечной памяти ударяют по клавишам, мою квартиру наполняют звуки вступления, которое я для себя всегда интерпретировала как агонию.

Разбрасываясь через музыку сгустками своей энергии, рисую картину то ли надвигающейся бури, то ли землетрясения, и если Владу хотелось совсем другого, чего-то более умиротворяющего, то не выйдет.

Может быть, это слишком театрально, но мне плевать.

Звуки протеста, злости и драмы отскакивают от пальцев, как гвозди, и я делаю это с упоением. Играю, играю, играю, до тех пор пока на мою шею не опускается тяжелая горячая ладонь.

Пальцы замирают, будто поставленные на паузу. Сердце стучит, потому что сейчас я не профессионал, а просто застрявшая между мирами дурочка.

После моего представления тишина кажется звенящей.

Мне хочется кусаться и царапаться. Сопrotивляться упрямству Градского, его холодной рассудительной логике. Вкладываю это в свой взгляд, когда поворачиваю голову и смотрю на Влада с вызовом и вздернутым подбородком.

— Я же говорила, оно расстроилось, — копирую его любимую усмешку.

Его глаза горят, а рука сдавливает мою шею сильнее. На дне черных зрачков тлеет адское пламя, но я этого не боюсь.

— Ты виртуоз, — вкрадчиво шелестит его голос. — Это талант.

— Мимо.

Это не то, что мне сейчас нужно.

Влад напрягает желваки. Впивается глазами в мое лицо и тянет меня вверх, прихватив за мокрые волосы у основания шеи.

Послушно разворачиваюсь и поднимаюсь, напоследок звонко ударив по клавишам.

— Хочешь меня? — бросаю в лицо напротив.

Бугор в его боксерах информирует меня об этом лучше любых слов, но сегодня я хочу слов. Хочу услышать четкие ответы на свои вопросы.

— Да.

— Сильно?

Влад опускает затуманенный взгляд на мои губы, поглаживая большим пальцем пульсирующую вену у меня под подбородком. Сердце опять частит, выдавая мое состояние, хоть я его и не прячу.

— Глубоко и жестко. — Ведет он пальцами по моей коже ниже, поддевая бретельки платья и спуская их с плеч. — Вывезешь?

— Лучше я попробую жестко с тобой, чем с кем-то еще, — с извращенным упоением намекаю на то, что после него у меня будут другие.

Мне хочется сделать ему больно.

Может, он прав, и я слишком многого от него хочу, раз мне так необходимо сейчас причинить ему боль. Я становлюсь чудовищем?!

Влад делает вдох, от которого крылья его носа вздрагивают.

Не разрывая зрительного контакта, он наклоняет голову и накрывает ртом мой сосок прямо через тонкую ткань сарафана. Смыкает вокруг него зубы и всасывает, выбивая из моего рта гортанный стон.

С шипением притягиваю его голову ближе, дергая за волосы на затылке.

Вскинув лицо, он смотрит на меня с дикостью и яростью, которые, я уверена, принес на мой порог еще вчера вечером. Эта

злость давно в нем сидит, но сегодня я не хочу тушить этот пожар. Хочу выплеснуть на Влада свой собственный.

Его рука ныряет мне за спину, и крышка пианино с грохотом опускается.

Подхватив мои бедра, Влад толкает меня вверх, заставляя опуститься задницей на деревянную поверхность моего инструмента, и сминая мои губы своим ртом.

Его поцелуи жестоко жалят, как он и обещал.

Язык сплетается с моим, зубами Градский прикусывает мою нижнюю губу и тянет на себя. Мне приходится склонить голову набок, потому что Влад давит на мой затылок, углубляя поцелуй еще и еще.

Мой рот полон его слюны, и он делает это целенаправленно. Показывает обратную сторону секса с ним. Каким этот секс может быть. Каким может быть сам Влад. Грубым и эгоистичным. Но между моих ног все равно горячо и влажно! Тело покрывается испариной, подрагивает в предвкушении, ведь меня возбуждает его тело, его эрекция и даже его грубость. Она в очередной раз переворачивает мой мир, и я царапаю мужские плечи, выгибаясь в сильных руках. Трусью грудью, ерзаю на крышке пианино и издаю такие пошлые и громкие звуки, от которых на секунду сама прихожу в шок, а потом забываю обо всем, когда рука Влада задирает подол сарафана и сдвигает вбок пропитанные моей влагой стринги.

— Совсем без башни, Моцарт... — хрипит Градский, глядя вниз.

Я опять чересчур мокрая. Настолько, что его пальцы с легкостью проникают внутрь.

— Да! — выкрикиваю и насаживаюсь на его пальцы сама.

Воздух вокруг нас тяжелеет. Влажные звуки разлетаются по комнате и смешиваются с нашим громким дыханием.

Влад рычит мне на ухо, не переставая двигаться во мне.

Запрокинув голову, закатываю глаза, чувствуя покалывание в ступнях и напряженный тяжелый узел удовольствия внизу живота.

— Кончай, — приказывает.

Мое тело будто только этого и ждало. Взрываюсь мелкой дрожью. Влад прижимается губами к моей шее и с шумным вдохом всасывает кожу, не вынимая из меня двух пальцев, вокруг которых я плотно сжимаюсь.

Одной рукой нахожу точку опоры, чтобы не свалиться с пианино, а второй сжимаю каменный член Градского прямо через боксеры. Сильно и грубо.

Он издает хриплый стон и, сдернув меня с инструмента, тащит к матрасу.

Бретельки сарафана падают с плеч.

Откинув подол, мужские руки цепляют пальцами мои трусы и стягивают их по бедрам и ногам вниз, оставляя болтаться на правой щиколотке.

Раскидываю ноги, с дрожью в теле глядя на Влада, который вклинивает между них бедра, усаживаясь на колени и приспуская боксеры.

Облизываю губы, глядя на его напряженный член.

Несмотря на все безумство и пошлость происходящего, он не торопится ворваться в мое тело.

Тяжело дыша, сжимает в кулаке каменную эрекцию и будто ищет внутреннюю концентрацию, потому что... боится сделать мне больно... будто боится быть тем самым эгоистичным говнюком до конца...

К черту это все...

Откинувшись на спину, сжимаю свою грудь и приподнимаю бедра.

— Трахни меня... — знаю, что провоцирую его. — Как тебе хочется...

— Блять... не могу... — рычит он.

Я чувствую поцелуй у себя над пупком, а затем ощущение наполненности забирает все мое внимание.

От резкого толчка я ударяюсь головой о стену.

Чертыхнувшись, Влад дергает на себя мои бедра, стаскивая меня ниже.

Мы вновь целуемся, бешено сплетаясь языками и кусая друг друга. Я царапаю его лопатки, он в диком ритме вбивается в мое тело, отчего я издаю стоны, которые заводят нас обоих еще сильнее.

Влад поднимается на колени и поочередно выкручивает мои соски. Трет их большими пальцами, обводит...

Ловлю его руку и тяну к своему рту, чтобы повторить наш любимый ритуал, но Градский отдергивает ладонь и опускает ее мне

на шею.

Смотрит в мои глаза, сдавливая пальцы и всего на секунду перекрывая мне кислород, но этого достаточно, чтобы первобытный инстинктивный страх на секунду смешался у меня с возбуждением. И я шокированно понимаю, что этот страх внезапно смывается новым оргазмом...

— М-м-м... пиздец! — ругается Градский, пока я с застывшим на губах криком выгибаюсь и содрогаюсь под ним.

Когда реальность возвращается, я чувствую испарину и пот повсюду на своем теле. Тело Влада, такое же мокрое и скользкое, вдавливают меня в матрас. Я чувствую горячую липкую влагу между ног и на своем животе, когда он скатывается с меня и переворачивается на спину, раскинув руки и глядя в потолок, всё ещё будучи в спущенных боксерах.

Отвернувшись, сажусь на матрасе.

— Арина... — Пальцы Градского касаются моей голой спины.

Тряхнув головой, молча отстраняюсь.

Несмотря на два сумасшедших оргазма, я чувствую себя еще хуже, чем до этого безумного секса. Опустошенной и слабой. Глупой.

Кое-как натянув на плечи сарафан и вернув на место белье, выкарабкиваюсь с матраса и плетусь на кухню, бросив:

— Сделаю себе кофе.

Глава 34

— Ты мне что-то хотела рассказать... — Считаю квадраты тротуарной плитки у себя под ногами, с усилием переставляя их.

Встать с постели сегодня было трудно, у меня завелось желание вообще из нее не выбираться. Никогда не думала, что общение даже с самыми близкими людьми станет для меня в тягость. Что буду игнорировать звонки от родителей, боясь того, что они начнут задавать вопросы или решат окружить меня заботой, а я в ней не нуждаюсь. Мне нужно другое. Мне нужно это время наедине с собой...

— Я с тобой уже километр разговариваю, — ворчит Крис. — Ты не заметила?

В моей руке рожок с подтаявшим мороженым, и я швыряю его в урну, понимая, что оно, как и любая другая еда, мне не лезет. Я ничего не хочу. Вообще. Со вчерашнего дня внутри опустошенность, которая сжирает привычные эмоции, взамен наполняя мое тело инертностью. С ней я делаю все, за что бы ни взялась. Я просто замерла в ожидании чего-то и никак не могу отмереть.

Тик-так.

— Заметила... — отзываюсь.

— Ну да, заметила, — вздыхает Кристина.

Мы медленно бредем вдоль пруда, так, чтобы Бене не пришлось напрягаться. Он кряхтит, медленно переваливаясь на своих коротких лапах в двух метрах впереди. Иногда реагируя на других собак, иногда оборачиваясь, чтобы проверить не бросили ли мы его.

— Я хочу сказать, что предупреждала, но не буду, — нравоучительно порет она меня. — Потому что я твоя подруга, а не пила.

— Угу...

Сухой ветер гонит по воде рябь и обдает жаром мои голые колени.

— Духота... — сетует Крис. — Достало...

— Да...

— Арина... — не выдерживает она. — Все так плохо?

— Все хорошо. Пока все живы, и все такое, — иронизирую я, понимая, что взять эту установку на вооружение гораздо сложнее, чем

кажется.

Почему сердце нельзя просто отключить? Почему?!

Вчерашний секс сорвал чеку с нас обоих. С меня и Влада. Только вместо удовлетворенности после этого секса осталась та самая пустота, в которой я барахтаюсь второй день. Будто, спустив на Градского всю свою злость, я стала пустой. Он ушел почти сразу. Такой же мрачный. Дерганый. Такой же, каким я застала его на своей кухне с утра. Он пытался завести нейтральный разговор, но я не смогла поддержать эту ненастоящую беседу. Не хотела. Не в этот раз.

— Может, нам уехать? Отвлечешься, — слышу голос Кристины будто издалека. — Давай полетим в Турцию! Я накопила и могу взять отпуск хоть сейчас. Тебе... надо переключиться на что-нибудь еще...

— Когда? Сейчас? — пугаюсь, что эти чисто гипотетические планы Кристины могут осуществиться и украсть у меня хотя бы пару дней из тех, что так щедро отвел для нас Градский.

Она ловит мой перепуганный взгляд своим и сокрушенно качает головой:

— Нет. Когда будешь готова... Отпуск можно и сдвинуть.

В ее словах я слышу намек на то, что это «когда» означает «когда все закончится», и это высасывает из меня еще немного энергии прямо здесь, на месте. Разрыв с Владом все ближе, хотя я наивно, как маленькая дурочка, которой он меня называет, надеюсь, что до него дойдет. Что он вдруг не захочет от меня отказываться. Вдруг... он тоже полюбит и будет моим целиком и полностью. Сделает все то, чего, как ему самому кажется, не умеет.

— Ты хотела уволиться... — напоминаю, стараясь свернуть разговор с опасного пути.

Кристина трет нос и обхватывает губами трубочку от холодного кофе, который цедит с самого начала нашей прогулки.

— Пока нет вариантов.

— А Андрей? Что насчет фирмы, ты там была?

— Насчет Андрея... — Кристина набирает в легкие побольше воздуха, словно собирается прыгнуть с огромной вышки в бассейн, а я натягиваю поводок Бени, прося его оставаться рядом.

Мы тормозим перед зеброй, собираясь перейти дорогу, и, пока светофор горит красным, мои глаза рассеянно скользят по витринам магазинов и ресторанов на другой стороне.

Солнце садится, но жара не спала.

В прогнозе на всю следующую неделю стоят проливные дожди, и они действительно нужны городу.

— Что насчет Андрея? — смотрю на Крис, готовая наконец-то сконцентрироваться на нашем разговоре. — Он тебя обижает?

— Не совсем точное слово... — бормочет подруга, рассеянно болтая льдом в своем стакане.

— Он иногда бывает таким козлом. Говорю, как младшая сестра со стажем... — пытаюсь схохмить, но эта кислая шутка застрекает в горле, когда глаза натываются на знакомую фигуру по ту сторону дороги.

Знакомую до боли фигуру, одетую в строгий костюм.

Светофор загорается зеленым, но я не двигаюсь с места, получая тычки в плечи от плеч проходящих мимо людей.

Не могу пошевелиться. Да я даже дышать не могу!

На той стороне улицы я вижу Влада, и пустота внутри меня превращается в оцепенение.

Он не один. Стоя рядом с машиной бизнес-такси, придерживает заднюю дверь, которую открыл для высокой блондинки в бежевом брючном костюме, шелковом топе и туфлях на десятисантиметровых шпильках. На ее руке небрежно болтается сумка от «Эрмес», пепельные волосы уложены в идеальный гладкий и высокий хвост.

Я никогда раньше ее не видела.

К горлу подкатывает горечь.

Они спорят. Ругаются, стоя у этой машины.

Не моргая, впиваюсь в ее лицо глазами, потому что лица Градского я не вижу, только его затылок. Ее лицо красивое. Утонченное. Правильное, без единого изъяна, словно с нее лепили долбаную куклу Барби!

Ее рука ложится на отворот его пиджака, и я уже ее ненавижу. И руку, и саму блондинку. Она собственническим и примирительным жестом поглаживает его грудные мышцы и, закинув руки ему на шею, оставляет на его губах легкий поцелуй.

Живот скручивает спазмом.

— Арина... — Передо мной возникает Кристина, и я перевожу на нее шокированный взгляд. — Пошли!

Пошатываюсь на ослабевших ногах, роня поводок.

Подруга дергает меня за руку, суетясь, подхватывает с земли рулетку поводка и разворачивает меня на сто восемьдесят градусов от картины, которая навсегда отпечаталась в мозгу. Картины, где Влад Градский целует другую женщину.

Глава 35

Натянув на голову подушку, прячусь от навязчивого звонка в дверь.

Он воет и воет. Дребезжит, потому что тот, кто за дверью, зажал его пальцем и не собирается отступить.

Я уже жалею о том, что звонок подключили так быстро. Этот отвратительный звук вторгается в мое вязкое и болезненное одиночество, а мне в нем очень комфортно. Вторые сутки встаю с дивана только для того, чтобы пройтись до туалета. Родители думают, что у меня жар и отравление фастфудом. Проще обмануть, чем объясняться и снова что-то придумывать.

— Да черт возьми! — ору, с размаха швыряя подушкой в противоположную стену.

Та ударяется о нее и приземляется на неразобранную коробку с посудой.

Стряхнув с себя одеяло, спускаю ноги на пол и касаюсь холодного дерева стопами. Погода испортилась, и за окном второй день дождь, из-за этого в квартире даже днем царит вечный сумрак.

Я не хочу никого видеть, но этот звонок пробивает дыру у меня в черепе!

Голова немного кружится, будто я разучилась держать свое тело в вертикальном положении. Футболка, в которую я одета, измята и заляпана зубной пастой, волосы прилипли к щеке, будто посаженные на клей из моих засохших слез.

В глазок вижу Крис, я и не сомневалась в том, что это она. Больше так ломиться никто бы не стал. Я никого другого и не жду, потому что уговорила свою семью дать мне поболеть в одиночестве, а причина моего внутреннего землетрясения такая отравляющая, что я действительно больна, только тошнит меня не фастфудом, а моей собственной любовью.

— Я звонила пять раз! — рычит Кристина с порога. — И это только сегодня!

На ней рабочая футболка с названием кальянной, бейсболка и джинсы скинни, волосы заплетены в две косы, в руках пакет из

супермаркета, который она опускает на пол, продолжая причитать и стряхивать с себя капли дождя:

— Хотела спросить, не хочешь ли ты чего-нибудь особенного. Например, осьминогов или дюжину эклеров! Но раз ты не отвечаешь, я купила лапшу быстрого приготовления и лимон.

— Я не голодная...

— Ты два дня не выходишь из квартиры, а в твоём холодильнике нет НИ-ЧЕ-ГО.

— Лимон его не спасет.

— Попьешь с ним воды и захочешь есть. Арина, у меня перерыв три часа перед вечерней сменой, и я никуда не уйду, пока не запихаю в тебя что-то съедобное!

— Пожалуйста, не кричи так, — прошу ее вяло и, развернувшись, тащу свое тело обратно в комнату.

— Он не звонил? — летит мне в спину.

— Звонил...

Рухнув на диван, подтягиваю к груди ноги и поворачиваюсь спиной ко всему миру.

— Поговорили?! — деловито спрашивает Кристина из кухни.

Судя по звукам, она разбирает свои покупки и наливает воду в чайник.

— Я не хочу с ним разговаривать... — отвечаю сама себе.

Не могу!

Он звонил четыре раза, но и для него я не сделала исключение.

В его жизни есть другая женщина, и, судя по всему, она присутствует в его жизни официально и давно, в отличие от меня, ведь со мной он не выяснял отношения в центре города на глазах у тысячи свидетелей. Меня он прятал от посторонних глаз.

Сейчас мне кажется, что я и в самом деле ничего... ни черта о нем не знаю. Именно так, как он и говорил. Что я вообще знаю о его жизни? Кроме того, что знала от брата, или того, что Влад сам когда-то показывал, пуская меня в нее на три процента, а может, и меньше.

Злость, ревность, тоска и разочарование — во мне столько эмоций, что я не знаю, на какую из них откликаться, именно поэтому просто лежу на диване, боясь того, что при любом неосторожном движении меня раздавит этими эмоциями, как бетонной плитой.

Я хочу избавиться от них. Очиститься, ведь это больно. Физически больно в груди. Я уже знаю, что проиграла. Он не будет моим. Я думала, что он вообще ничей, но и здесь промахнулась.

— Андрей звонит... — Кристина возникает за моей спиной.

Повернув голову, вижу в ее руках свой телефон, поставленный на беззвучный режим. Я как маньячка пялилась в него каждый раз, когда получала входящий звонок, подписанный именем Градского. Четыре раза. Все они поступили сегодня, и ни одного вчера.

— Скажи ему, что я жива, но сплю.

Крис мнетя, кусает губы, глядя на дисплей, и все-таки кивает.

— Алло... — выпаливает в трубку. — Зачем так орать? Это не она... она спит. На меня тоже орать не надо!

Перестаю следить за их разговором, снова отвернувшись к спинке дивана.

— Где твоя зарядка? У тебя батарейка садится...

— Не знаю.

— Давай прогуляемся? Тебе нужно на воздух, на нем вырабатываются какие-то гормоны, это помогает от депрессии... И я пошутила насчет лимонов. Там шоколадный торт. Будешь?

— Нет.

— Арина... так нельзя... нельзя так... убиваться из-за мужика!

Вспылив, выкрикиваю в сердцах:

— Я бы рада не убиваться, только единственное, что мне кажется сейчас возможным, — так это как раз умереть. Мне так больно и... Я так злюсь на него, Крис! На него и на себя!

— Это уже хорошо, — она издает тяжкий вздох.

Возвращается в прихожую и роется в ящиках, ища зарядное устройство и хлопая дверцами.

В уголках моих глаз собираются слезы.

Любить его на расстоянии было в сто раз проще. Не знать, какой он на вкус, какие у него прикосновения, каким может быть его голос, когда он возбужден, как он валяет дурака, когда сидящие в его голове демоны затыкаются и дают передышку. Я люблю в нем все. Даже сейчас... люблю. Я не хочу других мужчин. Они для меня не существуют!

— Градский...

— Что?

— Градский звонит, — уточняет Кристина.

Проклинаю себя за то, как подсакивает к горлу сердце.

— Отклони... — прошу ее хрипло.

Сегодня моя изощренная потребность делать ему больно сильна как никогда. Хотя бы таким способом, но я хочу всадить в него нож, хоть это и не нож, а просто гребаная шпилька.

Крис молчит, а я зажимаю в кулаке край одеяла и дергаюсь, когда квартиру сотрясает ненавистный звонок в дверь. Я думала, мое сердце слишком тяжелое для того чтобы плясать в груди, но ведь оно всегда чувствует раньше.

Спрятаться, убежать. Вот чего я хочу! Я боюсь этой встречи. Боюсь, что она поставит точку, поэтому сжимаюсь и чувствую, как холодеют пальцы.

Я не была гордой все эти дни. Я боялась, что, как только выползу на белый свет, нашей истории с Градским придет конец. Я не готова. Я не могу...

— Это он, — голос Крис звучит взволнованно. — Что мне делать?

— Пошли его к черту... — шепчу.

— Я?! Мы даже незнакомы толком. Но я могу съездить ему по яйцам... — тараторит она.

Через слезы прыскаю от смеха.

Я не могу прятаться от него вечно. Может, даже лучше покончить с этим всем сейчас, меня пугает надвигающийся вечер и еще одна ночь наедине с самой собой.

С дрожью в коленях я опускаю ноги на пол и сажусь на диване, говоря:

— Ладно. Я сама.

Подойдя к двери, чувствую, как сердце привычно тянется к тому, кто находится за ней, и это дает силы, напоминает о том, что у меня есть что-то большее, чем набор базовых функций. У меня есть моя любовь, и пусть она невзаимная, именно она делает меня полноценной. Цельной. Живой, черт возьми.

Прокрутив замок, рывком открываю дверь.

На Градском деловой костюм и галстук. Темный след от щетины на подбородке делает его чуть старше и контрастирует с холодным

стальным цветом глаз. Они впиваются в мое лицо, и я вижу в них шторм, который поднимает смерч в моей собственной душе.

— Почему не берешь трубку? — требует, проходя в квартиру.

На этот раз он не спрашивает разрешения, бесцеремонно тесня меня внутрь.

— Хочешь поболтать?

Его движения резкие, в уголках губ скобки, только обратные. Такие, которые делают его лицо серьезным. Слишком серьезным. Собранным.

От этой картины холод растекается не только по конечностям, но и по всему телу.

Я не ошиблась.

Он пришел поставить гребаную точку.

— Если я звоню, значит да! — рывкает Влад и осекается, видя за моей спиной Кристину.

Сложив руки на груди, она смотрит на него холодным взглядом.

Хотела бы я быть сейчас такой же равнодушной и сильной, как она.

— Я спущусь в кофейню, — говорит подруга, перехватив мой взгляд. — Буду на связи.

— Угу, — бормочу.

Она подбирает с пола свою сумку и, бросив на нас прощальный взгляд, тихо выходит за дверь.

Глава 36

Влад провожает Кристину напряженным взглядом. Ждет, пока щелкнет замок, и переводит глаза на меня. Те секунды, в течение которых молча смотрим друг на друга, я просто запоминаю его таким. Таким решительным, хоть и напряженным. Усталым. Серьезным. Все еще моим, потому что я знаю его такого еще с пятнадцати лет. Этим он и отличался от других. Тем, что никогда не казался легким и беззаботным, даже в свои двадцать.

Его дыхание частое. Руки отбрасывают в сторону полы пиджака, ладони ложатся на талию.

— Ты заболела? — спрашивает Влад, окидывая меня оценивающим взглядом.

— Отравилась фастфудом.

Круговорот мыслей в моей голове, эта адская карусель, вдруг останавливается. Там наступает тишина. Передышка, которая была так мне нужна. Но металлический штырь, в который превратился мой позвоночник, не дает расслабить плечи. Я кажусь себе деревянной.

— Как ты себя чувствуешь? — произносит чуть мягче.

Лучше бы ему этого не делать. Его забота отдается ноющим спазмом в моем пустом желудке, ведь так Влад становится ближе, а это обман, иллюзия.

— Будто меня пропустили через мясорубку.

От моего ответа его подбородок напрягается. Напряжение нервным тиком пробегает по его лицу. Глаза снова меня осматривают. Ощупывают, будто определяя степень повреждений, и этот взгляд я буквально чувствую кожей.

Он молчит целую вечность, а потом все-таки сообщает, будто сдаваясь:

— Нам нужно поговорить.

— Хорошо.

Отойдя от стены, плетусь на кухню, молча предлагая пойти за мной. Мне хочется ссутулиться и обнять себя за плечи, но я ничего такого не делаю.

Я слышу шаги Влада по полу за моей спиной.

Наливая в стакан воды, чтобы смочить саднящее горло, слышу твердый голос:

— Я сегодня возвращаюсь в Лондон. Самолет через четыре часа.

Скачки сердца в груди заставляют поперхнуться. Это единственный звук, который я издаю. У нас ведь уговор, и я не должна бросаться в Градского посудой и обвинениями. Когда оборачиваюсь, стоящие в моих глазах слезы он отражает приливом жесткости во взгляде и чертах лица. Одна его рука сжимается в кулак, и он прячет ее в карман брюк.

— Ты обещал нам две недели, — напоминаю сипло и жалко. — Они еще не вышли.

— Мои планы изменились.

— Ты пришел попрощаться? — улыбаюсь. — Поцелуешь меня? Или трахнешь напоследок? Может, прямо здесь? У стены? Сзади? Мы так еще не пробовали...

Мое мнимое спокойствие трещит по швам. Осыпается, как лопнувшая маска.

Влад тоже это видит и молчит. Желваки на его щеках танцуют от напряжения. Он такой красивый и отутюженный, что мне физически больно на него смотреть.

— Не стоит, — отвечает на мои вопросы.

Его слова я принимаю почти как пощечину. Хуже всего то, что мне хочется дать пощечину ему. За то, что он может быть таким хладнокровным, а я — нет.

— Просто уйдешь? — спрашиваю его.

— Так будет лучше для нас обоих. Потом это поймешь.

Мои губы кривятся. Поджимаются. Я уже не могу контролировать свои слезы, они начинают катиться по щекам против воли.

Влад дергается, будто по инерции хочет подойти, но остается на месте, только вдыхает носом глубже, отчего линия его губ становится жестче.

— Твоя девушка против? — бросаю я.

То, как он всматривается в мое лицо, ледяным приливом страха обдаёт живот. Последние два дня жизни, которые я посвятила долбаному принятию ситуации, летят на помойку, ведь именно сейчас, когда он смотрит на меня ТАК, все мои страхи подтверждаются. Становятся реальными и настоящими.

— О чем ты? — чуть сощуривает он глаза.

— Я вас видела. Позавчера. Красивая... — выплевываю слова, которые жгли меня заживо все это время. — Мне тоже нравится тот немецкий ресторан.

Тишина звенит между нами только пару мгновений. Не собираясь пудрить мне мозги, Влад говорит:

— Она не имеет к нам с тобой отношения.

— Не имеет?! — взрываюсь, всплескивая руки. — Ты трахал меня, потом ее?!

— Арина, — давит он, чуть повышая голос. — Я не трахал тебя, потом ее. Она прилетела два дня назад.

По крайней мере, теперь я знаю, где он был эти два дня. Был с ней.

— Кто она?! — Мой голос дрожит. — Почему она?! Почему не я? Что у нее есть такого, чего нет во мне?

Будь он ближе, ударила бы, но любой наш физический контакт доставит мне только боль, а образ расфуфыренной блондинки вызывает тошноту.

— Она моя жена.

Я будто получаю удар в солнечное сплетение. Сделать вдох не получается, я просто смотрю на него, широко распахнув глаза.

— Ты не женат... Ты врешь мне... — Из моего рта вылетает истерический смешок. — Ты трахался с кем попало, с тех пор как в город вернулся!

Я прижимаю руки к груди и громко истерично смеюсь.

Я ничего о нем не знаю... ничего. Я просто жила в каком-то долбаном пузыре!

— И это тоже не имеет к нам никакого отношения.

Я хочу его ударить. Действительно хочу. В венах клубится злость. Толкает, заставляет сделать шаг вперед.

— И давно ты женат? — спрашиваю, подойдя ближе.

— Три года.

— Это чушь! — взвиваюсь. — Я никогда об этом не слышала.

— Об этом мало кто знает. Мы с Машей...

Меня тошнит сильнее.

Пока я не знала ее имя, образ блондинки был полумифическим, теперь я ощущаю, как она монументально вырастает между нами.

— ...давно знакомы. С детства.

Пока его слова в моей голове соединяются в предложения и приобретают смысл, сердце молотит по ребрам тяжелыми толчками.

С детства...

Это финальный толчок того землетрясения, которое шатает мой мир вторые сутки. Мой мир разлетается на триллион осколков.

Не она лишняя в его жизни, а я. Я!

От этого открытия я немею.

Влад смотрит на меня тяжелым взглядом, будто требуя того, чтобы я не делала глупостей.

— Ты ее любишь? — шепчу.

Только спросив это, я заставляю его мозги затормозить, потому что он не спешит с ответом. И, судя по выражению его лица, Влад думает над моим вопросом. Всерьез думает о том, что мне ответить.

— Она мне... дорога.

— Она в курсе, как ты проводишь свободное время? — Сглатываю ком горечи в горле.

— У нас свободные отношения.

В неверии качаю головой. Мне все это снится. Просто один сплошной слишком реалистичный кошмарный сон.

— Если бы я знала, что у тебя есть жена... — последнее слово я выплевываю с особым отвращением. Я будто худшая версия себя. Злая, ядовитая, отвратительная. — То никогда бы не просила тебя стать моим.

Градский невесело усмехается, потирая ладонью подбородок.

Он ни разу не отвел взгляда от моего лица, не делает этого и сейчас, когда медленно произносит:

— Мы оба знаем, что тебя бы это не остановило, Моцарт.

Со стыдом понимаю, что он прав.

Еще неделю назад в отношении него у меня не существовало никаких принципов. Их и сейчас у меня нет. Ничего. Только ломающий кости страх его потерять.

— Она тоже спит с кем захочет? — спрашиваю его. — И тебе плевать?

— У нас такие отношения, которые устраивают нас обоих, — разъясняет он с жесткостью, будто в вопросах, касающихся его жизни, привык никому не уступать. — Мы давно знакомы и отлично друг друга понимаем и принимаем. Я никого не призываю давать оценку своей жизни, даже если это аморально. Мне насрать на мнение других.

— Поэтому ты прячешь свою жизнь ото всех, да?! — Пальцем тычу в его грудь. — Потому что тебе «насрать»?

Дернувшись от моего моего тычка, он говорит:

— Я ничего не прячу. Моя жизнь не здесь. Она в Лондоне.

— А здесь тебе тесно...

Напоминаю ему о том вечере, когда он заявился ко мне вдрызг пьяным. Напоминаю ему о том, о чем, возможно, он сам не помнит.

— Да, тесно. Я уезжаю, и это взвешенное обдуманное решение. Не прихоть. Моя жизнь в Лондоне, и мой дом тоже там.

— Ты сказал, что не нашел свое место... — Его лицо расплывается перед глазами, их опять застилают слезы.

— Забудь, что я тогда сказал, — обрубает он.

Нас разделяет всего один шаг. Он не мешает дотронуться. Коснуться. Видеть узоры на серой радужке его глаз. Видеть его таким... решительным...

— Ты не понимаешь... — трясущей головой.

— Чего я не понимаю? — он делает глубокий вдох.

Смахнув со щеки соленую влагу, произношу:

— Дело не в месте. Куда бы ты ни поехал, ты от себя не убежишь.

— Я не бегаю от себя. Я говорил тебе об этом миллион раз!

— Убеждай себя в этом! — бросаю ему.

Постучав пальцем по моему лбу, Влад рычит:

— Ты наивная, как младенец.

Отдернув голову, я бью по его ладони ребром своей.

Он убирает руку, продолжая и продолжая говорить:

— Ты втемяшила себе в голову, что меня нужно спасти? Меня не нужно спасать, Арина. Моя жизнь у меня под контролем, и в ней все так, как мне нужно. Если в твоём мире все по правилам, то в своём я ломаю на хер любые правила, именно поэтому я выйду за дверь, а ты останешься здесь!

— Ты недолюбленный ребенок, — говорю полушепотом.

— Арина, заткнись, — предупреждает.

— Твои ценности уродливые! — выкрикиваю, видя, как трескается его ледяное спокойствие. — Ты не понимаешь, что такое любовь!

— Я никогда не утверждал обратного! Я вбивал это в твою голову все эти гребаные дни!

Мы орем друг на друга, и тот шаг, который нас разделяет, наполняется трескучим воздухом.

Будто у меня сорвало кран, бросаю в него слова, которых никогда не стеснялась:

— Во мне столько любви для тебя! Я бы... я бы все сделала, чтобы заслужить твою. Я бы тебя любила, Градский. Тебя! Потому что ты — это ты... — По моим щекам опять текут проклятые слезы.

— Я не знаю, что делать с твоей любовью! Как ты, блять, не можешь этого понять?! — орет он, наклонившись вперед и приблизив свое лицо к моему.

— Тогда зачем ты пришел? — Толкаю его в грудь двумя руками. Он отшатывается. Делает шаг назад, а я толкаю его снова и снова. — Иди! Проваливай! Улетай! — кричу до хрипоты в горле. — Только запомни: если уедешь, обо мне можешь раз и навсегда забыть! — бросаюсь в него нелепой, детской угрозой. — Я тебе клянусь! Можешь обо мне забыть!

Он ловит мои запястья, обжигая меня гневом, который плещется в его глазах серым холодным океаном. Мой собственный гнев вырывается наружу вместе со слезами и ударами, которые я продолжаю наносить Владу, хаотично трепыхаясь в его руках.

Дергаю за его галстук, за ткань рубашки и выдираю несколько пуговиц с корнем, пока слова выскакивают из меня неконтролируемым потоком:

— Улетай! И оставь в покое мою семью! Нам не нужно твое дерьмо, твой уродливый мир, эта грязь! Исчезни! Ищи себя сколько тебе нужно! Вместе со своей женой! Ненавижу... ненавижу....

Он отталкивает меня от себя, и за стоящими в глазах слезами я вижу, как перекошены черты его лица. Дикая эмоция в его глазах сковывают мое горло, не давая сделать вдох.

Я хотела его ударить, и у меня получилось, только моя пощечина была словесной. Мне удалось причинить ему боль, но это не приносит

облегчения. Моя внутренняя боль от этого лишь разрастается, а не становится глуше и меньше.

Облегчения не происходит!

На щеках Градского вспыхивают красные пятна. Он отпускает мои запястья.

Сверля меня неподвижным взглядом, делает шаг назад, а затем резко разворачивается и молча выходит из кухни.

Я, как связанная с ним невидимыми канатами, делаю несколько шагов вперед. Иду за ним. И, только когда входная дверь с грохотом захлопывается, понимаю, что никогда не смогу его догнать, сколько бы за ним ни бежала.

Глава 37

По крыше машины стучит дождь. По стеклам тоже. За ними ничего не видно, только размытые очертания других машин, с которыми двигаемся в одном потоке.

Это так усыпляюще, что хочется закрыть глаза и просто отключиться. Возможно, через два часа я так и сделаю. Отключусь, как только сяду в самолет. В самолетах меня всегда выключает...

— Паспорта проверили? — Андрей смотрит на нас с Кристиной с переднего пассажирского сиденья, развернувшись вполоборота.

— Ты уже спрашивал... — отвожу от него глаза.

— Может, я хочу поболтать? — бодро отзывается мой брат.

В нем столько энергии, что можно заряжаться от прикосновения. У него важная деловая встреча, и он настроен на нее максимально. На нем строгий костюм, как и на Рязанцеве, который ведет машину.

Крис принимается рыться в своем рюкзаке, откликнувшись на совет моего брата, и я не уверена в том, что расстроюсь, если своего паспорта она вдруг не найдет. Во мне нет эмоций. Ни к погоде, ни к предстоящему полету на отдых... Я чувствую себя пустой оболочкой, ведь мне просто на все, абсолютно на все плевать, а той струны, которая вызывает режущую боль в сердце, я стараюсь не касаться. За ней тянутся мысли, которые за прошедшую неделю иссушили мои мозги до состояния изюма.

Я больше никогда не буду чувствовать?

Радость, счастье. Эмоции. Их нет. Я просто гребаная оболочка в огромном городе, который в считанные минуты стал для меня пустым.

Зажимаю ледяные руки между голых коленей и в зеркале заднего вида сталкиваюсь глазами с Егором.

За всю дорогу он не произнес почти ни одного слова, но он не стесняется своего внимания в мой адрес. Даже не пытается отвести взгляд, поэтому я отвожу свой первой.

— Крис, — зовет Андрей, не оборачиваясь.

Перестав копошиться в сумке, она смотрит на его затылок.

— Что? — спрашивает.

— Сбрось мне координаты вашего отеля. И турфирмы.

— Хочешь присоединиться?

— Нет. Хочу быть уверен, что найду вас, если вляпаетесь в какое-нибудь говно.

— На турецком курорте? — сухо уточняет она. — Мы планируем не вылезать из бассейна.

— Просто отправь адрес, — велит он.

Сама я понятия не имею, в какой отель мы летим. Андрей об этом знает. Всю поездку организовала Кристина. Быстро. Мне даже кажется — слишком быстро. Вот только Градский покинул стены моей квартиры и я провалилась в тревожный сон, как мы уже едем в аэропорт. Где-то между этими событиями пропала целая неделя моей жизни.

Андрей чертыхается, доставая из багажника наши чемоданы. Дождь льет ему на голову, портит костюм.

Кутаюсь в свою толстовку и прячу лицо в капюшоне, спеша за братом к дверям аэропорта. Он грузит чемоданы на ленту досмотра, продолжая чертыхаться и отряхиваться.

От холодного уличного ветра мои голые ноги покрылись гусиной кожей.

— Мы могли взять такси, — бубнит себе под нос Кристина.

— Считай, что вам повезло, — бормочет в ответ Андрей. — Я буду вашим последним воспоминанием о Москве.

Улыбаюсь в своем капюшоне, замечая:

— Кто сказал, что это везение?

— Не нарывайся, — советует брат. — Мое настроение подмокло.

На секунду мне становится легко.

Движение вокруг отвлекает внимание. Рассеивает его, заставляет концентрироваться на элементарных вещах, вроде того, чтобы не потерять из виду широкую спину Андрея и ярко-красную ветровку подруги.

Стоя под информационным табло, они изучают рейсы, и я по инерции делаю то же самое. Смотрю на меняющиеся строчки, понимая, что не знаю даже, в какой город мы летим.

Сердце толчком выбивает меня из состояния бессмысленной легкости, когда глаза цепляются за лондонский рейс, один из трех запланированных на ближайшие часы.

В груди тяжелеет, давит. Мне не убежать от этой тяжести, куда бы я ни уехала. Голова наполняется картинками. Образами, которые вертятся и вращаются в моей черепной коробке, как ураган. Прямые темные брови, прямой нос, чуть тонкие, строгие губы, маленькая ямочка на подбородке и холодные серые глаза. Искажённое гневом лицо. Моя собственная злость. Воспоминания, от которых щиплет в глазах. Я обвожу ими жужжащее пространство вокруг себя и пальцами сжимаю лежащий в кармане паспорт...

— Эй, алло, Беккер! — Оборачиваюсь на голос Кристины, которая машет мне рукой метрах в десяти правее. — Нам туда!

Сглотнув, снова смотрю на табло, ища тот рейс, название которого вытряхнуло меня из кожи. Именно здесь, под этим табло я понимаю, что способна на безумный, сумасшедший поступок: сесть в самолет, который доставил бы меня на другой конец света.

Плевать на аморальность его образа жизни и такого поступка. Плевать на то, что подумают другие...

Но с холодной ясностью понимаю, что там меня не ждут. В этой отправной точке я принимаю факт, что моя история под названием Влад Градский закончилась.

Смотрю на это табло, и в ушах перестают копошиться звуки вращающегося вокруг меня мира. Все стихает, пока мучительное понимание заполняет собой клетки моего перегретого мозга.

Так больнее.

Так гораздо больнее, чем слышать жесткие слова от самого Градского или бросать жестокие слова в него. И даже горячая слеза, бегущая по щеке, не может растопить того холода, который сантиметр за сантиметром ломает и меняет меня изнутри...

Я больше не хочу любить. Больше никогда. Никого.

На мои плечи опускаются тяжелые мужские ладони, и, вздрогнув всем телом, я оборачиваюсь.

Егор всматривается в мое лицо, протягивает руку, будто хочет смахнуть бегущую по моей щеке слезу, но я уворачиваюсь, отклоняя голову.

В его глазах молнией проносится колючая эмоция, но мне все равно.

— Пошли, я тебя провожу, — убрав руки, говорит Рязанцев.

Конец